Вестник

Московского государственного областного университета

Серия

Русская филология

№ 2 / 2011

Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»
№ 2 Выходит 6 раз в год 2011

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:
Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (499) 261-43-41
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University » (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:
The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:
Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones:.(495) 723-56-31; (499) 261-43-41
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 2 Issued 6 times a year 2011
Series «RUSSIAN PHILOLOGY»
Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Баранников А.В. – член-корреспондент РАО, д.п.н., проф., и.о. ректора МГОУ (*председатель совета*)
Чернобай Е.В. – к.п.н., доц., и.о. проректора по научной работе МГОУ (*зам. председателя совета*)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Дембицкий С.Г. – д.э.н., проф. МГОУ
Затулин К.Ф. - директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. - канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н, проф. Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., доц. МГОУ
Хроменков П.Н. – к.филол.н., доц., и.о. проректора по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Троич К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

A.V. Barannikov – Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Acting Principal of the MSRU (*chairman of the Council*)
E.V. Chernobay – Ph. D. in Pedagogics, Associate Professor, Acting Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
S.G. Dembitsky – Doctor of Economics, Professor of the MSRU
K.F. Zatulin – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor
P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Acting Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

Редакционная коллегия серии «Русская филология»
Series editorial board «Russian philology»

Отв. ред. серии: **Лекант П.А.,** д. филол. н., проф.,
зам. отв. ред.: **Шаповалова Т.Е.,** д. филол. н., проф.
Члены ред. коллегии серии:
Алексеева Л.Ф., д. филол. н., проф.; **Аношкина В.Н.** – д. филол. н., проф.; **Коposов Л.Ф.,** д. филол. н., проф.; **Леденева В.В.,** д. филол. н., проф.; **Моторин А.В.** – д. филол. н., проф. (НГУ им. Ярослава Мудрого, Новгород); **Нагорный И.А.,** д. филол. н., проф. (БГУ, Белгород); **Петров А.В.** – д. филол. н., доц. (ПГУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск);
Гладров В., – д., проф. (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия); **Гржибкова Р.,** – д. (Карлов университет, Чехия);
Шеншина В.А., – лектор Хельсинского университета (Финляндия)

Editor-in-chief - **P.A. Lekant,** Doctor of Philology, Professor
Deputy editor-in-chief: - **T.Ye. Shapovalova,** Doctor of Philology, Professor
Members of Editorial Board: **L.F. Alexeyeva.,** Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina,** Doctor of Philology, Professor; **L.F. Koposov,** Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva,** Doctor of Philology, Professor; **A.V. Motorin,** Doctor of Philology, Professor (Yaroslav Mudry Novgorod State University); **I.A. Nagorny,** Doctor of Philology, Professor (Belgorod State University); **A.V. Petrov,** Doctor of Philology, Associate Professor (Pomorsky State University, Arkhangelsk); **V. Gladrov,** Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany); **R. Grzhibkova,** Doctor (Charles University, Czech Republic); **V.A. Shenshina** Lecturer of Helsinki University (Findland)

ISSN 2072-8522
Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. - № 2. – М.: Изд-во МГОУ. – 172 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство **ПИ № ФС77-26173.**

Индекс серии «Русская филология»
по каталогу агентства «Роспечать» **36761**

ISSN 2072-8522
Bulletin of the MSRU. Series «Russian Philology». – 2011. – № 2. – M.: MSRU Publishing house. – 172 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate **ПИ № ФС77-26173.**

Index series « Russian Philology » under
"Rospechat" agency catalog **36761**

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Девятова Н.М. Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации 7
Евтушенко О.В. Этапы эволюции концепта «государство» при его воплощении художественной речью 13
Лекант П.А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке 20
Лихачев С.В. Семиотические подходы к оценке сообщений на автомобиле 28
Савостина Д.А. Междометие *О!* как средство субъективности в поэтической речи 34
Ухова Л.В. Языковая игра как эффективное средство адресации в рекламных текстах 38
Южакова Ю.А. Семантические варианты конструкций тождества действий различных лиц, а также тождества лиц, производящих одно или аналогичные действия 45

Публикации аспирантов

Айтасова С.И. Эвфемизация в художественном пространстве Н.В. Гоголя 50
Белова Н.Н. Оценочное прилагательное в системе аксиологических дериватов в русском языке 56
Васильева Ю.П. Опыт выявления механизма семантического соединения религиозного, нравственного и социального начал в русской речевой культуре 63
Горелова Л.Д. Диалектные фамилии села Чигорак 67
Дементьева М.К. Языковая личность политика 72
Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел. Грамматическая семантика односоставных дебитивных (инфинитивных) предложений (на материале пьес А.Н. Островского) 78
Попова Л.В. Средства выражения семантики предсказания в русском языке (на материале пословиц) ...84
Раскова Н.В. Афористика в сочинениях А.В. Суворова 89
Сицына-Кудрявцева А.Н. Формирование и трансформация категории «языковая норма» с развитием культуры речи 92
Шихонина А.Д. Грамматическое отрицание при глагольном императиве в русском языке в сравнении с латинским 98

ЛИТЕРАТУРА

Новикова А.А. О становлении «чеховской артели» в оценкахдореволюционной критики (к истории постановки вопроса) 104
Рамазанова Г.Г. Поэзия В.Г. Бенедиктова в оценке московской и петербургской критики 1830-х годов ..112
Солдаткина Я.В. Мифопоэтика романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: культурно-историческое и универсальное 117

Публикации аспирантов

Жаворонок И.А. Особенности использования цветовой детали в современной прозе (на примере романа Л.Е. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик») 123
Зайидова А.В. Статьи В.Г. Короленко о Л.Н. Толстом: столкновение мировоззрений 128
Исаева Н.А. Современные подходы к изучению переводческого наследия В.А. Жуковского: анализ баллады «Уллин и его дочь» 131
Назаралиева Ф.С. Жанровые разновидности литературного портрета в публицистике Фёдора Абрамова 137
Савинич С.С. Образ дома как символа мечты в произведениях Эдгара По и Германа Мелвилла 141
Симбирцева Н.Ю. Жанровые формы литературных мемуаров первой волны русского зарубежья 146
Тюрморезова С.А. Лирическое звучание «Тихого Дона» М.А. Шолохова в восприятии современников ...151
Шлома Е.С. Поэтика природных микромиров в прозе Виктора Астафьева 157

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Отчет о работе Диссертационного совета Д 212.155.01 в 2010 г. 163
Международная научная конференция «Современная славистика и научное наследие профессора С.Б. Бернштейна» 164

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию А.Н. Пашкурова «Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического» (Казань, издательство Казанского государственного университета, 2010) 166

НАШИ АВТОРЫ 168

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

N. Devyatova. Similarity as a comparative sense and its language representations 7
O. Evtushenko. The evolution stages of the concept "state" at its embodiment by art speech 13
P. Lekant. The analytical part of speech "predicate noun" in the modern Russian language 20
S. Likhachev. Semiotic approaches to the evaluation messages on cars 28
D. Savostina. An interjection *"Oh!"* as a means of subjectivity in poetic speech 34
L. Ukhova. Language game as an effective means of addressing in advertising 38
Y. Yuzhakova. Semantic variants of constructions of identity among the various parties, as well as the identities of persons taking a common or similar action 45

Publications of post-graduate students

V. Aytasova. Euphemisation in the works of N. Gogol 50
N. Belova. Evaluative adjectives in the system of axiological derivatives in the Russian language 56
Y. Vasilyeva. The experiment of identification of the mechanism of semantic combination of the religious, moral, and social principles in the Russian speech culture 63
L. Gorelova. Dialect surnames of Chegorak village 67
M. Dementieva. Politician's language personality 72
Al-Sultani Methaq Muhammed Ismael. The grammatical semantics of the mononuclear debitive (infinitive) sentences (based on the material of the plays written by A. Ostrovskiy) 78
L. Popova. Means of expression the semantics of the prediction in the Russian language (on the material of proverbs) 84
N. Raskova. Aphorisms in works by A. Suvorov 89
A. Sitsyna-Kudriavtseva. Formation and transformation of the category «linguistic norm» along with development of the culture of speech 92
A. Shikhonina. Negative imperative category in the Russian language (in comparison with the Latin language) ...98

LITERATURE

A. Novikova. On formation of literary school of Chekhovian timein evaluations of prerevolutionary criticism (to history of statement of a question) 104
G. Ramazanova. Benediktov's poetry in the Moscow's and St. Petersburg's criticism of 1830s 112
Y. Soldatkina. Mythopoetics in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago": cultural-historical and universal themes 117

Publications of post-graduate students

I. Zhavoronok. Peculiarities of using of colorful detail in modern prose (on example of the novel by L. Ulitskaya "Danielschtein, the interpreter") 123
A. Zayidova. Articles by V. Korolenko about L. Tolstoy: a clash of world views 128
N. Isaeva. Current approaches to V. Zhukovsky's translations: the analysis of the ballad "Ullin i ego doch'" 131
F. Nazaralieva. Genre varieties of literary portrait in the publicism of Fedor Abramov 137
S. Savinich. The image of a house as symbol of a dream in the short stories of Edgar Allan Poe and Herman Melville 141
N. Simbirtseva. Genre of Russian emigrant memoirs of the "First wave" 146
S. Tyurmorezova. Lyrical perception of Sholokhov`s "The silent Don" in the eyes of contemporaries 151
E. Shloma. The poetics of natural microcosms in Viktor Astafyev's prose 157

THE SCIENTIFIC LIFE

Report on the work of the Dissertation Council D 212.155.01 in 2010 163
International scientific conference "Modern Slavic Studies and scientific heritage of professor S. Bernstein" 164

REVIEW

Review of A. Pashkurova's monograph "Late Russian sentimentalism: the dialogue between the idyllic and the elegiac" (Kazan, Kazan State University Publishing House, 2010) 166

OUR AUTHORS 168

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Девятова Н.М.
Московский городской педагогический университет

СХОДСТВО КАК СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СМЫСЛ И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ*

N. Devyatova
Moscow City Pedagogical University

SIMILARITY AS A COMPARATIVE SENSE AND ITS LANGUAGE REPRESENTATIONS

Аннотация. В статье рассматривается сходство как сравнительный смысл и его отражение в разных сравнительных конструкциях. Сходство объектов может лежать в природе вещей или создаваться самим языком – значением и сочетаемостью компаративной константы. Разное содержание понятия объясняется типом сравнения – образного, логического, эталонного – и типом конструкции – со сравнительным союзом или со сравнительным предикатом. Как сходство в узком понимании термина рассматривается значение сравнительных конструкций с предикатом «сходство».

Ключевые слова: сходство, сравнительная конструкция, типология сравнения, сравнительный союз, сравнительный предикат.

Abstract. The article deals with similarity as a comparative sense and its representations in different comparative constructions. The similarity of objects may stem from their essense or may be created by the language itself – by the meaning or collocations of a comparative constant. The different meaning of a notion depends on the type of comparison – figurative, logic, reference – and the type of construction – with a comparative conjunction or with a comparative predicate. As a similarity in a narrow understanding of the term, the meaning of comparative constructions with predicate "similarity" is analyzed.

Key words: similarity, a comparative construction, comparison typology, the comparative conjunction, a comparative predicate.

В познавательной деятельности человека исключительная роль принадлежит сравнению. Сравнение – это один из методов познания окружающей действительности, вместе с тем сравнение – это логическая операция соотнесения двух объектов. Результаты такой операции находят выражение в разнообразных синтаксических конструкциях, в том числе сравнительных. Об особенностях логической операции сравнения писал А.А. Потебня: «Когда X было сравнено с кое-чем из A, тогда появилась между ними общая точка: то общее, что появлялось между вновь познаваемым и прежде познанным… Это общее … называется tertium comparationis, третья величина при двух сравниваемых» [Потебня А.А., 1914, с. 130]. Эта третья величина в лингвистике называется по-разному: модуль сравнения, общий признак сравнения, компаративная константа.

* © Девятова Н.М.

В настоящей статье речь пойдет о сходстве, отраженном в разнообразных сравнительных конструкциях.

Сравнительная конструкция рассматривается как определенная репрезентация сравнительной модели – идеального конструкта, в котором находит отражение сравнительная деятельность познающего субъекта. Сравнительная модель представляет собой четырехкомпонентную структуру, включающую объект сравнения (то, что сравнивают), эталон сравнения (с чем сравнивают), модуль сравнения (в другой терминологии – общий признак сравнения, компаративная константа), показатель сравнительного отношения [Кондаков Н.И., 1975, с. 1975]. Поскольку сравнение предполагает некоторую общность сравниваемых объектов, поэтому к сравнительным конструкциям приложимо понятие сходства. Смысл «сходство» входит в определение сравнительной конструкции: «В предложениях с союзом КАК предмет или действие, о котором говорится в главном предложении, характеризуется по сходству с предметом или действием, о котором говорится в придаточном, либо по соответствию тому, что считается привычным или обычным» [Русская грамматика, 1980, с. 496]; «Выраженность идеи подобия постулирует сходство темы и образа (*а подобно в*). Метафора внутренне противоречива, поскольку утверждает тождество заведомо нетождественного; в сравнении же эта противоречивость существенно смягчена, поскольку оно утверждает лишь *сходство* двух более или менее далеких понятий» [Шенько И.В., 1972, с. 7] (выделено нами. – Н. Д.).

Понятие сходства в зависимости от сферы приложения существенно меняет объем своего значения. Что мы имеем в виду, когда говорим о сходстве явлений близких и далеких? Как соотносятся в языке сходство, похожесть и подобие?

Под сходством мы в первую очередь будем понимать результат операции сравнения – сравнительный смысл, находящий выражение в сравнительной конструкции. Сходство в таком понимании противостоит несходству, выражающемуся в сравнительных конструкциях с союзами ЧЕМ, НЕЖЕЛИ и компаративных конструкциях. Мы будем различать сходство – в его широком понимании – как значение определенных сравнительных конструкций и сходство в узком понимании – как особенность сравнительных конструкций со сравнительным предикатом *сходство*.

Среди сравнительных конструкций начиная с Аристотеля принято различать образные и без**о**бразные сравнения. Одно из отличий таких конструкций заключается в характере соотносимых объектов сравнения. В без**о**бразном сравнении сравниваются объекты одного класса, тогда как в образном – объекты, принадлежащие к разным онтологическим классам. Среди безобразных сравнений мы различаем два типа сравнений, имеющих свою языковую организацию – сравнение логическое и сравнение эталонное. Образное, логическое, эталонное сравнение могут выражаться не только конструкциями с союзом КАК, но и конструкциями с другими показателями сравнения. Конструкции с модальными союзами БУДТО, КАК БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО могут выражать только образное сравнение.

Сущность сходства различается, если речь идет о разных типах сравнения. Способность конструкции с определенным показателем сравнения выражать разные типы сравнения – образное, логическое, эталонное – мы считаем ее важным классификационным признаком. Реализация соответствующих типов той или иной конструкцией составляет объем ее сравнительной парадигмы. Полной парадигмой характеризуются сравнительные конструкции с союзом КАК. Например: *Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы, / Чуть дышит ветерок, уснувший на листах, / И тихая луна, как лебедь величавый, / Плывет в сребристых облаках* (А. Пушкин) – образное сравнение;

Гляжу ль на дуб уединенный, Я мыслю: патриарх лесов / Переживет мой век забвенный, как пережил он век отцов (А. Пушкин); *Я вами* [письма] *осужден, свидетели немые / Весны души моей и сумрачной зимы. / Вы те*

же светлые, святые, молодые,/ Как в тот ужасный час, когда прощались мы (А. Фет) – логическое сравнение;

Когда редкая улыбка обнажала на миг его прекрасные, влажно-белые зубы, эти резкие черты так нравились Кларе, что она в его присутствии терялась, говорила не так, как говорить бы хотела (В. Набоков) – эталонное сравнение.

Разные реализации сходства, представленные в разных типах сравнения, рассмотрим на примере конструкций с союзом КАК.

Особенность без**о**бразного сравнения составляет то, что в нем на основании реального, присущего представителям данного класса признака сравниваются объекты одного онтологического класса. Например:

Это солнце горело на каплях чернил, как в кистях запыленной смородины (Б. Пастернак). Пример представляет логическое сравнение; здесь сравниваются разные локализации признака – *на каплях чернил – в кистях запыленной смородины.*

Отличительными чертами логического сравнения являются 1) принадлежность объектов к одному онтологическому классу, 2) одинаковое референтное значение объекта и эталона сравнения, 3) возможность трансформации такой конструкции в сочинительную , 4) сравнение объектов на основании их реального признака [подробнее см. Девятова Н.М., 2008].

При помощи логического сравнения человек устанавливает факт принадлежности объектов сравнения к одному онтологическому классу и, следовательно, факт наличия у них общего признака. Особенность таких конструкций составляет то, что в них могут быть введены отождествительные компоненты ТАК ЖЕ, ТАКОЙ ЖЕ. Например: *Конечно, он в сотый раз слушал все это, но надо отдать ей должное – рассказывала старуха каждый раз внове, просто и небрежно, так же, как вспоминала Ростов своего детства и Нахичевать, куда ездила из Ростова на конке* (Д. Рубина); *Попечитель думал так же, как все мужики, и сам кое-что наживал с дров и за свое попечительство получал с мужиков жалованье, тайно от начальства* (А. Чехов); *Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие к искусству и за невежество* (А. Чехов).

Сходство в таких конструкциях проявляется как установление тождества избранного признака – компаративной константы, утверждение факта его наличия у сравниваемых объектов.

Конструкции логического сравнения могут передавать не только сходство, но и несходство. Несходство проявляется как разная степень проявления избранного признака и выражается сравнительными конструкциями с союзами ЧЕМ, НЕЖЕЛИ – сложноподчиненным предложением, предложением со сравнительным оборотом – и компаративными конструкциями – простыми предложениями, организованными сравнительной степенью прилагательного, слова категории состояния или наречия. Конструкции логического сравнения, выражающие сходство и несходство, представляют вариации общего грамматического значения. Несходство в таких конструкциях – это разная степень проявления признака – большая или меньшая. Например: *Память сердца! Память сердца! / Где предел тебе, скажи! / Перед этим озареньем отступают рубежи. / Ты теплее, ты добрее трезвой памяти ума* (В. Тушнова); *Казалось, что здесь было светлей, чем в поле; листья кленов, похожие на лапы, резко выделялись на желтом песке аллей и на плитах, и надписи на памятниках были ясны* (А. Чехов).

В эталонном сравнении мы различаем два типа конструкций. Первый тип составляют конструкции, в которых признак сравнивается с нормой его проявления или имеющимся у говорящего представлением. Такое сравнение строится при участии компонентов с модальным значением: *как надо, как следует, как ему показалось, как хотела* и т. п. Например: *Как и полагается при раскрытии убийств, одним из первых шагов становится выяснение и отслеживание всех передвижений и контактов потерпевшего за последние дни* (А. Маринина) – последовательность

действий сравнивается с нормой поведения в подобной ситуации. Или: *Редька был непрактичен и плохо умел соображать; набирал он работы больше, чем мог исполнить, и при расчете тревожился, терялся и потому почти всегда бывал в убытке* (А. Чехов). – Здесь сравнивается «количество» действия с мерой его возможного осуществления субъектом.

Во втором типе эталонного сравнения объект сравнивается с классом. Это конструкции с эталоном сравнения *как все, как человек…* Смысл «сходство» реализуется здесь как соответствие единицы классу. Например: *Ты такая же простая, как все, / Как сто тысяч других в России* (С. Есенин); *В Берлине студенты одеваются, как все люди* (И. Тургенев).

В образном сравнении назначение сравнения иное, поэтому и понятие сходства имеет иную интерпретацию. Отличительной особенностью образного сравнения является сравнение объектов далеких, принадлежащих к разным онтологическим классам, к которым понятие сходства заведомо неприложимо. Каким же образом создается «близость далекого», сходство несходного?

Образность сравнения может создаваться разными способами. В первую очередь образность создается соотнесением объектов, принадлежащих к разным онтологическим классам. Кроме того, образность создается компаративной константой. Можно говорить о двух типах компаративных констант в образном сравнении. Различие касается характера ее прочтения относительно разных объектов сравнения.

Компаративная константа может представлять слово, прочитывающееся одинаково по отношению к объекту и эталону сравнения, либо по-разному.

В первом типе компаративная константа прочитывается одинаково по отношению к разным объектам сравнения. Например: *Как на друзей забытых, я глядела / на яблоки, склоняясь над столом, и трогала упругое их тело, пронизанное светом и теплом* (В. Тушнова); *Несвойственна любви красноречивость, / боюсь я слов красивых как огня* (В. Тушнова).

Говоря о сходстве применительно к таким сравнениям, мы имеем дело со сходством, обусловленным не природой вещей, а создаваемым словом. Границы сходства задаются границами сочетаемости слова – компаративной константы *(глядела на друзей – на яблоки; боюсь слов – боюсь огня)*. Ср.: *глядеть на друзей, на яблоки, на дома, на небо* и т. п. Или: *боюсь слов, огня, людей, воды* и т. п. Однако назначение конструкции не только в том, чтобы обнаружить общее в объектах разных классов. Указание на сходство далекого служит здесь другой цели: через обращение к сравнению передать высокую степень проявления признака.

Во втором типе образного сравнения компаративная константа прочитывается поразному по отношению к разным объектам сравнения. Применительно к объекту сравнения оно прочитывается метафорически, тогда как применительно к эталону сравнения оно прочитывается в прямом значении. Например*: Вечер был сух, как рисунок углем* (Б. Пастернак); *Внешний мир обступал Юру со всех сторон, осязательный, непроходимый и бесспорный, как лес* (Б. Пастернак); *Саша пришел домой, внутренне обугленный и обожженный, как его палатка* (В. Токарева).

Сходство таких явлений лежит в области языка. Оно создается сочетаемостью разных значений многозначного слова.

Отличие конструкций с союзами ЧЕМ, НЕЖЕЛИ от конструкций с союзом КАК проявляется в объеме их сравнительной парадигмы. Такие конструкции редко выражают образное сравнение. Чаще образное сравнение выражается компаративной конструкцией. Например: *О, пожелтевшие листы / В стенах вечерних библиотек, / Когда раздумья так чисты, / А пыль пьянее, чем наркотик* (Н. Гумилев).

Особенность такого образного сравнения состоит не в том, чтобы выразить несходство объектов, а в том, чтобы при помощи сравнения передать исключительный признак объекта, наивысшую степень проявления признака. Например: *Глаза забыли синеву, / Им солнца пыль не золотиста ,/ Но ведь одним я*

сном живу, / Что между граней аметиста, / Затем, что там пьяней весны / И беспокойней, чем идея, / Огни лиловые должны переливаться холодея (И. Анненский).

Сходство как сравнительный смысл выражается и в конструкциях со сравнительными предикатами *похож и сходен*[1], *сходство* и *подобие*. Смысл «сходство» входит в определение всех единиц, однако если говорить о конструкциях с предикатом «сходство», то они выражают свой сравнительный смысл. Отметим асимметрию выражения сходства / несходства в таких конструкциях. Отсутствие сходства передается конструкцией с *не похож*. Предикат *сходен, сходство* не принимает отрицания. Например: *Класс был малорослый, все девочки, как будто специально подобранные, были светловолосыми, белокожими, и она* [Мария] *страдала, что на других не похожа, а в особенности страдала от размера своей обуви – тридцать седьмого* (Л. Улицкая); *Ему* [Орфею] *хотелось, чтобы эта женщина, непохожая на всех других женщин, которых ему приходилось видеть, послушала, поняла его* (О. Попцов).

Отсутствие сходства передается и другими средствами, например, *ничего похожего*: *Недавно в Бостоне в русском магазине я увидел круглую буханку с ценником: «Арнаутская булка». И сразу купил.*

Разумеется, ничего похожего на божественный аромат детских киевских гостеваний (Д. Рубина).

Особенности сравнительных конструкций с предикатами *сходство, «похожесть», подобие* объясняются тем, что в них находят отражение результаты лингвокогнитивной деятельности сравнивающего субъекта. Существительные *сходство*, *подобие* вовлекаются в речевую деятельность при помощи разных когнитивных операций: *увидеть, заметить похожесть; заметить, установить сходство; установить подобие*.

Близость сходства и похожести, сходства и подобия находит отражение в их словарных толкованиях, когда одно из понятий трактуется через обращение к другим понятиям. Например: «*похожий*» – *имеющий сходство с кем-, чем-либо*»; «*подобие*» – *что-нибудь сходное с чем-н. другим, содержащее образ, вид чего-н.*» (СО). Семантический компонент «сходство» включается в толкование и подобия, и похожести.

Однако анализ таких конструкций позволяет обнаружить избирательность к выбору объектов сравнения. Ср.: *Карандаш похож на ручку*, но не * *Карандаш подобен ручке, *Карандаш сходен с ручкой.* Похожесть, сходство и подобие обнаруживают разные предметы. Ср.: *сходство во взглядах, в мыслях, в одежде,* но не * *подобие во взглядах, мыслях, одежде.* Обладать *сходством* в чем-либо с кем-либо – значит иметь такие же взгляды, мысли, одежду. Например: *То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник, Он всеобъемлющей душой На троне вечный был работник. Семейным сходством будь же горд; Во всем будь пращуру подобен; Как он неутомим и тверд, И памятью, как он, незлобен* (А. Пушкин). Сходство здесь затрагивает не внешние признаки, а характеризуют государственную деятельность Петра и его потомка. Или:

– Боря, – сказала Лиза, ставя передо мной тарелку на стол. – Ты не находишь сходства между нашей обстановкой и твоей клиникой? (Д. Рубина). Сходство затрагивает то, что происходит в сравниваемых пространствах.

Если речь идет о внешних признаках, «похожесть» и «сходство» обозначают одно и то же, однако они употребляются неравномерно: в русском языке нет субстантива «похожесть», поэтому соответствующий смысл

[1] Т.А. Павлова, анализируя разные типы предложений, передающих значение сходства, выделяет предложения, передающие постоянное и преходящее сходство, отмечает семантические особенности отдельных предложений со значением сходства, связанные с большей или меньшей степенью сходства (*вылитый, одинаковый – похожий, сходный*), с характером сопоставляемых объектов («только для выражения сходства между одушевленными объектами могут использоваться предикаты *вылитый портрет, пойти, уродиться, выдаться, быть в кого*. При этом употребление предиката *вылитый портрет* ограничено основанием сравнения: они служат для выражения внешнего сходства одушевленных объектов» [Павлова Т.А., 1988, с. 114]. Интерес представляют и выделенные особенности предикатов *однотипный, близкий, неразличимый* и др.

выражается существительным *сходство*. Например: *Нацепив на орлиный нос круглую металлическую оправу, что сразу придало его облику нарочитое сходство с каким-то кукольным персонажем, он ребром ногтя натыкал на клавиатуре номер с бумажки и замер с припаянным к уху мобильником, хищно вытянув подбородок, устремив бледно-серые, неизвестно кого и о чем умоляющие глаза в неразличимую отсюда инстанцию* (Д. Рубина).

«Похожесть» замечают (видят), констатируя таким образом наличие общих признаков у объектов. Ср.: *Они похожи во всем, но не *сходны во всем, *подобны во всем; сходство явлений, но не *похожесть явлений; слова обнаруживают сходство в значении, но не похожесть или подобие.*

Сходство, хотя и близко к *похожести*, имеет свое лингвистическое выражение. *Похожесть* – это одна из степеней сходства, выявляемая на основании определенных признаков.

Для выявления особенностей похожести и сходства интересны наблюдения над их употреблением в лингвистическом дискурсе. Например:

Лексический состав фразеологизмов также ограничен набором компонентов: муки слова, ахиллесова пята, во все лопатки бежать. Но в отношении этого явления речь может идти только о «похожести», но не о сходстве, так как замена необязательно синонимична: намылить шею/ голову, стереть в порошок /пепел/ пыль; гонять лодыря /собак, задать баню /жару (В. Телия).

Похожесть выявляется по внешним признакам и констатируется. Сходство же представляет познавательную операцию и обобщает достаточно значимые признаки объектов. Для установления сходства необходим комплекс признаков. Например:

А пока она писала неловкие буквы чернильным карандашом, мелко крутящимся в штопаных шерстяных перчатках, он смотрел на ее чистый лоб и внутренне улыбался ее чудному сходству с молодым верблюдом, терпеливым и нежным животным и думал: «И даже колорит: смуглое, печально-умбристое и розовое, теплое» (Л. Улицкая).

Сходство обобщает не только внешние признаки, но и затрагивает привычки, действия, манеры и т. п. Это «похожесть» более высокого уровня. Сходство, однако, отличается не только от похожести, но и от подобия. Можно сказать *Они сходны во всем; Они похожи во всем*, но не **Они подобны во всем.* Подобие затрагивает внутренние свойства объекта, определяющие его сущность. Если речь идет о предметах, подобие отражает функциональное предназначение предметов. Если речь идет о лицах, подобие затрагивает сферу жизнедеятельности, поведения и т. п. Например: *Новый приборчик называется M3Poveru и используется подобно обычному бритвенному станку* (НКРЯ); *Оказалось, что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы в каждое свидание передавали друг другу написанное стихотворение* (А. Фет).

Различия сходства и подобия также обнаруживает лингвистический дискурс. Лингвистический контекст обнаруживает и различие ментальных процедур, стоящих за этими единицами. Например: *Тексты сходные с тургеневскими, состоящими из относительно автономных малых текстов, которые не имеют однозначно заданного автором порядка следования, то есть свободны композиционно, но имеют общие свойства (семантические, структурно-семантические, интертекстуальные) – такие тексты образуют единое интертекстуальное пространство, потенциально подобное гипертекстовому* (В. Лукин). Ср.: *тексты сходные*, т. е. обладающие рядом «внешних» признаков; *интертекстуальное пространство подобно гипертекстовому*, т. е. обнаруживает проявление их некоторой общей внутренней сущности.

В ряду конструкций со сравнительными предикатами конструкции с предикатом *сходство* занимают промежуточное положение между «похожестью» и подобием. Предикат *сходство* выявляет более важные характеристики объектов, нежели предикат

похож, однако *сходство* не поднимается до выявления сущности явления.

Таким образом, сравнительный смысл «сходство» реализуется в сравнительных конструкциях по-разному, обнаруживая разные аспекты и результаты сравнительной деятельности. Этим и объясняется богатство и разнообразие сравнительных конструкций в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Девятова Н.М. О сравнении образном, логическом, отождествительном // Преподаватель XXI века. – 2008. – № 4. – С. 101-105.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: «Наука», 1975. – 720 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд-е 23-е, исправл. – М.: «Русский язык», 1991. – 917 с.
4. Павлова Т.А. Предложения со значением сходства // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 106 – 116.
5. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков: Типография «Мирный трудъ», 1914. – 164 с.
6. Шенько И.В. Синтаксис и семантика образного сравнения (на материале английского языка). Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Л., 1972. – 24 с.

УДК 80/81

Евтушенко О.В.
Московский государственный лингвистический университет

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» ПРИ ЕГО ВОПЛОЩЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЬЮ*

O. Evtushenko
Moscow State Linguistic University

THE EVOLUTION STAGES OF THE CONCEPT "STATE" AT ITS EMBODIMENT BY ART SPEECH

Аннотация. Статья посвящена диахроническим изменениям концепта «государство», отраженным в художественных текстах XVIII–XXI вв. Выделяются пять этапов эволюции концепта, описываются характерные для каждого из них когнитивные процедуры. Анализируются изменения в семантической структуре и контекстуальных значениях слов *государство, страна, власть*, а также перераспределение между ними функций репрезентации исследуемого концепта.

Ключевые слова: диахронические изменения, концепт, художественная речь, лексико-семантическая структура слова, контекстуальное значение, неологизм.

Abstract. The article deals with the evolution of the concept "state" represented in the literary works of the 18-21 centuries. Five stages of the concept evolution were determined, and the characteristic cognitive procedures for each of them were described. The author analyzes the changes in the semantic structures and the contextual meanings of the words state, country, authority, and in addition the functional redistribution of the tokens of the concept.

Key words: diachronic changes, concept, art speech, lexical-semantic structure of a word, contextual meanings, neologism.

* © Евтушенко О.В.

Концепт представляет собой компактную форму хранения фрагмента знания, которым человек может оперировать и как целостной единицей, и как структурой достаточно высокой степени сложности (подробнее см. [9]). Не случайно В.З. Демьянков называет отличительным признаком концепта его способность «раскрываться», подобно почке [3]. Анализ эволюционных изменений концепта позволяет не только начертить вектор развития национальной мысли, но и определить характер доминирующих на той или иной стадии этого развития мыслительных процедур. Тем не менее вопросы диахронии пока не привлекли серьезного внимания когнитологов.

Предпринятое нами исследование показало, что эволюция концептов в процессе художественного познания действительности носит волнообразный характер, и усложнение их структуры сменяется ее упрощением. В своем развитии концепт проходит следующие этапы: «кодирования» (т. е. первичного дробления, которое неразрывно связано с изобретением простых или составных номинаций для обозначения выделенных элементов), «препарирования» (сначала образной, а затем рационально-логической детализации, заканчивающейся выработкой воспроизводимого – классического – состава структурных компонентов, по которым узнается концепт), «инкрустирования» (вычленения в познаваемом фрагменте действительности таких категорий, которые прежде оставались незамеченными; присвоенные им обозначения редко выходят за рамки индивидуально-авторского употребления), «моделирования» (т. е. эксперимента с ментальными пространствами, логическими структурами, языком) и «нивелирования» (т. е. утраты различий с категориями обыденного мышления).

Принципы установления состава концепта «государство» в современном обыденном сознании описаны в [7]. Анализ контекстуальных синонимических замен лексемы *государство* в двух его словарных значениях позволил определить, что вербальным воплощением этого концепта служат слова *государство, страна, власть*. Диахроническое распределение между ними смыслов, относящихся к государству, и будет рассмотрено далее.

Начальный этап становления русского литературного языка (до конца XVIII в.) – это этап функционирования синкретического понятия *государство*, включавшего в себя смыслы «земля (страна)» и «правление (власть)». Как отмечает И.С. Улуханов, в древнерусскую эпоху это слово «называло земли, управляемые государем» [15, с. 233]. Примечательно, что те же смыслы входили и в семантическую структуру древнерусского слова *власть*: «3. власть, господство, 4. управление, 5. страна, область» [13, 1, с. 273]. Можно сказать, что два слова покрывали общую область знаний, но фокусировали внимание на разных ее сторонах. Не случайно П.Я. Черных определяет значение слова *волость* на период XI в. как «государство, страна» [16, с. 157]. Слово *страна* в древнерусском языке имело семантическую структуру, включавшую лишь один из указанных смыслов – «5. страна, земля, область» [13, 3, с. 535–536].

Начало XIX в. – это этап кодирования, т. е. дробления синкретического понятия и присвоения имен новообразованным категориям, с последующим превращением бывшего прежде синкретическим понятия в концепт со сложной структурой. Не случайно именно в это время появляется «История государства Российского» Н.М. Карамзина. В этом тексте формируется новый конкорданс слова *государство*. В фокус внимания попадает этническая составляющая (*имя Русское имеет для нас особенную прелесть* [1]), а также те смыслы, которые в наше время входят в понятие *страна*: быт (*гражданское бытие*, т. е. не военное, не связанное с завоеваниями, что ослабляет смысл «власть», *гражданские обычаи*), экономика (Карамзину приписывается создание слова *промышленность* [2]), культура. Н.М. Карамзин употребляет окказиональное словосочетание *государственная нравственность* (*...обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу* ***государственной нравственности****, которая ставит уваже-*

ние к предкам в достоинство гражданину образованному? [1]), благодаря чему в структуре концепта «государство» появляется компонент «нравственность». Формируется другой структурный компонент – *единство*. Для него Н.М. Карамзин приспосабливает появившееся в конце XVIII в. слово *общественность*[1]: *А мудрая связь* ***общественности****, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобности жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные...* (Письма русского путешественника, 1793) [1].

Новым смыслом наполняется слово *гражданин*: древнерусское значение «горожанин; житель» [13, 1, с. 577] модифицируется за счет появления коннотаций «патриот», «долг перед государством (отечеством, обществом)[2]»: *Мы все* ***граждане****, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии;* ***личность*** *каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя* (Карамзин, История государства Российского, 1816–1826) [1]. К середине XIX в. вторая коннотация формирует новое значение, которое в Словаре Ушакова описано так: «2. Сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным» [20].

Следующий эволюционный этап – препарирование – начинается с образной детализации понятия. Показательно, что яркие, живые, отличающиеся разнообразием метафоры государства появляются только в начале 40-х гг. XIX в. у Н.В. Гоголя. Некоторые из них развивают тот образ, который на предшествующем эволюционном этапе лишь угадывался по переносным значениям признаковых слов в ближайшем контекстном окружении слова *государство*. Так, например, в конце XVIII в. универсальные схемы «вместилища» и «связи» совмещались в едва наметившейся синкретичной метафоре «строения»: *Чем государство основательнее в своих правилах, чем* ***стройнее****,* ***светлее*** *и тверже оно само* ***в себе****, тем менее может оно* ***позыбнуться*** *и* ***стрястися от дуновения*** *каждого мнения…* (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, 1790) [1].

Н.В. Гоголь отделяет одну схему от другой и закрепляет полученный результат с помощью разнообразных метафор. Так, схема «связь» воплощается в метафорах «организм», «машина», «оркестр»: *…Изумить весь мир согласной стройностью того же самого* ***организма****, которым она доселе пугала*; *…Не увеличить сложность и без того уже весьма сложного государственного* ***механизма****...*; *… Обратить в стройный* ***оркестр*** *государство* (Выбранные места из переписки с друзьями, 1843–1847) [10]. Схема «вместилище» воплощается в метафоры «дом» (*…Предпринял он заглянуть в те и другие* ***углы*** *нашего государства*), «город» (*из отдаленных* ***закоулков*** *государства*) [10]. Впоследствии каждая из этих метафор получит развитие у других авторов.

На этапе оппозитивного членения (примерно 70–80-е гг. XIX в.) из значения слова *государство* выделилось новое, сначала контекстуальное, а затем и языковое, значение «властные структуры». За этим последовал этап снятия противоположности, который отмечен совпадением прежнего значения слова *государство* и сложившегося к этому времени значения слова *страна*.

Во времена Н.М. Карамзина слова *государство* и *страна* были, скорее, противопоставленными по своей субъективной модальности, чем сопоставленными по общим смысловым компонентам. Если *государство*

[1] До «Писем русского путешественника» (1793) слово *общественность* встречается в «Житии Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений» А.Н. Радищева (1789), в значении «обобщенность»: *общественность довода* [14]. Н.М. Карамзин придает слову новое значение, привязавшее его к номинативному полю концепта *Государство*, см. впоследствии: *Чувство* ***общественности*** *теперь везде сильнее, чем когда-либо прежде было. Каждый живее чувствует себя в обществе и общество в себе, и каждый по крайней мере претендует служить обществу, служа себе самому* (Белинский, Руководство к всеобщей истории) [14] и далее: «Общественность – 1. см. общественный. 2. *собир*. Общество, передовая его часть, выражающая его мнение» [15, с. 440].

[2] Начало формированию второй коннотации было положено, по-видимому, Екатериной II, см.: «…Могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами…» (Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества [14]. По наблюдению В.В. Виноградова, А.Н. Радищев употреблял слово *гражданин* в одном контексте со словом *равенство* [2].

ассоциировалось с народом, национальностью и имело регулярные контекстуальные синонимы *Русь, Отечество*, что поддерживало модальность «свой», то *страна*, имевшая в древнерусском языке значения «4. противник на войне; <…> 6. чужая страна; <…> 8. иноверный народ; 9. языческий народ» [13, 3, с. 535–536], была наделена модальностью «чужой». Ср. у Карамзина: ***государство*** *Российское* и *…Мы удалились в ту* ***страну****, где <…> многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету* (Наталья, боярская дочь, 1792) [1]. Эти различия сохраняются до 70-х гг. XIX в., см.: *– Да; чтобы не восходить далее и не искать указаний в* ***странах*** *совершенных дикарей* (Лесков, На ножах, 1870) [1]. Однако уже к концу этого десятилетия наблюдается нейтрализация значений рассматриваемых слов: *Ему казалось, что при нормальном развитии* ***богатства в государстве*** *все эти явления наступают, только когда на земледелие положен уже значительный труд, когда оно стало в правильные, по крайней мере, в определенные условия; что* ***богатство страны*** *должно расти равномерно и в особенности так, чтобы другие отрасли богатства не опережали земледелия* (Толстой, Анна Каренина, 1878) [10].

Сдвиг в номинативном поле концепта *Государство* и передача прежних номинативных функций от слова *государство* к слову *страна* произошел в конце XIX в. Эти изменения наглядно представляет следующая таблица:

Цифры показывают, что в первой половине XIX в. фокус внимания сместился с взаимоотношений с соседями и завоеваний окраин к внутригосударственному устройству, отчего повысился индекс употребления слова *государство*. Однако в 80-х гг. наступает перелом: передача основной смысловой нагрузки слова *государство* лексеме *страна* приводит к резкому изменению их пропорционального соотношения в художественных тестах. Закрепление *страны* в роли доминанты отмечается в первое десятилетие XX в. Именно эта лексема теперь обнаруживается в том контекстном окружении, где прежде использовалось слово *государство*, ср.: *покорил* ***государство*** *и целый народ в* ***несколько миллионов*** (Толстой, Война и мир, 1867–69) / *определят будущее* ***стомиллионной страны*** (Савинков, То, чего не было, 1912); *не отнимет ни* ***чести****, ни славы его как великого* ***государства*** (Достоевский, Братья Карамазовы, 1880) / *Торговая* ***честь страны*** (Горький, Фома Гордеев, 1899) [14].

Однако уже в 20-е гг. слово *страна* теряет свои позиции: для концепта «государство» начинается этап переразложения. К слову *страна* добавляется распространитель *советская*, который так же, как и внутренняя форма слова *государство*, отсылал к информации: «под чьей властью находилась терри-

Таблица

Распределение слов *государство* и *страна* в художественных текстах XVIII–XXI вв. (среднее число на 10 документов по НКРЯ)

Период / Слово	1750–1820	1830–1870	1880–1900	1900–1910	1920–1930	1960–1970	2000–2010
Государство	39	42	4	5	11	14	13
Страна	83	17	12	19	24	16	41
Процентное соотношение	1/2	2/1	1/3	1/4	1/2	1/1	1/3

тория?» Аналогом второго незадолго перед этим выделившегося значения слова *государство* – «властные структуры» (см.: *Плохо служит нам* ***государство****. Чернил, вон, цельный пузырь прислали, а они и не понадобились* [12, с. 194]) – становится сочетание *Советская власть*: *Некоторые капиталисты просили, чтобы их наняла* ***Советская власть*** *себе в батраки – без пайка и без жалованья* [12, с. 250], ср.: *наняло государство*. Проявляется и обратный процесс: название органа власти становится возможным метонимически употребить для обозначения управляемой им территории: *Мужики жили и молчали, а Сербинов ехал дальше* ***в глубь Советов****, чтобы добиться для партии точной правды из трудящейся жизни* [16, с. 344]. Впоследствии для нейтрализации коннотации «нестабильность», развившейся в пореволюционные годы у слова *власть*, стали употреблять явный плеоназм *государственная власть*, например: *Наше пользование землею беззаконно. Оно самочинно скрыто от установленного* ***государственною властью*** *учета* (Пастернак, Доктор Живаго) [10], ср.: *от осуществляемого государством учета / от государственного учета*.

Такое перераспределение функций между репрезентантами концепта объясняется экстралингвистическими причинами, в частности использованием новой номинации властных структур подчеркивался разрыв с прежним государственным устройством[1]. Однако нельзя не заметить, что этот процесс точно совпал по времени с обновлением репрезентантов и у других изученных нами и далеких от «государства» концептов. По достижении порога насыщения номинативного поля концепта единицами с антиномичными коннотациями на этапе препарирования (например, *государство Российское / буржуазное государство*; *устои государства / Государство и революция*) сознание проявляло способность активизировать новые зоны структуры концепта. Важную роль в этом сыграло накопление в начале XX в. актуальных текстов с ключевым словом *власть* (*Мы будем вести борьбу за власть; Вся власть Учредительному собранию / Советам*).

Передача значительной части функций от *государства 1 – стране*, а от *государства 2 – власти* имеет характерную направленность: исконно русское слово уступает словам с церковнославянскими корнями, что может объясняться отказом от национальной идеи в пользу космополитической по сути общепролетарской идеи. В 30-е гг. предпринимались попытки построить оппозицию *страна* / *сторона*, но она не закрепилась в языке, см.: *…Избяная Русь, родная* ***сторонушка, не страна:*** *единство социальное и бытовое, а не государственное и даже не географическое* (Ходасевич, Некрополь, 1939) [1]. В этой связи важно заметить, что только слово *страна* (но не *государство*!) имело в древнерусскую эпоху языковое, а в наше время имеет контекстуальное значение «народ», оно расширяет текстовое пространство, открывая географическую перспективу; и только *власть* может персонализироваться в любом субъекте без ограничений, чего нельзя сказать о *государстве* (ср. *Стало быть, ты власть!* [16, с. 173] и *Государство – это я*: в первом случае местоимение допускает подстановку любого имени собственного, во втором – практически только одного, поскольку при любой трансформации сохраняет аллюзивный характер).

20–30-е гг. XX в. – это одновременно и этап инкрустирования, т. е. актуализации новых структурных элементов концепта «государство». Начинает активно разрабатываться кластер «люди – человек – личность», что является естественным развитием антропологического направления в русской культуре. Е.И. Замятин в романе «Мы» (1920) выстраивает антитезы «человек – нумер» (*она уже не была* ***нумером*** *– она была только* ***человеком***), «индивидуальность – общность» (***Я*** *лишь по-*

[1] (Как отмечает И.С. Улуханов, «исконный (этимологический) признак государства – это наличие правителя (*государя*)» [15, с. 226]. В.И. Ленин в своих работах (например, в «Очередных задачах Советской власти») с высокой частотностью слово *государство* употребляет с распространителем *буржуазное*, тогда как новый тип государства именует *Советской республикой* или *Советской властью*).

пытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что ***мы*** *думаем* [1]). При этом начавшаяся на этапе кодирования разработка структурного компонента *общество* совсем прекратилась.

Рассматриваемый период характеризуется одновременно как активное моделирование концепта. И дело не только в моделировании нового государственного устройства (*наше социалистическое государство, молодое Советское государство*). Появляются такие редуцированные модели, как «человек-государство»: *И Катафалаки решил: объявить самого себя государством. <…> Ему приходилось быть комиссаром всех своих комиссариатов и подданным самого себя. <…> Жизнь* ***человека-государства*** *становилась с каждым днем все невыносимее* (Кржижановский, Материалы к биографии Горгиса Катафалаки, 1929) [1]. Контекст неологизма показывает, что порядок значений входящего в него слова *государство* изменился: на роль первичного стало претендовать значение «властные структуры», чего еще не наблюдалось при изолированном употреблении слова *государство* в художественных текстах того времени. Жизнеспособность созданной модели доказывается аллюзивным обращением к ней по прошествии 70 лет: *Если бы не помощь Международного валютного фонда / отца, долги в зачатке похоронили бы молодое* ***государство в лице меня*** [10].

Прерванный социально-политическими обстоятельствами процесс моделирования возобновился в начале XXI в. и выразился в альтернативной редукции, т. е. в воплощении в текстах преимущественно негативных знаний о государстве не только как о «властных структурах» (см.: *Мы сами позволили государству быть бесчеловечным* [5, с. 191]), но и о «стране» (*…Живем мы в катастрофическом государстве* [5, с. 191]). Слово *народ* второй раз в российской истории вытеснено словом *население*: *Иначе как вы объясните, что* ***население*** *страны сделало своими гуру персонажей с сомнительной репутацией, страдающих алкогольной и прочими зависимостями, и с зарплатой в полторы тысячи долларов?* [10].

Примерно с середины XX в. наблюдается процесс упрощения концепта, который мы связываем с нивелированием различий между художественным и обыденным мышлением. Яркий признак перехода к этапу нивелирования – стереотипизация. Она проявляется в заметном росте обращений к прецедентным феноменам и употреблений клише, как например: *Мачо тотчас обиделся и почернел от злости, проявив осведомленность, что русская – дочка* ***кухарки****, сделавшей революцию и* ***управляющей государством****, тогда как он – всего лишь дон в четырнадцатом поколении* [12, с. 148].

Этот этап развития концепта связан с возвращением укорененных в народной культуре и деактуализированных в процессе развития литературного языка вербальных репрезентантов. В частности, обращает на себя внимание необычная частота употребления сложного слова *царство-государство*: *Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробах покоилось во все века* ***наше царство-государство****, вечная всем память* (Павлов, Казенная сказка, 1993) [10]. Не менее показательной является актуализация в естественном языке такого историзма, как *Государственная Дума*, провоцирующая авторов на помещение в контекст исторической стилизации: *Отныне и в течение ближайших четырех лет* ***Государственная дума*** *будет стоять на шести китах.* И далее: *…Он стоял на берегу не совсем чтобы пустынных волн полный, по мысли режиссера, великих и* ***государственных дум*** (Баконина, Школа двойников, 2000) [10]. Приведенный пример позволяет предположить, что художественная речь наделена способностью вытаскивать естественный язык из «кризиса нивелирования» путем возвращения слову той части изначальных смыслов, которая в сложившейся исторической ситуации может придать мысли новое направление.

Исследование показало, что изменения концептов хоть и зависят от социально-исторических и социо-культурных факторов, но направляются они закономерностями

развития сознания. Мы представили здесь лишь те из них, что отражены в художественной речи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека Максима Мошкова: Русская классика [электронный ресурс]. – М.: ИД Равновесие, 2007. – 1 CD-ROM.
2. Виноградов В.В. История слов. – М.: РАН ОЛЯ; ИРЯ РАН, 1999. – 1138 с.
3. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. – С. 606–623.
4. Ерофеев В.В. Бог Х / В.В. Ерофеев. – М.: Зебра Е, 2005. – 350 с.
5. Караулов Ю.Н., Михайлов О.Д. «Государственность» как образ государства в обыденном сознании носителя языка-культуры // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. – М.: «Азбуковник», 2006. – С. 66–117.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Ин-т языкознания РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Ленин В.И. Сочинения: в 35 т. – 4-е изд. – Т. 27. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1953. – 364 с.
8. Липскеров Д. Осени не будет никогда. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 352 с.
9. Минаев С. The телки [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru/minaev/the_telki (дата обращения: 10.12.2010).
10. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 8.12.2010).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1988. – 25–396.
13. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 4 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 1. – 806 с.; Т. 3. – 852 с.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; ГИИНС, 1938. – 1040 с.
15. Улуханов И.С. Слово «государство» в кругу генетически и семантически близких слов // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании. – М.: «Азбуковник», 2006. – 226–237.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1993. – 560 с.

УДК 81'366.587

Лекант П.А.
Московский государственный областной университет

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ *ПРЕДИКАТИВ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

P. Lekant
Moscow State Regional University

THE ANALYTICAL PART OF SPEECH "PREDICATE NOUN" IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В статье тезис о расширении аналитизма в грамматическом строе русского языка аргументируется активизацией аналитических форм времени и наклонения со связкой *быть.* Категории времени, наклонения, лица, репрезентируемые формами связки, характеризуют часть речи *предикатив,* который имеет категориальное значение состояния. Эта гибридная часть речи имеет указанные признаки глагола и адъективные формы рода и числа.

Ключевые слова: аналитизм, предикатив, категориальное значение состояния, гибридная часть речи.

Abstract. In the article the thesis about the growth of analitism in the grammar system of the Russian language is explained with the activization of analytical forms of the tense and the mood with a linking verb "to be". The categories of tense, mood and person, which are represented by the forms of the linking verb, define the part of speech called "predicate noun" that have a categorical meaning of a state. This hybrid part of speech has the mentioned peculiarities of a verb, and also the adjective forms of the gender and the number.

Key words: analitism, predicate noun, categorical meaning of state, hybrid part of speech.

Проблема роста аналитизма в современном русском языке, безусловно, заслуживает всестороннего исследования. Автор этой статьи на протяжении полувека многократно обращался к различным частным вопросам данной проблемы (см., например: [Лекант П.А., 1961, с. 7-8; Лекант П.А., 1969; Лекант П.А., 2010, с. 4-5] и др.).

Данная проблема очень интересовала, можно сказать, волновала В.В. Виноградова. Он не только сожалел, что «вопрос об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка заглох» [Виноградов В.В., 1947, с. 37], но и, «оживляя» этот вопрос, подчёркивал движение, динамизм, расширение аналитизма: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, «аналитико-синтетическому» [там же].

Определяя основные направления грамматического учения о слове, В.В. Виноградов «фронтально» характеризует рост аналитизма: «Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания» [там же]. Этот процесс характеризуется при описании категорий и форм разных частей речи в их «живом» синтаксическом употреблении. В.В. Виноградов не только называет аналитические формы глагола на *-л + бы* – сослагательное наклонение [там же, с. 603], но и отмечает «аналитическое выражение <…> модальных оттенков высказывания» в глагольных конструкциях «за пределами основных наклонений глагола» *взять да, и, да и: возьми и умри; взял и уснул* [там же, с. 603-604]. Предикативные средства предложения при активном участии частиц расширяют и дифференцируют модальные значения и оттенки. «Новые оттенки модальности предло-

* © Лекант П.А.

жения все чаще выражаются аналитически – сочетанием слов» [Виноградов В.В., 1947, с. 604]. Явления аналитизма, аналитические формы В.В.Виноградов отмечает и описывает во всех основных частях речи. Учение В.В. Виноградова о частях речи характеризуется динамичностью. «В языке нет ничего неподвижного», – цитирует он И.А. Бодуэна де Куртене; его интересовала «двойственность» признаков разных категорий (классов) слов, которую он определял как «гибридность».

Проблема частей речи – одна из важнейших в русской грамматике и едва ли не самая сложная. Многократные попытки решить ее «раз и навсегда» были неудачными, да и не могут быть удачными. Языковые сущности, определяющие данную проблему, изменить нельзя, однако изменения происходят в самих категориях: «в языке нет ни одной неподвижной грамматической категории» [Потебня А.А., 1958, с. 83].

Категория части речи как «чисто» грамматическая и наиболее абстрактная представляет собой систему частных морфологических категорий в словоизменительном оформлении. Части речи определяются и противопоставляются по одному основанию – категориальному значению, которое формируется и оформляется набором частных категорий и их формантами (*предметность* – имя существительное, *процессность* – глагол, *признаковость* – имя прилагательное). Общее значение имени числительного (*количественность*) и местоимения (*указательность*) является не категориальным, а номинативным, так как не представлено формально (словоизменительно). По категориальным признакам эти части речи, называемые в грамматических описаниях знаменательными (самостоятельными), ориентированы на имя существительное и на имя прилагательное [Щерба Л.В., 1957, с. 70]; это, как известно, включается в трактовку системы частей речи грамматиками разных рангов.

Эти грамматические явления относятся к сфере «смешанных частей речи» [Пешковский А.М., 2001, с. 121]; см. также [Лекант П.А., 2007, с. 24-25]. К «смешанным» категориям русские грамматисты с удивительным единодушием относят причастие и деепричастие. Однако поистине «живым», по историческим масштабам **современным**, можно считать «процесс отрыва» краткой формы «от категории имен прилагательных» [Виноградов В.В., 1947, с. 262], вследствие чего эти краткие формы стала характеризовать «двойственность грамматических признаков» – прилагательного и глагола [Виноградов В.В., 1947, с. 269]; они, по А.М. Пешковскому, «вследствие своего обязательного соседства со связкой», «осказуемились», но «не оглаголились» [Пешковский А.М., 2001, с. 221].

А.А. Шахматов назвал эти формы «спрягаемыми» и поставил их в один ряд с формами времени глагола: *Они веселы; Она была рада; Я буду полезен* и т. п. [Шахматов А.А., 2001, с. 190; 1941, с. 178]. «Формы времени, – отмечал Виноградов, – кладут резкую грань между ними [краткими] и полными прилагательными. <…> Принадлежность кратких прилагательных к словам с формами времени (Zeitwort) и составляет их отличительную грамматическую черту» [Виноградов В.В., 1947, с. 265].

Но в вопросе о полном «отрыве» кратких форм прилагательных от полных В.В. Виноградов был очень осторожен. «До тех пор пока соответствующая краткая форма употребляется не только как сказуемое, владеющее формой времени (Zeitwort), но и как качественное определение (хотя бы приглагольное и интонационно обособленное), она еще не порывает связей с классом имён прилагательных. Только полная невозможность употребить такую форму в иной конструкции, кроме сказуемостной, является симптомом окончательного разрыва её с категорией имени прилагательного и перехода в другую грамматическую категорию» [Виноградов В.В., 1947, с. 269]. Случаи употребления «качественных определений» в краткой форме малочисленны («преимущественно в книжном языке»), а в настоящее время единичны и экзотичны.

Какую же «другую» грамматическую категорию имел в виду В.В. Виноградов? Им был

отмечен не только «отрыв» краткой формы от категории имени прилагательного, но и наличие у нее (краткой) категорий времени, наклонения, а также функции сказуемого («морфологически составного», по Пешковскому). Более того, В.В. Виноградов определил в краткой форме категориальное значение **качественное состояние**, «протекающее или возникающее во времени» [Виноградов В.В., 1947, с. 263]. Бесспорно, данная форма имеет аналитическое строение с участием формальной связки *быть*.

В тот же самый период зарождалось и утверждалось мнение грамматистов о наличии в русском языке особой семантико-грамматической **категории состояния**. Л.В. Щерба отметил «попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях» [Щерба Л.В., 1957, с. 76] (первая публикация 1928 г.). Он не только определил формальные признаки этой категории – неизменяемость и употребление со связкой [там же, с. 74], но и назвал разряды слов, «подводимых» под эту категорию: *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п.; *холодно, тепло, весело* и т. д.; *навеселе, настороже, без памяти, замужем, в сюртуке* и т. п. Надо заметить, что он отнес к категории состояния: *Я – весел, сердит, грустен* и др. (состояние); *веселый* и пр. (качество) [там же, с. 75]. Ясно, что Л.В. Щерба ставил на первое место семантику состояния. Он не настаивал на статусе части речи и допускал, что частью речи категория состояния признана не будет.

В.В. Виноградов, как известно, решительно доказывал частеречный статус этой категории, подчеркивая наличие аналитических форм времени (преимущественно со связкой *быть*) и предикативную функцию; «по внешнему виду» отмечена их неизменяемость («несклоняемо-именные и наречные слова») [Виноградов В.В., 1947, с. 401].

В.В. Виноградов подробно описал состав слов категории состояния. Начал он, подобно Л.В. Щербе, с тех кратких (изменяемых) форм, которые не имеют соотносительных полных форм имени прилагательного, – *рад, горазд, должен, намерен, прав, солон* и пр., которые «образуют грамматическое ядро категории состояния» [Виноградов В.В., 1947, с. 404].

Несмотря на «и пр.», список кратких «личных» форм вряд ли может быть значительно увеличен, зато безличное употребление очень продуктивно, и именно оно включается в характеристику категории состояния. «Безлично-именные формы особенно широко распространены в категории состояния. Их здесь больше, чем слов типа *рад, горазд,* и они гораздо более резко порвали связь с прилагательными и наречиями» [Виноградов В.В., 1947, с. 405].

В.В. Виноградов последовательно, настойчиво выбирает из безлично-предикативных слов те, которые «не могут быть отнесены ни к какой другой грамматической категории, кроме категории состояния. Таковы: *можно, должно, надобно, нужно, любо, стыдно, боязно, совестно, тошно, щекотно* и другие» [там же, с. 407].

Эти наблюдения имели целью подтвердить, можно думать, главный для В.В.Виноградова тезис: «Таким образом, категория состояния всё более эмансипируется от других категорий» [там же, с. 404].

Но это вовсе не предполагает некоей изоляции категории состояния. Напротив, гибридные свойства гипотетической части речи проявляются в аналогии с глаголом: в категории состояния «ярче всего выступают формы времени и лица. Наличие категории лица ведёт к параллелизму и соотносительности личных и безличных форм»: *должен – должно, нужен – нужно, виден – видно, тошен – тошно* [там же, с. 405].

Подчеркнем, что Виноградов отмечает **сближение** кратких прилагательных с категорией состояния, хотя вернее было бы говорить о их обоюдной **близости**. Основной, продуктивный, разряд слов категории состояния – это безлично-предикативные слова (термин В.В. Виноградова), все другие разнородны. Поэтому так важен их общий признак – формы времени.

Современные грамматисты решительно подчеркивают облигаторность категории

времени (темпоральности) для синтаксического статуса предложения (высказывания).

«То или иное отношение ко времени, – подчеркивает А.В. Бондарко, – присуще любому высказыванию» [Бондарко А.В., 2002, с. 478]; см. также [Шведова Н.Ю., 2005, с. 61].

Однако именно аналитическая форма времени стала камнем преткновения в отношении к учению В.В. Виноградова о категории состояния как части речи. Грамматисты не сразу выразили мнение о гипотезе В.В. Виноградова. Раньше других ее поддержала, а также расширила описание состава, семантики и функций категории состояния Е.М. Галкина-Федорук [Галкина-Федорук Е.М., 1952, с. 394-404; 1958, с. 266-288].

Серьезную оценку гипотеза В.В. Виноградова получила в 1955 в полемических статьях Н.С. Поспелова и А.Б. Шапиро: речь шла именно об аналитической форме времени и наклонения. Н.С. Поспелов настаивал на признании этой формы как морфологического признака части речи категории состояния [Поспелов Н.С., 2010, с. 26-27 (первая публикация 1955 г.)], а А.Б. Шапиро видел в сочетании слов категории состояния со связкой форму члена предложения, – следовательно, «неразличение форм части речи и форм члена предложения, т. е. фактов морфологических и фактов синтаксических» [Шапиро А.Б., 1955, с. 52], что означает **непризнание** категории состояния частью речи.

Н.С. Поспелов сделал некоторые добавления к виноградовскому описанию категории состояния: во-первых, отклонил признак неизменяемости, ввиду наличия **форм** времени; во-вторых, «бессвязочные» формы *холодно, жарко, стыдно* и т. п. определил как «потенциально аналитические» с нулевым показателем настоящего времени изъявительного наклонения; в-третьих, счел связку *быть* не отдельным служебным словом, а «необходимым компонентом аналитической формы слов».

Признаки категории состояния как части речи, сформулированные В.В. Виноградовым, подробно описал А.Н. Тихонов, сделав, однако, некоторые отступления, особенно в определении лексического состава (см., напр. *крышка!*) [Тихонов А.Н., 1960, с. 5-9], а также в трактовке формы времени как «способности сочетаться со связкой».

Исторический очерк категории состояния, или **предикатива,** представил [Панфилов В.М., 1961, с. 9]; основной разряд – формы на *-о.* Выделенная В.В. Виноградовым категория «безлично-предикативных слов на *-о*» ,как наиболее продуктивная, приобрела автономный статус, её описание включили **все** три академические Грамматики (но не отметили категорию состояния как часть речи) и ряд учебников. В характеристике этой категории преобладает сопоставление с наречием, а не с прилагательным; была даже сделана попытка «вернуть» безлично-предикативные слова наречию [Малютина Э.К., 1974, с. 262, 269].

Гипотеза В.Н. Мигирина относительно статуса безлично-предикативных слов как «бессубъектного прилагательного», употребляемого со связкой в безличном предложении, предполагает **непризнание** категории состояния самостоятельной частью речи [Мигирин В.Н., 1970, с. 150 и сл.]. Однако и «присовокупление» так названных «бессубъектных» форм к разряду кратких прилагательных, в которых «морфологические и синтаксические признаки категории прилагательного <…> находятся в полуразрушенном состоянии» [Виноградов В.В., 1947, с. 265], не отражает грамматической категориальной сущности данного класса словоформ. «Резкая грань» в образе форм времени и наклонения углубляет и расширяет «отрыв кратких форм от имени прилагательного в русском языке новейшего периода». Безличная форма подчеркивает этот отрыв [Петров А.В., 2007, с. 22] и грамматическое сближение с глаголом.

Мы считаем, что в современном русском языке сформировалась аналитическая «гибридная» часть речи ***предикатив*** с собственным категориальным значением **состояния** [Лекант П.А., 2002, с. 29 (первая публикация 1995 г.); 2007, с. 82].

Термин ***предикатив*** употреблялся рядом исследователей для обозначения слов

категории состояния [Мигирин В.Н., 1957; Панфилов В.М., 1961; Озаровский О.В., 1957; Правда Е.А., 1995].

Предикатив совмещает категории имени прилагательного: род, число (согласуемые формы) и глагола: наклонение, время, лицо (включая безличную форму), число. Глагольные формы выражаются аналитически – посредством связки *быть* (включая нулевую форму наст. времени изъявит. наклонения); напр.: *Как* ***хороша была*** *Елецкая!* (А. Пушкин); *Ах, если* ***б*** *я* ***был молод****!* (А. Чехов); ***Да будет*** *так же жизнь* ***светла!*** (Б. Пастернак); *Я мечтал по-мальчишечьи – в дым, Что я* ***буду богат*** *и* ***известен****…* (С. Есенин); *Каждый день по-новому* ***тревожен*** (А. Ахматова); *В доме* ***было*** *действительно* ***тихо****, даже как-то* ***сонно*** (К. Паустовский)*; Ростову все так же* ***было неловко*** *и чего-то* ***совестно*** (Л. Толстой).

Безличность формально обозначается не только окончаниями связки *будет, было*, а также нулевой безличной формой [Лекант П.А., 2005, с. 108-109], но и безличной формой на *-о* «вещественного» компонента: *тих****о****, сонн****о****, неловк****о****, совестн****о*** и т. п. Надо также отметить и форму многократности связки *быть – бываю* и т. д., *бывает* (безличное): *Вы заметили: я суетился сейчас… После этого* ***бывает тяжело*** (В. Шукшин).

При употреблении предикатива настоящего времени с нулевой формой связки *быть* окончания рода и числа не только представляют соответствующую форму, но и репрезентируют оппозицию **личность – безличность**; напр: *И все вокруг* ***мертво*** *и* ***пусто****; И* ***тошно*** *в этой пустоте* (А. Твардовский) – отметим омонимию формантов *-о*: *Озеро (было)* ***мрачно*** *– На озере (было)* ***мрачно*** (окончание ср. рода – безличное окончание).

На основе ядерных признаков предикатива (генеральных, облигаторных) обнаруживаются частные свойства, частные категории. Со стороны глагола это употребление так называемых полузнаменательных глагольных связок («гибридных», по Виноградову) вместо формальной связки *быть: стать – становиться, делаться – сделаться* и др. Формальная связка *быть* (т.е. ее глагольные значения) как бы растворяется в них. Сами эти связки сообщают предикативу фазисное или модальное грамматическое содержание [Дегтярева М.В., 2007, с. 108-110]. Существенным грамматическим отличием от основной формы, конечно, является категория вида, оформляемая гибридными связками *становиться – стать* и т. д.

Со стороны прилагательного в предикативе частично реализуются формы степеней сравнения; напр.: *На дворе* ***было светлее*** (И. Бунин); *Но и на пароходе Агееву* ***не стало легче*** (Ю. Казаков). Кроме того свойственные качественным прилагательным суффиксальные образования с семантикой уменьшительности – увеличительности и со значением неполноты признака могут употребляться в определенных жанрах (ср. *В комнате* ***было холодновато****; Жизнь сразу* ***стала не сладенька****)* [Дегтярева М.В., 2007, с. 92-95, 101-106].

Предикатив, сохраняя и усиливая качественную семантику, обладает мощнейшим потенциалом экспрессии и субъективности, который реализуется в художественном тексте [Савостина Д.А., 2010, с. 98-100].

Категория предикатива, как и другие части речи, организована системно, она объединяет ядерную сферу с периферийными и смешанными разрядами.

Итак, общими признаками предикатива как части речи являются: а) аналитическая форма, включающая связку *быть;* б) категории лица, времени, наклонения; в) категориальное значение состояния; г) предикативная функция. Предикатив – гибридная часть речи. Указанные признаки сближают её с глаголом. Личные формы (*молод – был молод, весел; буду, будешь, будет молод, весел* и т. д.) характеризуются именной категорией рода, а также числа; безличные формы рода и числа не имеют (Вам *весело;* Вам *было весело;* Вам *будет весело;* Вам *было бы весело; Пусть* Вам *будет весело*); кроме того личные и безличные предикативы имеют потенциальный компаратив (*был более молод; было веселее).*

Так что отдельные категории и формы имени прилагательного характеризуют определенные разряды предикативов.

Семантика предикативов раскрывается в предложении, зависит от способа реализации предикативной функции: а) непосредственного (прямого), б) опосредованного (вспомогательного). Соответственно следует выделять два разряда: а) предикативы *состояния,* б) *модально-оценочные* предикативы.

Предикативы ***состояния*** характеризуются всеми указанными выше общими признаками; в предложении употребляются в функции аналитического (составного) сказуемого – личного или безличного: *Залив был* ***тих*** *и* ***сер*** *в темноте* (Л. Толстой).

Семантика личных предикативов – это *качественное состояние* (по В.В. Виноградову): *Мазепа* ***мрачен*** (А. Пушкин); – *Я вовсе не* ***молод***, – *обиделся Никитин* (А. Чехов). Определенные группы личных предикативов содержат значение оценки: *Можно было бы уехать сегодня же. И как* ***бы*** *это* ***было хорошо!*** (А. Чехов).

Характеризуя семантику безличных предикативов, В.В. Виноградов находил в них «полный параллелизм в группах безличных глаголов» [Виноградов В.В., 1947, с. 406]: это состояние человека (*весело, грустно, радостно, тошно* и т. д.), состояние природы (*ветрено, тепло, сыро, морозно, свежо* и т. д.), состояние окружающей среды (*уютно, бедно, грязно, светло* и т. д.).

Эти разновидности семантики состояния реализуются в двух моделях безличного предложения: а) «дативной»: дат. падеж существительного или местоимения-существительного, обозначающие лицо, и предикатив состояния: *Мне* ***страшно****, мне* ***душно****, мне* ***больно****… Но я повторяю: люблю!* (В. Брюсов); ***Грустно****, Нина: путь мой скучен* (А. Пушкин); *И мне первый раз* ***стало странно*** (В. Вересаев); *В общем, он выехал домой, когда уже вечерело, и на душе у него* ***было слякотно*** (Ф. Абрамов); б) пространственно-временной детерминант и предикатив состояния природы, среды: *В лесу* ***было свежо, зелено*** *и* ***таинственно*** (А. Серафимович); *Однако к вечеру на палубе* ***стало свежо*** (А. Куприн); *В риге* ***было прохладно*** *и* ***уютно*** (И. Бунин); *В лугах* ***было*** *совсем* ***пусто*** (К. Паустовский); *В избе без самовара* ***стало*** *совсем* ***неприютно*** *и* ***пусто*** (В. Белов).

Значение предикативов состояния синтаксически обусловлено, так что разные употребления одного предикатива довольно часты (ср.: *Мне тепло; В комнате тепло, В лесу тепло* и т. п.), равно как и «закреплённые» [ср.: Озаровский О.В., 1967, с. 6-7; Правда Е.А., 1995, с. 7-8]: *радостно, тоскливо, тошно, щекотно* и др.; *ветрено, вьюжно, пасмурно, морозно, дождливо* и др.; *уютно, просторно, убого* и др.

Модально-оценочные предикативы употребляются в составе аналитической предикативной формы инфинитива. Формы времени и наклонения посредством связки репрезентируют предикативность глагольного сказуемого, а семантический компонент представляет модально-оценочное значение аналитической предикативной формы. Предикативы данного разряда не являются самостоятельным сказуемым, они «входят в состав предикатива» [Золотова Г.А., 1982, с. 277]. Более того, их семантика грамматизована, они составляют группы с типовыми модальными значениями: а) долженствования (*должно, надо, нужно, необходимо* и др.); б) возможности (*можно, возможно* и др.); в) целесообразности (*целесообразно, полезно, недурно* и др.); г) желательности (*желательно, хорошо бы* [Алтабаева Е.В., 2000, с. 35] и др.); д) предосудительности (*грешно, стыдно, неловко* и др.) и пр. Список этот, конечно, неполный и довольно условный, поскольку возможно более дробное деление, а также объяснение оттенков и пр. [Лекант П.А., 2005, с. 110-111]. Отметим, что данные типовые модальные значения реализуются безличными предикативами. Например: *Нам* ***должно было*** *спускаться ещё вёрст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу* (М. Лермонтов); *Продолжать жить в деревне мне* ***невозможно*** (А. Чехов); ***Надо было*** *возвращаться домой. Но как же не хотелось расставаться с этим сосняком!* (Ф. Абрамов); А *ведь этак* ***недолго*** *вызвать землетрясение* (В. Распутин); *Мне* ***бы жалко было*** *оставить полк* (Л. Толстой); *Иль женщин уважать* ***возможно****,*

Когда мне ангел изменил! (М. Лермонтов); *Навсегда теперь язык в зубах затворится.* ***Тяжело*** *и* ***неуместно*** *разводить мистерии* (В. Маяковский).

Личные модальные предикативы малочисленны и употребляются не часто. Круг значений их ограничен (решимость, долженствовательность и нек. др.): *Ты* ***должна была*** *его любить преданно* (А. Толстой); *Я сегодня рукой упругою* ***Готов*** *повернуть весь мир* (С. Есенин); ср.: *Художник* ***не должен*** *быть стар* (Л. Толстой). Употребление личных и безличных модальных предикативов при инфинитиве есть особая «модальность, включённая в форму предиката» [Виноградов В.В., 1975, с. 67].

Особый разряд приинфинитивных предикативов – ***оценочные*** *(хорошо, приятно, весело, лестно; плохо, скверно, мерзко и пр.).* Они обладают основными признаками предикатива, как и модальные, и потому не могут претендовать на особый «статус категории оценки» [Золотова Г.А., 1982, с. 279]. Значение оценки, как и значение состояния, является «синтаксически обусловленным», по В.В. Виноградову. Они реализуются в соответствующей синтаксической позиции: в безлично-инфинитивной – оценка: ***Приятно*** *думать у лежанки* (А. Пушкин); в безлично-«дативной» – состояние: *Мне* ***приятно,*** *– рад, что вы у столика* (В. Маяковский). Предикатив оценки может замещать позицию сказуемого: *Но много смеяться –* ***вредно*** (М. Горький) [Маркелова Т.В., 2006, с. 88].

В оценочных предикативах актуализируется сема оценки «хорошо < – > плохо» при сохранении лексического своеобразия и многообразия; ср. «хорошо» (+): ***Хорошо*** *в эту лунную ночь бродить по траве одному* (С. Есенин); *Художнику* ***было лестно*** *слышать о себе такие слухи* (Н. Гоголь); *На дворе дома* ***ловко было*** *играть в прятки* (М. Горький).

Лексическое многообразие и многозначность предикативов обусловливает, «навязывает» совмещение, переплетение модальных и оценочных значений; ср.: ***Хорошо бы,*** *как ветками ива, Опрокинуться в розовость вод* (С. Есенин); *Мне* ***стыдно*** *руки жать льстецам, Лжецам, ворам и подлецам* (Арс. Тарковский); *Рассуждать о вашей будущности и* ***весело,*** *и* ***не бесплодно*** (И. Тургенев); *Всё встречаю, всё приемлю,* ***Рад*** *и* ***счастлив*** *душу вынуть* (С. Есенин).

Включение предикативов состояния вместе с инфинитивом в безличную модель осложняет семантическую структуру: ***Жутко*** *идти ночью одному с фонарём* (Ю. Казаков) – состояние, порождаемое действием. Сема оценки актуализируется в предикативе: *Лежать* ***было жёстко*** (М. Горький) – «плохо»; *Мне* ***больно*** *с тобой гореть, ещё* ***больней*** *– уйти* (М. Волошин) – «плохо».

Представленное описание предикатива показывает чёткую формальную и семантическую организацию этой гибридной части речи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтабаева Е.В. Частица бы в безличных и безглагольных оптативных предложениях // Актуальные проблемы современной педагогической лингвистики. – Мичуринск, 2000.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. – М., 2002.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.; Л., 1947.
4. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
5. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
6. Галкина-Федорук Е.М. Категория состояния // Современный русский язык. Морфология. – М., 1952.
7. Галкина-Федорук Е.М. О категории состояния в русском языке. – РЯЩ. – 1957. – № 4.
8. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.
9. Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива. – М., 2007.
10. Лекант П.А. Продуктивные типы безглагольных двусоставных и односоставных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1961; Лекант П.А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке / Под ред. В.В. Виноградова. – М., 1969.
11. Лекант П.А. Часть речи предикатив / Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002 (первая публикация 1995).

12. Лекант П.А. Предикативные аналитические формы инфинитива в русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи. – М., 2010.
13. Лекант П.А. О «смешанных» частях речи / Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007.
14. Лекант П.А. О грамматической форме безличного предложения в русском языке // Проблемы изучения односоставных предложений. – М., 2005.
15. Лекант П.А. Гибридные слова и гибридные части речи. – Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 1. – М., 2007.
16. Малютина Э.К. К вопросу о категории состояния // Спорные вопросы синтаксиса. – М., 1974.
17. Маркелова Т.В. Оценочный предикат как элемент оценочных высказываний // Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. Монография / Под ред. П.А. Леканта. – М., 2006.
18. Мигирин В.Н. Ряд соображений о категории состояния, или предикативах // Известия Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе. Т. XXVIII. – Симферополь, 1957.
19. Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970.
20. Озаровский О.В. Безлично-предикативные слова в русском литературном языке I половины XIX в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1967.
21. Панфилов В.М. К истории развития категории состояния, или предикативов в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1961.
22. Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. – Архангельск, 2007.
23. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2001.
24. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния / Мысли о русской грамматике. – М., 2010.
25. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II – М., 1958. Правда Е.А. Односоставные признаковые предложения в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995.
26. Савостина Д.А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. – М., 2010.
27. Тихонов А.Н. Категория состояния в современном русском языке. – Самарканд, 1960.
28. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? – Вопросы языкознания. – 1955. – № 2.
29. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941.
30. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 2001.
31. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Русский язык. Избранные работы. – М., 2005.
32. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

УДК 81.22

Лихачев С.В.
Московский городской педагогический университет

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СООБЩЕНИЙ НА АВТОМОБИЛЕ*

S. Likhachev
Moscow City Pedagogical University

SEMIOTIC APPROACHES TO THE EVALUATION MESSAGES ON CARS

Аннотация. Водители автомашин общаются с помощью разнообразных графических знаков и сигналов. Значительную их часть составляют русскоязычные надписи. Другие знаки и сигналы относятся к знаковым системам различной природы. Материал и способ изготовления знака позволяют определить источник сообщения. Прагматический анализ служит для оценки уместности сообщения. Расположение знака на автомобиле указывает на предполагаемого адресата. Изученные особенности сообщений на автомобиле дают основания для регулирования общения водителей.

Ключевые слова: язык, знак, сигнал, автомобиль, сообщение, коммуникация, система.

Abstract. Drivers of vehicles communicate via a variety of graphic signs and signals. Most of them are Russian-language inscriptions. Other signs and signals belong to sign systems of different nature. The sign's material and the method of its making can determine the source of the message. The pragmatic analysis was used to assess the appropriateness of the message. The location of the sign on the car indicates the supposed recipient. The studied features of messages on cars provide a basis for the regulation of communication between drivers.

Key words: language, sign, signal, car, message, communication, system.

Автомобиль является помещенной в общественную среду частью личного пространства, где можно выражать мысли. Практически лишенные возможности общаться в устной форме, водители прибегают к графическим и иным знаковым средствам. И здесь уместно ставить вопрос об отношении этих средств к языку.

«Под языком прежде всего имеют в виду естественный человеческий язык в оппозиции к искусственным языкам…» [3, с. 604]. Выражение «прежде всего» имплицирует наличие второго значения, которое далее не приводится. Ограничить свой объект только естественным языком лингвистика не может. Ф. де Соссюр отмечал «существование литературного языка как некоего образования, *наложенного в пространстве на другое образование* – на естественный язык» [8, с. 183], а также исторические изменения в естественном языке, «все условия развития которого оказываются ненормальными в результате кажущегося всемогущества письменного языка» [8, с. 48]. Лингвистика не отказалась от изучения литературного или письменного языка, что позволяет считать объектом лингвистики не только естественный язык, но и некоторые производные от него системы.

Как отметил А.М. Пятигорский, «центральное понятие предмета семиотики – "вторичная моделирующая система"» [7, с. 324], что размывает границу между предметом лингвистики и семиотики. «Если традиционно семиотический процесс был обращен к пространству одного языка и представлял собой замкнутую модель, то теперь, видимо, наступает время принципиально открытой модели» [5, с. 416]. Эта модель может разрастаться «до предельно абстрактных искусственных языков» [4, с. 498], но граница объектов лингвистики и семиотики

* © Лихачев С.В.

существует, хотя и не совпадает с областью естественного языка.

«В большей или меньше степени формализованные языки, используемые как искусственные конструкты в разных областях науки и техники, можно считать трансформами естественного языка» [9, с. 373]. Однако технические языки отличаются произвольностью возникновения, однозначностью и объективностью. Таковы языки математики, химии или дорожных знаков. Они являются объектом семиотики, но не лингвистики. Язык неформального общения автомобилистов, хотя и использует дорожные знаки и иные технические символы, но обладает метафоричностью , эмоциональностью и стихийностью возникновения, что сближает его с естественным языком и превращает в объект, всесторонне интересный лингвисту.

Нормы, запрещающие размещение на автомобиле сообщений на этническом или ином языке, не существуют. При этом текст или знак на автомобиле, обращенный вовне, воздействует на окружающих, обладая перлокутивным эффектом.

В соответствии с представлениями социолингвистики «смена роли предполагает смену языков (и наоборот)» [2, с. 147]. Если водитель не ограничивается специфическими автомобильными знаками, то он меняет социальную роль. Поэтому нужно нормировать не предусмотренные правилами дорожного движения сообщения на автомобиле.

Следует ставить вопрос о допустимости переданного сообщения с точки зрения принятой водителем роли и о критериях этической оценки его действий.

Методика анализа сообщений, используемая в нашей статье, включает характеристику автора, ситуации, целей высказывания и адресата на основе 1) формы знаков, а именно: способа изготовления и материала, 2) содержания, включая прагматические аспекты, а также 3) употребление знаков, то есть место расположения на автомобиле.

Анализ имеет своей целью найти основания для того, чтобы регулировать использование сообщений на автомобиле, что оправдано необходимостью сделать отношения водителей человечнее в ситуации, когда конфликты на дороге приводят к рукоприкладству и использованию оружия.

Для предлагаемого ниже анализа использованы собранные в последние пять лет в России примеры. Большинство из них подтверждены фотографиями, не опубликованными по техническим соображениям. Интерес к диалогу между водителями определил отбор текстов, читаемых снаружи.

1. Анализ материальных средств сообщения.

Изучая материальную сторону языка, лингвисты чаще обращают внимание на звуки и другие фонетические единицы. Но графический материал не менее интересен. Способы создания надписи косвенно указывают на источник сообщения, то есть на лицо, от которого сообщение исходит. В основу анализа положены признаки узуальности – индивидуальности, обязательности и постоянности средств. Все эти особенности помогают определить источник сообщения, что нужно для введения норм общения.

1.1. Узуальные обязательные средства: штатные световые приборы и номерные знаки используются в соответствии с ПДД. Иное использование, например, предупреждение дальним светом о контроле скорости или использование «красивых» номеров вредит безопасности движения.

Узуальным носителем знаков являются шильды – фирменные металлические логотипы, но они могут быть превращены в индивидуальные высказывания: удалением части букв или полной заменой. Осмысленность разрушения указывает на наличие автора, например, вместо «Спутник Лада» – «путник ада», от надписи «Москвич» оставлены только буквы «вич». Вероятный источник переделки шильдов – владелец.

1.2. Узуальные факультативные средства. К таковым относятся красители производственного качества, которые используются для нанесения специальной разметки и названий спецслужб, а также для рекламы. В

обоих случаях источником сообщения не является участник движения, что понижает интерес к таким знакам. Кроме того, незаконное появление разметки пресекается, а появление рекламы ограничено законом о рекламе, в том числе и на автомобиле. Известно, что адресат рекламы – массовый, в то время как нас интересует обращение к конкретному адресату: соседу в автомобильном потоке.

Используются технические средства, устанавливаемые на автомобиле для коммуникации: маячки, световые знаки (такси) и табло (реклама), которые должны быть именно постоянными (стационарными). Временные (на магните) и имитированные синие маячки, а именно детские ведерки, следует оценивать как незаконную индивидуализацию узуального средства. Так, синее ведерко выглядит как истинный маячок, а не знак гражданского протеста, особенно когда закреплено на машине черного цвета.

1.3. Индивидуальные постоянные средства: подкладки под номера и наклейки изготавливаются промышленным способом и распространяются через магазины запчастей, автосервисы или автосалоны. Водитель не является автором их текстов, так как происхождение текстов, вероятно, фольклорное: идея неизвестного автора приглянулась сначала другим автолюбителям, а затем и производителям наклеек.

Реклама автосалона на подкладке под номер говорит, что он там и установлен. В других случаях источником высказывания следует считать водителя, разместившего текст на машине целенаправленно.

Документы и их имитация вывешиваются или выкладываются на обозрение для инспектора дорожной службы, охраны режимных объектов.

Свою любовь к транспортному средству современный водитель может проявить изготовлением специального логотипа – новой, взамен фирменной металлической надписи, как правило, ласкательной «Пятерочка», «Семерочка» и даже «Хёндочка».

1.4. Индивидуальные временные средства: распечатки и канцелярский корректор «штрих» свидетельствуют о том, что адресантом (говорящим) данного текста является водитель. Сюда же относятся специальные дисплеи под стеклом для общения с едущим сзади водителем.

Знаки, прорисованные по грязи, обособлены внутри рассматриваемой группы тем, что часто адресованы владельцу и имитируют «речь» автомобиля. Здесь преобладают не реплики автовладельца: «Это не грязь, это загар», а напротив – высказывания, адресованные владельцу. Хотя владелец может вступать в диалог: «Помой» – ответ: «Летом на море помою».

В случае обращения к владельцу автор может побуждать его к диалогу: «Помой меня». В одном случае после того, как надпись была стерта, рядом с чистым местом появился текст: «Нет! Помой меня ВСЮ!»

В итоге отметим, что в регламентации нуждаются индивидуальные средства, в особенности постоянные, а узуальные – в случае индивидуализации; однозначно определить их позволит именно материальная форма.

2. Типы речевых действий в автомобильном потоке.

Под речевыми действиями (РД) здесь понимаются сообщения, эксплицирующие социальную роль, которую взял на себя автор: 1) перестраховщик – предупреждающие РД, 2) властный человек – официальные, 3) экстраверт – экспрессивные, 4) командир – инструктивные , 5) деловой человек – привлекающие. Первый тип описывает ситуацию вождения, второй и третий – автора, четвертый и пятый – желаемое воздействие на адресата, таким образом, представлена вся структура коммуникации. Но список РД не закрыт: могут возникнуть новые типы, пока еще не используемые.

2.1. Предупреждающие РД – это, главным образом, официальные знаки «ш» в треугольнике – шипованые шины, «У» – неопытный водитель, перевозка детей, а также подобные им неофициальные «!» – неопытный водитель, знак «ребенок в машине» или «женщина за рулем» (туфелька). Такие знаки в красном треугольнике хотя и наклеиваются

по инициативе водителя, но передают окружающим объективную, нужную информацию.

Нетиповые сообщения также бывают полезными: «Дверь открывается автоматически». Впервые зафиксировано в 2005 г., когда водитель автоматическое оборудование установил сам и сам выполнил надпись. В 2009 г., с появлением новых автобусов, такие надписи стали серийными.

Есть и совершенно другая разновидность сообщений: неформальные: «Как умею, так и еду» с дополнительным иконическим знаком – изображением улитки, которое следует понимать как знак медленной скорости.

Существуют специально продаваемые наклейки с предупреждениями, обращениями, извинениями: «Путаю педали», «Тормоза придумали трусы», «Не обижайся», «Мадам паркуется на слух», «Работает автопилот», «Хулиган». Эти послания могли быть придуманы не в офисе рекламного агентства, а появились как чей-то эксперимент на своей машине и позже были промышленно произведены. Таким образом, они получили некоторое подобие общественного если не одобрения, то бытования.

Между тем негативный характер таких надписей проявляется в особенностях языка. Используются слова с отрицательной коннотацией: «хулиган», «обижаться», «трус». Здесь встречается просторечная лексика: «мадам паркуется». Такие самокритичные надписи вредят водителю: в отличие от знака «У», они утверждают неумение как неизбежный факт. Самокритика доходит до абсурда: «Извините, я откатываюсь, резко торможу и теряюсь». Водитель, негативно характеризуя себя, планирует ошибку.

2.2. Официальные РД, кроме государственных номеров, могут содержаться в спецпропусках, выкладываемых под лобовое стекло. Некоторые из таких пропусков подлинные, другие – подделка, третьи – имитация, наконец, есть явные пародии, например: «Пропуск МВД России Отряд милиции особого назначения Авангард ГУВД по Московской области» – на фоне цветов Российского флага, «Пропуск в иные миры и подпространство», «Пропуск в Межгалактический союз ассоциаций безопасности». Частное использование цветов государственного флага разрешено законом, что легализует «календари» с государственной символикой. В движущейся машине текст читается плохо, а триколор виден, поэтому водитель, выкладывая такой «календарь», надеется нарушать правила, не отвечая за это.

Так называемые «синие ведерки», которые приклеиваются на крышу авто, преподносятся как гражданский акт борьбы с привилегиями. На деле автомобиль с ведерком, особенно у марок, закупаемых для государственных служб, похож на привилегированный. Владельцы синих ведерок не отличаются от владельцев лжепропусков по принятой социальной роли.

2.3. Экспрессивные РД бывают позитивными и негативными.

Положительные РД встречаются реже. Например, на маршрутном такси «Живу по совести». Трудно возразить что-нибудь против надписей «Спасибо деду за победу», ставших модными в Москве.

К положительным можно отнести имена «Серега», «Вован». Самопредставление, хотя и неформальное, никого не задевает и не оскорбляет.

Отрицательные надписи распространены шире. Их автор индивидуален и хорошо понимает, что, находясь в машине, сам является «подписанным» объектом, часто именно про себя и пишет, а не про машину, например: «Извини, браток, работа такая», – над задним номером маршрутного такси. Такой текст имплицирует некорректное поведение автора.

Встречаются «свадебные» наклейки на номера: «Молодые», «Родня невесты», «Братва жениха», «Пьяные гости». Дорожные инспекторы терпимо относятся к водителям свадебных кортежей, поэтому хоть на короткое время, номер заменяют репликами вызывающего содержания. Признаком недопустимости таких наклеек, помимо того, что они скрывают государственный номер,

будут просторечные и бранные выражения: *братва*, слова с отрицательной коннотацией: *пьяные*.

2.4. Инструктивные РД на автомобилях могут быть признаны заведомо неприемлемыми, тем более что они обыкновенно недоброжелательны: «Не можешь обогнать – перепрыгни». Медлительный водитель, понимая, что он раздражает едущего сзади, усиливает раздражение. Когда они поменяются местами, бывший раньше сзади водитель может «проучить»: резко затормозить, провоцируя столкновение.

Водитель, следующий сзади машины с сообщением: «Не езди за мной, я сам заблудился», не должен соблюдать инструкции, однако наличие надписи может отвлечь и даже раздражить водителя, едущего позади.

Надпись «Реалити шоу: угадай маневр» содержит императив *угадай*, воспринимаемый как насмешка, издевательство. Надпись «Не прижимайся, мы не знакомы» в буквальном смысле не воспринимается, но содержит прагматическую пресуппозицию [6, с. 136]: скрытую оценку всякого, кто сзади, как плохого водителя. Повелительное наклонение в сообщениях на автомобиле должно быть исключено.

2.5. Привлекающие РД представлены рекламой на автомобиле. Такая реклама практически не требует затрат на размещение, быстро окажется на виду многих людей, воспринимается с доверием: раз водитель написал на личном авто, значит взял ответственность на себя и, наконец, продавец всегда рядом. Так появляется множество надписей на заднем стекле: «Ремонт быстро и качественно», «Тату», «Грузчики», «Юридические услуги», «Праздники и свадьбы», «Уроки английского», «Бытовая химия, оптом и в розницу», «Охранные системы, видеонаблюдение, домофоны». Имеется пример текста на двери грузовика: «Возьмите каталог нашей продукции у водителя». При съемке этой надписи водитель предлагал взять и каталог.

Кузов машины так устойчиво становится пространством диалога: «Продаю», что на чужой машине автор отвечает на несделанные предложения «Куплю». Распространенность таких «ответов» доказывает заранее данный отказ: «Не продаю!». Таким образом, подтверждается идея М.М. Бахтина о том, что «Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [1, с. 170].

Если на машине есть реклама: «Тонировка →» или «Сеть ресторанов Хижина →» со стрелкой, то она свидетельствует, что машина стоит неподвижно, как бесплатный рекламный щит, затрудняет проезд.

3. Место сообщения.

Поверхность автомобиля можно интерпретировать как знаковую ситуацию диалога. Правый нижний угол под лобовым стеклом предназначен для документов, которые видны инспектору ГИБДД, поэтому размещение там имитаций документов рассматривается как правонарушение, наказуемое штрафом. Кроме того, такие имитации являются ложными сообщениями и должны получить соответственную этическую оценку в обществе.

Заднее стекло обращено к другим водителям и не может содержать императивов, слов с негативной коннотацией, просторечных и бранных. Недопустима характеристика себя (кроме имени) и читающего водителя: «Сам такой». Боковые поверхности автомобиля обращены к максимальному количеству людей: водители, пассажиры, пешеходы, поэтому здесь логично выглядит реклама. Крыша автомобиля служит для размещения спецсигналов, обращенных ко всем окружающим, чем можно мотивировать запрет размещать там предметы, имитирующие сигналы цветом и формой.

Выводы. В условиях автомобильного потока водители находят специфические формы для передачи сообщений, в которых русская письменная речь может взаимодействовать с начертанием знаков дорожного движения, государственной символикой и т. д. Материал русскоязычной надписи свидетельствует прежде всего об индивидуальности или узуальности сообщения. Передаваемая информация определяется той ролью, которую берет на себя водитель. Сама поверхность

автомобиля делится на значимые части для расположения сообщений, указывающие на адресата речи. Исходя из этих соображений, можно предложить регламентировать использование индивидуальных экспрессивных, инструктивных и ложных официальных сообщений, расположенных в поле зрения других водителей и сотрудников ДПС.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 119-206.
2. Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.
3. Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 604-606.
4. Лотман Ю.М. Заметки о тартуских семиотических изданиях // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 497-501.
5. Лотман Ю.М. Тезисы к семиотике русской культуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 405-416.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
7. Пятигорский А.М. Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 324-329.
8. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
9. Якобсон Р. Лингвистика и ее отношение к другим наукам / Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 369-440.

УДК 811.161.1'367.623

Савостина Д.А.
Московский государственный областной университет

МЕЖДОМЕТИЕ *О!* КАК СРЕДСТВО СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ*

D. Savostina
Moscow State Regional University

AN INTERJECTION "OH!" AS A MEANS OF SUBJECTIVITY IN POETIC SPEECH

Аннотация. Статья посвящена функциональным особенностям междометия ***о*** в экспрессивной поэтической речи. Экспрессивно-смысловая окраска междометия зависит от речевой ситуации (восторг, испуг, гнев, досада и др.). Междометие – субъективный речевой знак, служащий для выражения эмоциональной реакции говорящего на действительность. Выражая разнообразные эмоции, настроения, междометие о не обозначает, не называет их. Данное положение придает поэзии большую субъективность, делая смысл текста многогранным, разнообразным, не только индивидуально-авторским, но и индивидуальным в каждом прочтении.

Ключевые слова: междометие, грамматическое средство, субъективность, эмоциональная окраска, экспрессивно-смысловое значение, поэтический текст.

Abstract. The article deals with the functional characteristics of an interjection "Oh!" in expressive poetic speech. Expressive-notional color of the interjection depends on the situation in which it is used (for example: surprise, fright, anger, disappointment and so on). Interjections are subjective signs of speech that are used to express speaker's response to the reality. Expressing a variety of emotions, moods, interjection "oh" does not mark or name them.

This provision gives the poetry great subjectivity, making sense of text, multi-faceted, diverse, not only individually-author, but also individually in each reading.

Key words: an interjection, grammatical means, subjectivity, emotional color, expressive-notional meaning, poetic speech.

«Эмоциональность так же характерна для речи, как рациональность, информативность, логичность. В высказывании, в тексте эти смыслы переплетены, трудноразделимы» [5, с. 212]. Когда речь идет о поэтическом тексте, то вопрос использования грамматических средств экспрессии, субъективности становится особенно актуален. С помощью специализированных языковых средств говорящий в конкретном высказывании представляет эмоциональную окраску, выражает свое отношение к сообщаемому, свою реакцию, дает оценку. При этом важно не непосредственное лексическое значение языковой единицы, а экспрессивные показатели в целом, распознать смысловые оттенки которых возможно только в контексте.

Одним из грамматических средств субъективности являются междометия. По определению А.А. Шахматова, междометие – «это часть речи, включающая в себя слова, которые как в форме выкрика или звукоподражания, так и в форме, присвоенной другим частям речи, выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако, их названиями» [8, с. 507]. Зависимость экспрессивно-смысловой окраски междометий от ситуации особенно ярко видна в поэтических текстах. Интонация (восклицательное предложение) подчеркивает эмоциональность. П.А. Лекант считает роль интонации главенствующей при выражении личной эмоциональной реакции

* © Савостина Д.А.

говорящего [3, с. 13]. «Соотношение рационального и эмоционального в русском предложении представляется исключительно интересным. Именно в этой сфере синтаксиса, языка и речи наиболее ярко проявляется личность говорящего» [3, с. 12]: ***О,*** *весна без конца и без краю – без конца и без краю мечта!* (А. Блок); *О* – междометие выражает восхищение; ***О,*** *рассмейтесь, смехачи!* ***О,*** *засмейтесь, смехачи!* (В. Хлебников); *О* – междометие усиливает императивные интонации в речи говорящего. Ср. со случаями употребления, где ***о*** является другой частью речи, выполняет функцию члена предложения и не выражает эмоционально-экспрессивного значения: *Звуки на у, как пустая труба, Звуки на* ***о,*** *как округлость горба…* (Д. Бурлюк)

В русской поэзии разных эпох авторы активно использовали для передачи эмоционального состояния лирического героя первообразное междометие ***о,*** имеющее только фонетическую характеристику. Согласно классификации А.А. Шахматова, данная единица относится к междометиям, «выражающим вообще возбуждение говорящего, а в частности и различные связанные с ним чувства» [8, с. 507-508]. ***О!*** *Если б знала ты, как я тебя люблю!* (М. Лермонтов); ***О,*** *знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью – убивают, Нахлынут горлом и убьют!* (Б. Пастернак) То, что поэты часто прибегают к междометиям, объясняется отсутствием у данной категории грамматических значений рода, числа, падежа, времени, лица, наклонения и т. д., что дает возможность для моментального выражения чувств без наименования этих чувств. Активное употребление междометий в поэтической речи обусловлено также их многозначностью, семантической гибкостью.

«Междометие ***о*** выражает не только горе, сожаление, печаль, но и порицание, и восхищение-удивление, и самоуверенность, и вместе с тем служит эмоциональным усилением утверждения» [1, с. 589]. Разнообразные и противоречивые значения вносит междометие ***о*** в поэтические тексты 1 половины XX века: 1) усиление утверждения: *И вся ты, вся, такая зыбкая, Такая хрупкая, –* ***о,*** *вся!..* (И. Северянин); 2) усиление отрицания: *Что же? Разве я обижу вас?* ***О, нет****. – Ведь я не насильник, Не обманщик и не гордец…* (А. Блок); 3) уверенность: ***О,*** *никогда не выйдем замуж, Скорей умрем!* (М. Цветаева); 4) восхищение, восторг, блаженство: ***О,*** *этот бред сердечный и вечера, И вечер бесконечный, что был вчера* (Н. Минский); 5) печаль, стыд: ***О,*** *как паду – и горестно, и низко, Не одолев смертельныя мечты!* (А. Блок); 6) порицание, разочарование, гнев: ***О,*** *как же мог твой чистый пламенник В песках погаснуть золотых? Ты не узнал живого пламени С Парнасской мертвой высоты* (С. Городецкий); 7) надежда, отчаяние: *Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то, Но как скошены ноги, я больше бежать не могу.* ***О,*** *еще б хоть минуту! И щелкнул курок пистолета, Все погибло, все кончено… Видишь ты, – кровь на снегу* (Г. Адамович); 8) эмоциональное усиление императива: ***О,*** *сумей огнедышащей лаской Всколыхнуть мою сонную страсть* (С. Черный); 9) сожаление: *В далеком поле вечер, а здесь и свет и боль…* ***О,*** *где твой белый кречет, покинутый король?* (Н. Асеев); 10) удивление: *Какой шампанский, искристый экстаз!* ***О,*** *сколько в лицах вдохновенной дрожи!* (И. Северянин)

Выражая разнообразные эмоции, настроения, междометие ***о*** не обозначает, не называет их. «Междометия представляют собой обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов. Интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя» [1, с. 584]. Однако в случае с поэтическим текстом узнать мимику, жесты, с которыми лирический герой произносит фразу, представляется весьма затруднительным. Читатель лишь может предполагать их, руководствуясь контекстом, речевой ситуацией и собственной интуицией. Данное положение придает поэзии большую субъективность, делая смысл текста многогранным, разнообразным, не только индиви-

дуально-авторским, но и индивидуальным в каждом прочтении. Ср. с прозаическим текстом, в котором жестикуляцию, мимику героя, эмоционально-смысловой фон высказывания подсказывают слова автора: – ***О!*** *Я еще много чего умею, – самоуверенно заявила Олеся. – Например, могу нагнать на вас страх* (А. Куприн); *Я догадался, что, вероятно, и старуха и эта красавица боятся каких-нибудь притеснений со стороны «предержащих», и поспешил ее успокоить:* – ***О!*** *Ты, пожалуйста, не тревожься. Я не урядник, не писарь, не акцизный, словом – я никакое начальство* (А. Куприн); – *Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови! – кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку.* – ***О,*** *конечно, здесь прогресс, машинный труд, успехи культуры… Но подумайте же, ради бога, – двадцать лет!* (А. Куприн).

Междометие ***о*** может употребляться в риторическом обращении при существительном или личном местоимении. Такие конструкции придают высказыванию характер книжности, традиционной поэтичности: ***О, Муза плача****, прекраснейшая из муз!* ***О ты****, шальное* ***исчадие*** *ночи белой!* (М. Цветаева); *Ты изменила, как жена, Ну что ж, язви, хули, злорадствуй,* ***О,*** *нищая моя* ***страна*** *Неисчислимого богатства!* (В. Шершеневич)

Междометие может быть дистанцировано от обращения: ***О,*** *кто же, милостивый* ***Боже****, В твоей печали виноват?* (Н. Клюев)

Усиливают эмоциональную выразительность высказывания восклицательные предложения, в которых ***о!*** стоит при именительном представления. Ср.: *Пустыня, ширь! Пустыня, по которой Прошли и стали караваны скал* (К. Липскеров) – восклицательное предложение с именительным представления без междометия **–** ***О,*** *странная игра с подвижною мишенью! Не будучи нигде, цель может быть – везде!* (М. Цветаева) – восклицательное предложение, при именительном представления стоит эмоциональное междометие.

Отличить обращение от именительного представления позволяет контекст. Ср.: *Жду, зову, люблю и принимаю!* ***О, Мечта*** *в раскрылии дверей:* ***О, любовь!*** *Тебе моя свобода И тебе величье короля…* (И. Северянин) – на обращение указывает местоимение в форме 2-го лица; *Сгинь,* ***О, наваждение,*** *в игре мгновенной Одну из беломраморных богинь Облекшее людскою плотью бренной!* (М. Зенкевич) – форма обращения поддерживается императивом; ***О, жалкий сумасброд****, всегда кричащий: берег! Скормить его зыбям, иль в цепи заковать* (М. Цветаева) – местоимение в форме 3-го лица свидетельствует о том, что в предложении употреблен именительный представления; ***О, солнце ночи! вечная безденность!*** <…> ***О, существа без крови и без плоти! О, голоса*** *кого-то, но ничьи!* (И. Северянин) – отсутствие указания на лицо возможно при именительном представления.

В подобных риторических восклицаниях, как правило, междометие крайне подвижно в своих значениях, на основную усилительную функцию «наслаивается» добавочная семантика: *Она, как белая голубка, Легка, бездумна и чиста!* ***О,*** *добрый взгляд!* ***О,*** *лисья шубка!* ***О,*** *некрасивых красота!* (И. Северянин) – восхищение; *Художник для всех – человек Ленивый, ненужный, пустой.* ***О****, трезвый, рабочий, сухой, В искусство не верящий век!* (И. Северянин) – укоризна и др.

Усилению экспрессивно-смысловой окраски эмоционального междометия ***о!*** и / или всего высказывания в целом способствует употребление после междометия интенсификатора *как*. Абстрагированность (незнаменательность, утрата местоименности) *как* позволяет определить его как «оператор субъективности» [6, с. 76]. Интенсификатор в восклицательном предложении в сочетании с междометием ***о!*** передает личное отношение говорящего к высказыванию: ***О,*** *как весело мне думать, что тебя увижу я* (А. Ахматова); его оценку: *Вокруг меня кольцо сжимается, Неслышно подползает сон…* ***О,*** *как печально улыбается, Скрываясь в занавесях, он!* (В. Ходасевич); *Послушай.* ***О,*** *как это было давно, Такое же море и то же вино* (Г. Иванов); указывает на полноту проявления признака: ***О,*** *как немного надо влаги, Одной лишь речи дождевой, Чтоб мечущийся в саркофаге*

Опять услышать голос твой! (Б. Лившиц) *Как* отмечает субъективность и «восклицательность», при этом «*как* принадлежит само по себе восклицательной форме» [4, с. 48]. Сочетание *как* (и *так*!) со знаменательными словами П.А. Лекант понимает как «особую синтаксическую форму – интенсив, которая определяет субъективную тональность высказывания [4, с. 49]. В случае, когда при интенсиве в восклицательном предложении употреблено междометие ***о!***, эмоциональное выражение душевного состояния героя достигает апогея. Набором таких средств говорящий многократно подчеркивает, интенсифицирует важность высказывания.

От междометия ***о*** следует отличать омонимичную частицу. Последняя, согласно правилам русской пунктуации, в отличие от междометия, запятыми не выделяется [2, с. 138-141], однако в речи, подобно междометию, служит для выражения усилительного оттенка и чаще всего употребляется в восклицательном риторическом обращении или перед словами *да, нет.* Ср.: ***О*** *смерть! Я твой. Повсюду вижу Одну тебя…* (Ф. Сологуб); *Блевотина войны – октябрьское веселье! От этого зловонного вина Как было омерзительно твое похмелье,* ***О*** *бедная,* ***о*** *грешная страна!* (З. Гиппиус); *Я глупая, а ты умен, Живой, а я остолбенелая.* ***О*** *вопль женщин всех времен: «Мой милый, что тебе я сделала?»* (М. Цветаева); ***О нет****, не узнает никто из вас – Не сможет и не захочет! – Как странная совесть в бессонный час Мне жизнь молодую точит!* (М. Цветаева) – усиление отрицания; ***О да****! О, никогда любить меня не кончит Сирень весны моей!* (И. Северянин) – усиление утверждения.

Грань между ***о***-частицей и ***о***-междометием крайне тонкая. Ср. определения, данные Е.М. Галкиной-Федорук: «Частицами называются лишенные предметного значения слова, которые служат для выражения особых дополнительных оттенков целых предложений или словосочетаний и отдельных слов» – «Междометия – это разряд слов, служащих для кратчайшего выражения чувств и волевых импульсов без наименования этих чувств» [2, с. 389; 394]. Эмоционально-экспрессивные частицы (в том числе ***о***) «усиливают и оттеняют эмоциональную сторону речи, придавая ей большую яркость и выразительность <…> служат для выражения различных эмоциональных оценок, сопровождающих то или иное высказывание <…> усиливают выразительность эмоциональных, волевых и смысловых значений» [2, с. 393]. Различать ***о***-междометие и ***о***-частицу Д.Э. Розенталь предлагает посредством синонимической замены: ***о***-междометие возможно заменить междометием ***ах!*** [7, с. 38-139]. Иногда частеречный статус можно определить, только исходя из авторской пунктуации: *Давно ли ты, громада косная, В освобождающей войне,* ***О Русь****, как туча громоносная, Восстала в вихре и огне* (З. Гиппиус) – ***О, Русь*** *моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь! Наш путь – стрелой татарской древней воли Пронзил нам грудь. Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной, В твоей тоске****, о, Русь****!* (А. Блок); *Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.* ***О милая****! – Ни в гробовом сугробе, Ни в облачном с тобою не прощусь* (М. Цветаева) – ***О, милая****, как я печалюсь!* ***о, милая,*** *как я тоскую! Мне хочется тебя увидеть – печальную и голубую…* (И. Северянин); *Придет и сядет: «Здравствуй». Угрюм я: «В чем нужда?»* – ***О, милый,*** *не коварствуй, Что я тебе чужда* (И. Северянин). Частица ***о*** образует со словом, к которому она относится, тесную, единую смысловую форму, экспрессивно окрашенную (ср. с интенсивом).

Таким образом, междометия – это «богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно – знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [1, с. 584], чем объясняется их активное употребление в лирических произведениях, для которых важно сохранить ритм, рифму без ущерба содержанию.

ЛИТЕРАТУРА:
1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 616 с.
2. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. – М., 2009. – 408 с.
3. Лекант П.А. Восклицательные предложения // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: Межвуз. сб. научных трудов. – М.: МГОУ, 2004. – С. 12-14.
4. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2009. №1. – С. 47-50.
5. Лекант П.А. Об эмоциональных репликах // Грамматические категории слова и предложения. – М.: Издательство МГОУ, 2007. – С. 212-213.
6. Лекант П.А. Рациональный и эмоциональный аспект русского предложения // Русский язык в школе. – 2004. – № 4. – С. 75-78.
7. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И.Б. Голуб. – М., 2003. – 368 с.
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 2001. – 624 с.

УДК 808. 2-085 (082)

Ухова Л.В.
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО АДРЕСАЦИИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ*

L. Ukhova
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. Ushinskiy

LANGUAGE GAME AS AN EFFECTIVE MEANS OF ADDRESSING IN ADVERTISING

Аннотация. В статье поднимаются проблемы эффективности рекламного текста. Языковая игра рассматривается не только как стилистический прием усиления выразительности текста, но и как эффективное средство адресации информации, поскольку предмет языковой игры может быть адекватно понят только тем адресатом, который был спрогнозирован автором сообщения. Анализируются наиболее распространенные приемы языковой игры, использующиеся в рекламных текстах вербально-визуального типа, выявляется степень эффективности их воздействия на адресата. Приемы игры рассматриваются не только на вербальном уровне, но и на уровне визуального образа. Анализ рекламных текстов с использованием приемов языковой игры подкреплен результатами анкетирования потребительских предпочтений, которые позволили расширить представление о коммуникативной эффективности рекламных текстов, когда перлокутивный эффект достигается, в том числе, и за счет грамотного использования оригинальных средств адресации информации, к которым относятся приемы языковой игры.

Ключевые слова: адресат рекламного текста, средство адресации, приемы языковой игры, эффективность рекламного текста, языковая игра.

* © Ухова Л.В.

Статья выполнена при поддержке Гранта по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)» (проект «Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации» № 2.1.3./6388).

Abstract. The article raises the problems of text effectiveness in advertising. Language game is effective means of addressing information, since the subject of the language game can only be adequately understood by the addressee who has been foreseen by the advertiser. The author analyses the most common examples of language game used in advertisements of verbal and visual types and shows the effectiveness of their influence on the addressee. Language game devices are examined both on the verbal level and on the level of visual image. The text analysis based on language game is supported by the results of consumer preferences questionnaires which widen the idea of effective communication in advertising when perlocutive effect is achieved by the correct use of original means of addressing information, one of which is language game.

Key words: addressee of advertisement, means of addressing, language game devices, effectiveness of advertisement, language game.

Традиционно при анализе рекламного текста принято говорить о его **коммуникативной** и **коммерческой эффективности.** Компонентами коммуникативной эффективности являются: 1) *когнитивный компонент* (понимание, знание), 2) *эмоциональный компонент* (отношение), 3) *конативный компонент* (поведение) [9].

Следовательно, эффективный рекламный текст должен привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и в идеале побудить к определенному действию. Однако все это возможно только в том случае, если рекламный текст будет понятен потребителю, то есть иллокутивная сила послания будет декодирована так, как хотел этого сам автор текста [11]. Подчеркнем, что рекламный текст рассматривается нами как коммуникативная единица, отличающаяся полисемиотической (поликодовой) природой, то есть равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла [12].

Языковая игра сегодня – частотный компонент рекламных текстов вербально-визуального типа [12], к которому с оговоркой можно отнести и тексты наружной рекламы. Дело в том, что наружная реклама имеет свою специфику: её восприятие и отношение к ней во многом определяется местом расположения, так как она воспринимается не сама по себе, а в совокупности с окружающей средой. Задача наружной рекламы, как и любого другого продукта, – донести до потребителя информацию, поэтому здесь нужно придерживаться принципа: «Короткий контакт – максимальное воздействие». Изображение, эмоциональное оно либо информационное, должно быть представлено так, чтобы за меньшее время в памяти потребителей осталось больше сведений. Именно поэтому в наружной рекламе наиболее важно максимально воздействовать на адресата с помощью минимального количества слов, а потому здесь самое место применению языковой игры с её компрессией смысла. И, говоря о языковой игре в рекламном тексте, нужно иметь в виду, что это определение весьма условно, поскольку игра осуществляется не только на уровне слова, но может быть зашифрованной в непосредственном изображении какого-либо предмета.

Надо сказать, что рекламисты активно используют языковую игру в текстах наружной рекламы. Так, из 60 биллбордов, расположенных вдоль Московского проспекта г. Ярославля, в 22 встретилась языковая игра (37 %). Однако всегда ли оправдано такое использование? Можно ли считать языковую игру эффективным средством адресации в рекламном тексте?

Языковая игра понимается нами как «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления выразительности рекламного текста с определенной материальной целью – продажей рекламируемого товара или услуги» [4, с. 36]. Язык рекламы – это не только система лингвистических и экстралингвистических средств выражения, подчиняющихся, прежде всего, массовой коммуникации, а потом уже правилам общелитературным, но и языковая структура, формирующая воспри-

ятие определенной информации адресатом с учетом социолингвистических, психолингвистических и лингвокультурологических особенностей той языковой среды, в которой данный адресат существует.

Понятие языка рекламы как системы лингвистических средств основывается на категориях прагматики – выборе языковых средств как результате их оценки, их соответствия определенному модусу речи. Реклама должна быть понятной, емкой, легко запоминающейся, интригующей и убедительной [4].

Традиционно в языке рекламы выделяются четыре основные функции использования приемов языковой игры: *игровые приемы как способ привлечения внимания; игровые приемы как источник удовольствия; игровые приемы как один из способов компрессии смысла; игровые приемы как способ обойти цензуру.*

Однако языковая игра – это еще и явление экспрессивной речи, неизбежно привлекающее внимание адресата, способное вызвать интерес к сообщению, сформировать отношение к предмету речи. Кроме того, языковая игра – продукт интеллектуальной деятельности, следовательно, его интерпретация зависит от интеллектуального уровня адресата. Предмет языковой игры может быть адекватно понят только тем адресатом, который был спрогнозирован автором сообщения. В этом суть нашего понимания языковой игры как средства адресации.

В рекламе дешифровка того или иного текста не должна занимать много времени и усилий, а его содержание должно быть ясным и понятным реципиенту. В противном случае сложный, излишне запутанный рекламный текст вызовет лишь раздражение и отторжение заложенной в тексте рекламной идеи, концепции.

В рамках статьи остановимся на анализе наиболее популярных приемов языковой игры, встречающихся в текстах наружной рекламы г. Ярославля. Такими приемами являются: **графические, морфологические** приемы языковой игры, **обыгрывание неоднозначности слова** и **игра с прецедентными текстами.**

Следует отметить, что при анализе был использован **интегрированный метод –** особое соединение традиционных методов анализа текста с экспериментальными методами выявления эффективности воздействия текста на реципиента, в нашем случае методом анкетирования [10]. В анкетировании принимали участие 100 человек – мужчины и женщины в возрасте от 20 до 50 лет, имеющие полное общее, среднее специальное и высшее образование, не имеющие отношения к рекламе.

Начнем с **графической игры**. Графическое оформление текста не просто привлекает внимание и возбуждает интерес, но и объединяет рекламное сообщение в единое смысловое целое [6]. Именно слияние словесного и визуального языка максимально способствуют успешной реализации рекламного текста. Но всегда следует помнить о том, что ясность визуального, как и словесного, выражения достигается не только в результате практического опыта, но и на основе знания языка и понимания принципов его эффективного использования [1]. В сфере рекламы широко используется прием выделения в слове шрифтом или цветом некоторой части, имеющей самостоятельное значение [5]. Цели использования графических приемов в рекламе могут быть следующими:

1) привлечение внимания реципиента — потенциального потребителя;

2) графическая трансформация слова или текста и извлечение из него дополнительного содержания.

В текстах наружной рекламы г. Ярославля чаще всего встречаются следующие виды графической игры:

• прием графической трансформации узуального слова [12], например: *Удачные подарки* [дачные + удачные] (реклама молочных продуктов Danon). Подтекст: *Дачные подарки! Удачные подарки!;*

• шрифтовыделение [4], где в качестве графически выделенного сегмента чаще всего выступает название фирмы или компании, предоставляющей рекламируемый товар или услугу, например: *Ку**ПИК**вартиру* (реклама

строительной компании «ПИК регион»);

• использование приемов парафемики, например использование латиницы: *Двигай на вечеGREENку!* (реклама пива Tuborg Green.).

Исследование показало, что использование графической игры в текстах наружной рекламы является эффективным средством адресации, поскольку дешифровка такого текста не требует от потребителя дополнительных культурологических знаний.

Примером **морфологической языковой игры** может служить гиперболизация, использование которой направлено на привлечение внимания потребителя к качеству товара. Одним из таких приемов в языке наружной рекламы является создание окказиональных прилагательных и окказиональных степеней сравнения относительных прилагательных, получающее сегодня все более широкое распространение, например: *Самый летний Интернет* (реклама нового тарифа МТС). *Новый мебеличайший центр* (реклама нового магазина мебели «Аллегро»).

Как показало проведенное анкетирование, потребители легко «считали» коммуникативный потенциал второго послания (100 %), отметив, что новый магазин, очевидно, имеет огромные площади и большой ассортимент товаров. Что же касается первого текста, то неограниченные возможности пользования интернетом в летний период смогли оценить только 48 % опрошенных. Ими оказались молодые люди в возрасте от 20 до 35 лет, которые и являются целевой аудиторией данного рекламного сообщения.

Многозначность в рекламных текстах служит для выполнения одного из главных требований, предъявляемых к рекламному тексту, – передачи максимального количества информации на минимальном отрезке текста. Феномен трансформации значения слов – довольно распространенное явление в рекламных текстах, сопровождающее приемы языкового манипулирования и разнообразные способы психологического воздействия на адресата. Подобные приемы активизируют внимание потребителей, делают восприятие рекламных текстов более запоминающимися, разбивают текст на быстро усваиваемые блоки, потому что таким образом нарушается стандартность текста, его обыденность, он становится оригинальным, интригующим.

Речевая неоднозначность может быть *ненамеренной* (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и *намеренной*, то есть использоваться как прием [2] .

В текстах наружной рекламы встречается **намеренная речевая неоднозначность,** например:

«*Завязывай с наркотиками*» (социальная реклама, посвященная теме «Борьба с наркоманией»). Вербальный призыв поддержан визуальным рядом рекламного модуля: шприц наркомана в прямом смысле этого слова завязан узлом, а на конце иглы висит капля крови с надписью «СПИД».

Глагол *завязывай* в этом контексте функционирует как в своем литературном, узуальном, так и в жаргонном словоупотреблении. Так, литературное словоупотребление глагола *завязать* – «закрепить, связывая узлом, концами, бантом и т. п.» [8, с. 256] – реализуется в визуальном ряде рекламного сообщения. Жаргонное словоупотребление глагола *завязать* – «с особым усилием закончить, завершить, прекратить какой-либо процесс» [7, с. 247] – составляет вербальный ряд рекламного послания, который позволяет охарактеризовать целевую аудиторию как молодежную. Здесь составитель рекламного текста через обыгрывание многозначности слова манипулирует языковым сознанием потребителя для того, чтобы вызвать у него вполне определенное (негативное) отношение к социальному явлению.

Проведенное анкетирование показало, что концептуальность данного рекламного сообщения без труда «считывается» целевой аудиторией, поскольку авторское намерение довольно явно эксплицировано как в вербальном, так и визуальном ряде представленного текста. Иллокуция (побуждение

к действию) и перлокуция (само действие) органично сочетаются в данном рекламном сообщении и не вызывают двусмысленности при декодирования информации поликодового характера. Респонденты отметили креативность воплощения рекламной идеи, которая в данном случае создается за счет эффективного сочетания семантических компонентов текста поликодовой природы. Невербальные составляющие рекламного текста оказывают воздействие на подсознание реципиента, труднее поддаются контролю и анализу и обладают большим коммуникативным эффектом. Очевидно, поэтому изображение завязанного узлом шприц-жгута занимает центральное и большое место на рекламном модуле, а призыв, сформулированный на языке целевой аудитории, лишь дополняет заложенный уже в рекламном послании (что внедряется в подсознание реципиента) смысл сообщения.

Чаще же всего в текстах наружной рекламы г. Ярославля встречается **обыгрывание прецедентных высказываний** (в 9 из 22 биллбордов – 41 %). Прецедентные тексты дают рекламистам возможность достигнуть основной цели рекламного текста – стимулировать внимание потребителей. Это достигается путем создания в рекламном тексте некой «интриги», заставляющей реципиента задуматься над рекламой. Разгадка подобной «интриги» приносит реципиенту определенное удовольствие – эмоциональное или интеллектуальное. Более того, введение в рекламный текст прецедентного высказывания способствует компрессии смысла рекламного текста. Но следует помнить о том, что текст не должен быть слишком сложен для декодирования. Современная реклама будет работать только в том случае, если она состоит из узнаваемых элементов прецедентного текста. Более того, как показывает исследование Е.А. Земской, если текст не является хорошо узнаваемым, то «возникает минус-эффект коммуникации» [3]. Таким образом, использование прецедентных текстов в рекламе может привести к двум ситуациям: 1) дешифровка рекламного текста путем опознавания широко известного прецедентного феномена, не вызывающая у потребителя излишних затруднений, 2) коммуникативная неудача – несостоявшаяся дешифровка текста, связанная с излишней информативностью, перегруженностью рекламного текста, с использованием малоизвестного прецедентного феномена, требующая от массового, среднего потребителя знаний, которыми он не обладает. Таким образом, коммуникативная неудача – это недостижение информантом поставленной цели. Именно поэтому в рекламе должны всегда использоваться только самые узнаваемые тексты. Нельзя считать, что реклама достигла своей цели, если не произошло дешифровки послания, заложенного в рекламном тексте.

Способы введения прецедентных текстов в рекламу могут быть разными, но в текстах наружной рекламы чаще всего встречается **деформированное или трансформированное цитирование:**

• ***деформация текста за счет перестановки или замены одного слова (или слов) другим***: *Что немцу дорого, то русскому подарок!* (реклама пива Holsten, построенная на варьировании пословицы, ср.: «Что русскому хорошо, то немцу смерть!» В данном случае деформация текста необходима для реализации конкретной рекламной идеи – рекламной кампании, основанной на том, что любители столь дорогого сердцу немецкого пива Holsten теперь имеют возможность получить в подарок автомобиль);

• ***деформация текста за счет расширения границ прецедентного высказывания:*** 1) *Мебельторг уместен!* (реклама московской мебели «Шатура», построенная на варьировании фразеологизма «Торг уместен». В данном тексте деформация происходит за счет образования окказионализма *мебельторг,* который, с одной стороны, расширил границы прецедентного высказывания, а с другой стороны, конкретизировал значение фразеологизма – «при покупке мебели «Шатура» можно торговаться»);

2) *Схватывает улыбку на лету* (реклама новых фотоаппаратов SONI, построенная на

варьировании фразеологизма «схватывает на лету». Деформация происходит за счет включения в прецедентный текст слова *улыбка*, вследствие чего значение фразеологизма «мгновенно понимает» приобретает новое значение – «мгновенно фиксирует незначительные движения», что говорит о высоком качестве нового фотоаппарата SONI);

• ***интерпретация прецедентного высказывания:*** *Утром деньги и вечером деньги* (реклама банка «Гранат», построенная на интерпретации известной фразы из произведения Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» «Утром – деньги, вечером – стулья…», обозначающей комментарий к торгу, переговорам, когда важно оговорить последовательность действий договаривающихся сторон (шутл.) Смысл преобразования данной фразы в том, что последовательность действий для клиентов банка «Гранат» не важна, поскольку они в любом случае получают выгоду).

Анкетирование потребителей показало, что столь излюбленный рекламистами прием, как обыгрывание прецедентных высказываний, является наименее эффективным средством адресации в текстах наружной рекламы. Респонденты смогли правильно расшифровать только деформацию текста за счет расширения границ прецедентного высказывания, и установив связь с прецедентным текстом (92%), и правильно декодировав смысл авторского послания. (100%). Что же касается первого и последнего текстов, то здесь налицо погрешность адресации. Оба текста оказались абсолютно непонятными для целевой аудитории (92% опрошенных не смогли даже установить связь с прецедентным высказыванием; 8 человек, вспомнив известные им фразы, не смогли расшифровать авторский замысел).

В заключение отметим, что эффективность рекламного текста значительно возрастает, если в нем используется не один, а сразу несколько приемов языковой игры, как в следующем примере: *Садись на безлимитку! Безлимитное общение…* (реклама сотовой связи «Мегафон»).

В данном тексте используются следующие приемы языковой игры:

• **словообразовательная игра:** окказиональное существительное *безлимитка* мотивировано названием рекламируемой услуги – безлимитное общение;

• **речевая неоднозначность:** слово *садиться* имеет несколько значений, связанных с принятием сидячего положения (что представлено в визуальном ряде сообщения). В вербальном же ряде слово *садиться* используется в значении *подключаться,* т. е. «присоединяться (к источнику энергии, к действующей электрической, газовой, телефонной и т. п. сети)» – прямое значение и «присоединяться к кому-либо, чему-либо, становиться участником чего-либо» [8, с. 691] – переносное значение. В результате обыгрывания многозначности слова создается, во-первых, комический эффект, а во-вторых, эффект неожиданности;

• **графическая игра** (на уровне пунктуационных знаков): усиленное многоточие подчеркивает неограниченность общения по этому тарифу.

Итак, многообразие приемов языковой игры в языке рекламы свидетельствует о формировании особых технологий по созданию рекламного текста. Ряд игровых приемов приобрел устойчивое употребле-

ние в языке наружной рекламы. Однако использовать приемы языковой игры нужно с особой осторожностью, чтобы избежать коммуникативной неудачи в случае, если дешифровка текста вызовет большие затруднения у реципиента. Прежде всего, это касается обыгрывания прецедентных феноменов. Как показало наше исследование, далеко не все потребители «считывают» данный прием языковой игры. Это вызывает у целевой аудитории глубокое раздражение, а следовательно, и отторжение непонятной информации, что неизбежно приводит и к неэффективности коммуникации в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боумен У.Д. Графическое представление информации. – М., 1997. – 189 с.
2. Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20-45.
3. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М., 2004. – 220 с.
4. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М., 1994; – СПб., 1999. – 230 с.
6. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2004. – 280 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2001. – 835 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2008. – 1200 с.
9. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М., 2000. – 270 с.
10. Ухова Л.В., Тихонова О.А. Интерпретационный анализ текстов печатной рекламы: монография. – Ярославль, 2008. – 139 с.
11. Ухова Л.В. Способ презентации информации как условие эффективности рекламной коммуникации//Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). – 2010. – № 3. – С. 149-154.
12. Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста: Учебно-практическое пособие. – СПб., 2003. – 232 с.

УДК 482-56

Южакова Ю.А.
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ КОНСТРУКЦИЙ ТОЖДЕСТВА ДЕЙСТВИЙ РАЗЛИЧНЫХ ЛИЦ, А ТАКЖЕ ТОЖДЕСТВА ЛИЦ, ПРОИЗВОДЯЩИХ ОДНО ИЛИ АНАЛОГИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ*

Y. Yuzhakova
Ryazan State University Named After S.Yesenin

SEMANTIC VARIANTS OF CONSTRUCTIONS OF IDENTITY AMONG THE VARIOUS PARTIES, AS WELL AS THE IDENTITIES OF PERSONS TAKING A COMMON OR SIMILAR ACTION

Аннотация. Категория тождества в русском языке предполагает два семантических варианта: тождество предмета самому себе и идентичность различных предметов. Семантика тождества различных предметов реализуется в определенных структурно-семантических разновидностях, которые названы в работе и проиллюстрированы примерами. Автор рассматривает следующие значения: тождество действий двух и более лиц, тождество субъектов действия, тождество мыслительных, интеллектуальных операций двух и более лиц, тождество эмоций, чувств, тождество признаков, значение единения, максимальной близости, взаимообусловленности.

Ключевые слова: русский язык, категория тождества, идентичность, неизменность, тождество действий, тождество лиц.

Abstract. The category of identity in the Russian language involves two semantic variants: the identity object itself and the identity of various objects. The semantics of identity of various items is represented in certain structural and semantic variants, which are mentioned in the article and illustrated by examples. The author examines the following values: the identity of actions of two and more persons, the identity of the subjects of action, the identity of cognitive, intellectual operations of two and more persons, the identity of emotions, feelings, the identity of signs, the value of unity, maximum proximity, interdependence.

Key words: the Russian language, an identity category, identity, an invariance, an identity of actions, an identity of persons.

Значение идентичности различных предметов может быть полным, при котором N = N1, или частичным, когда отождествление N и N1 осуществляется по одному равному параметру.

Рассмотрим значение частичного отождествления действий или субъектов на основании тождества производимых действий. Данное общее значение может реализовываться в следующих семантических подвидах:

1. Тождество действий двух и более лиц. Говорящий производит логическую операцию сопоставления действий и делает вывод о том, что разные лица производят одну и ту же или аналогичные операции.

Вронский встал. Камеровский поднялся тоже, а Вронский, не дожидаясь его ухода, подал ему руку и отправился в уборную (Л. Толстой). В одних случаях название тождественных действий повторяется, в других для указания на повторяющиеся действия используется сочетание ***сделал то же****: Степан Аркадьич благословил его с доброю и насмешливою улыбкой и*

* © Южакова Ю.А.

поцеловал его троекратно; то же сделала и Дарья Александровна и тотчас же заспешила ехать (Л. Толстой).

Действия могут быть тождественными, так как имеют одну причину либо совершение действия одним лицом становится причиной для совершения аналогичного действия другим лицом, совершаются в одних обстоятельствах, направлены на один объект, приводят к одному результату, могут иметь одни и те же желательные или нежелательные последствия: *С ним случилось то же, что и с Голенищевым, чувствующим, что ему нечего сказать* (Л. Толстой). Единым результатом может стать общее эмоциональное состояние: – *Как хорошо! – сказал Голенищев, очевидно, тоже искренно попавший под прелесть картины* (Л. Толстой); *Ну, так доволен своим днем. И я тоже* (А. Чехов); или совершение одного и того же действия различными лицами становится результатом анализа ситуации: *Девочка покраснела за отца. Он тотчас же понял это и также покраснел* (И. Тургенев).

Основанием для отождествления действий может стать тождество объектов, на которые направлено одно или одинаковые действия, одномоментность произведения действий, демонстрирующая внутреннее единство лиц, эти действия осуществляющих, или последовательность аналогичных действий разных лиц, тождество их признаков, тождество процедуры образа или способа осуществления действий: – *Я говорю по-французски, и ты так же скажи* (Л. Толстой). Значение тождества может усиливаться дополнительной авторской оценкой степени реальности действия.

2. Тождество субъектов действия. Именно одинаковость действий дает основание говорящему косвенно отождествлять и лица. N частично тождественен N1, так как действие N полностью тождественно действию N1: *И сын, так же как и муж, произвел в Анне чувство, похожее на разочарованье* (Л. Толстой).

Автор высказывания может отождествлять лицо, являющееся предметом речи, с другими, личность которых не имеет для говорящего значения, но таким образом он указывает на наличие прецедента, обыденность или привычность ситуации: *Портной хочет посадить, и другой тоже непременно грозит посадить* (Л. Толстой). В отдельных случаях нет смысла прямо называть лицо, с которым производится сопоставление, оно восстановимо из контекста: *Для Кити точно так же, казалось, должно бы быть интересно то, что они говорили о правах и образовании женщин* (Л. Толстой). В других случаях отождествляемое лицо вообще не названо, оно как бы обобщенное, важна лишь сама операция отождествления, на осуществление которой указывает специальный показатель *тоже, точно так же*, а также результат: обычность действия, производимого лицом: – *Тоже к нам заезжают, – словоохотно начал он* [слуга], *облокачиваясь на перила крыльца* (Л. Толстой). Подобные конструкций частотны в речи по причине актуальности решаемой задачи. Сопоставление действий говорящего и того, к кому обращаются с речью, может быть имплицитно, важен лишь результат: обычность, распространенность действия. Основная задача говорящего в этом случае – отождествить себя (говорящего) и слушателя на основании тождества действий: – *Вы не думали, что у меня тоже был роман? – сказала она, и в красивом лице ее чуть брезжил тот огонек, который, Кити чувствовала, когда-то освещал ее всю* (Л. Толстой).

Возможно отождествление говорящим себя с другими на основании идентичности совершаемых действий по предыдущему образцу: *Но он к ним тоже никогда не поедет* (И. Тургенев). То есть я (говорящий) не поеду, и это не противоречит сложившейся практике. «Я» не названо прямо в контексте, но предполагается.

Авторское мнение может быть выражено через отождествление предмета речи с другим лицом или отнесение к определенной группе, которая благодаря выполняемому действию должна быть оценена общественным мнением определенным, необходимым или желательным для объекта речи образом: – *Когда стара буду и дурна, я сделаюсь такая же* (как

другие светские дамы), – *говорила Бетси, – но для вас, для молодой, хорошенькой женщины, еще рано в эту богадельню* (Л. Толстой).

В ряде ситуаций идентичные действия разных лиц должны привести к одному результату. Ожидание общего результата, даже не названного автором высказывания, также является основанием для сближения и отождествления двух лиц: *Он встал и направился к двери. Анна встала тоже* (Л. Толстой). Тождество действий различных лиц может быть результатом сходного эмоционального состояния, одинаковой реакции на внешние обстоятельства или одинакового поведения в сходных условиях. Оцениваемые автором лица могут отождествляться по аналогичности модальных аспектов действия: необходимости осуществлять одно действие, идентичности желаний в одной ситуации, возможности и способности производить одно действие.

Вариантами рассматриваемого значения могут быть следующие:

2а) N тождественен N1, так как имеет с ним одни и те же свойства, признаки, может быть одинаково оценен автором или не имеет названных свойств: *Несмотря на его уверения в противном, она была твердо уверена, что он такой же и еще лучше христианин, чем она* (И. Бунин). Тождественными могут быть внешние проявления людей, такие как выражение лица или состояние человека, манера осуществления действия.

2б) N тождественен N1, так как находятся (находились) в аналогичной ситуации. В аналогичной ситуации два лица могут демонстрировать аналогичное поведение, и это может стать основанием для отождествления: *Левин, остановившись, кричал, и доктор тоже горячился* (Л. Толстой); или предполагать возможность одинаковых действий: *Не думай, пожалуйста, чтобы я ее* (Анну) *осуждала. Может быть, я на ее месте сделала бы то же самое* (Л. Толстой). Автор может использовать тождество лиц в конкретной ситуации, чтобы привести пример, показать подобающий образ действия, дать оценку поведения.

2в) Возможно объединение действием названного лица и окружающих людей, позволяющее отнести лицо к определенному классу или группе лиц. Такое отнесение к одному классу имеет значение характеристики лица, если название класса – распространенное понятие, известное обществу, или абстрактное понятие: *Но, несмотря на это, как часто бывает между* ***людьми, избравшими различные роды деятельности****, каждый из них, хотя, рассуждая, и оправдывал деятельность другого, в душе презирал ее.* ***Точно так же и Левин*** *в душе презирал и городской образ жизни своего приятеля, и его службу…* (Л. Толстой). Основанием для выделения или создания группы может стать ситуация, при этом совершенно разные люди объединяются по одной выполняемой ими переменной роли. В отдельных случаях группа прямо не названа, но является единственно возможной в данной ситуации. Для указания на нее использовано местоимение *другие* или *все*: *Одни мужики пошли к кафтанам и надели их; другие, точно так же как Левин, только радостно пожимали плечами под приятным освежением* (Л. Толстой). Таким образом подчеркивается значение обычности ситуации, однотипности и предсказуемости действий в данной ситуации.

3. Тождество мыслительных, интеллектуальных операций двух и более лиц. Значение повторяемости, чаще относящееся к выражению речемыслительных процессов (*тот же*). Слова, мысли и чувства, тождественные у различных лиц, служат основанием для сближения этих лиц. Возможны следующие семантические варианты:

3а) понимание N и N1 направлено на один предмет: *По выражению ее взгляда он заключил, что она понимала то же, что и он* (И. Бунин). Наиболее часто используются глаголы речемыслительной семантики *знать, думать, понимать*;

3б) мысли N тождественны мыслям, высказанным N1: *Он сам думал о фигуре Пилата то же, что сказал Голенищев* (Л. Толстой). Наиболее часто используются глаголы речемыслительной семантики ***думать*** (о

действиях N), ***говорить*** (о действиях N1). В некоторых случаях автор прямо называет предмет размышления героев и акцентирует внимание на его тождестве, в других случаях объект речемыслительных операций не назван, в тексте содержится лишь указание на его тождество: *И я не переставая думаю о том же* (И. Куприн);

3в) тождество оценок, мнений, выводов: *У него большой талант, – Я, разумеется, не судья, но знающие то же сказали* (А. Куприн). Оба лица – авторы тождественных оценок – могут быть названы, как в предыдущем примере, или в качестве одного из них может подразумеваться адресат высказывания: *Я тоже полагаю, что, так как он едет, то и нет никакой надобности графу Вронскому приезжать сюда* (Л. Толстой);

3г) тождество речевых конструкций: *И, вернувшись к себе, она, точно так же как и Кити, с ужасом пред неизвестностью будущего, несколько раз повторила в душе: – «Господи помилуй!»* (Л. Толстой). Одно и то же высказывание, принадлежащее разным лицам, может быть не названо, передана лишь его суть. В иных случаях может быть тождественным отсутствие готовых речевых конструкций;

3д) тождество объекта знания: *Она знала, что, несмотря на поглощавшие почти все время служебные обязанности, он считал своим долгом следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере* (А. Чехов). Автор таким образом демонстрирует взаимопонимание N и N1, их внутреннюю близость.

4. Тождество эмоций, чувств. Единство чувств дает основание автору косвенно отождествлять и сами лица, объединенные внутренней близостью: *То же самое чувствовала и Кити* (Л. Толстой).

Автор может констатировать тождество чувств и их проявление на лицах N и N1, тождество эмоциональных состояний, тождество предчувствий. Констатируя тождественные чувства, автор может указывать на взаимопонимание, связь N и N1 одной мыслью, тайной: *И странно то, что хотя они действительно говорили о том, как смешон Иван Иванович своим французским языком, и о том, что для Елецкой можно было бы найти лучше партию, а между тем эти слова имели для них значение, и они чувствовали это так же, как и Кити* (Л. Толстой).

Вариантами данного значения могут быть тождество чувств лица чувствам других в аналогичной ситуации, обычность: *Он ожидал, что сам испытает то же чувство жалости к утрате любимого брата, и он готовился на это* (Л. Толстой); тождество объектов, предметов, вызывающих чувства: отвращение, ничтожество, недоверие, стыд, удовлетворение: *– Ну, так доволен своим днем. И я тоже* (А. Куприн); тождество эмоциональных реакций: *Он тотчас же понял это и также покраснел* (Л. Толстой); тождество желаний: *Она желала того же, чего желала и мать, но мотивы желания матери оскорбляли ее* (И. Тургенев).

5. Тождество признаков (*тот же, такой же)*. Одинаковость качеств, деталей, состояний дает возможность автору высказывания отождествить носителей данных признаков или действия, обстоятельства, в которых эти признаки проявляются. Полное тождество деталей – основание для вывода о частичном тождестве их носителей. Локализация признаков в разных объектах не мешает их отождествлению [1, с. 298]. Тождество признаков имеет следующие оттенки значений: одинаковость проявления реакций: *Она… сказала, взглянув на меня* ***тем же*** *несколько* ***холодным открытым взглядом****, который был у ее сына, что она меня давно знает по рассказам Дмитрия* (Л. Толстой); тождество состояний: *Левин и Кити находились этот час* ***в одном и том же*** *счастливом и робком* ***возбуждении*** (Л. Толстой); тождество отношений: *Если родные мои хотят быть в родственных отношениях со мною, то они должны быть в* ***таких же отношениях*** *с моею женой* (Л. Толстой); тождество деталей, определяющих общий отклик предметов, действий: *Такой же день, как и другие, в которые надо работать* (А. Куприн); семейное сходство, определяемое наследуемой дета-

лью: *У нее совершенно та же улыбка, что у ее матери*; тождество манер, привычек: *Никогда ни в ком не встречал я такого фамильного сходства, как между сестрой и матушкой… она **так же оправляла платье, так же поворачивала листы левой рукой сверху, так же с досады кулаком била по клавишам**, когда долго не удавался трудный пассаж…* (Л. Толстой). Отождествляемые признаки обязательно имеют отношение к лицам, совпадение черт которых подчеркивается говорящим.

6. Значение единения, максимальной близости, взаимообусловленности. В одних случаях это значение максимально полного тождества, когда автор высказывания не называет параметров сопоставления. Это значение абсолютно соответствует определению тождества, данного в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Функциональная общность, принадлежность к одному и тому же инварианту, объединенность этой принадлежностью разных конкретных воспроизведений инварианта» [2, с. 476]. Два сопоставляемых объекта для автора не просто равны, они имеют одинаковую реализацию, одно воплощение, одно восприятие и одни последствия: *Это одно и то же* (Н. Лесков). Знаком тождества является сочетание *одно и то же.* В качестве отождествляемых могут выступать наименования лиц, предметов. *Мне все казалось в эти минуты, что как будто **природа**, и **луна**, и **я**, мы были **одно и то же*** (Л. Толстой). Отождествление объектов является средством их характеристики. Полное слияние разных объектов, превращение их в один чаще является средством положительной характеристики, полное совпадение черт отождествляемых объектов чаще содержит элементы критики. В других случаях сопоставление производится по предлагаемому автором параметру, тогда внутреннее единство, взаимообусловленность зависят от определенного условия: времени, ситуации и проч. Знаками тождества являются *точно так же, то же, такой же, тоже: Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, что она очень **хорошо**, и **точно так же**, как и он, **понимает**, какую он мог иметь надежду* (Л. Толстой).

Отождествляемые объекты могут быть семантически несопоставимыми, абсолютно разными, но иметь для автора одинаковые последствия, быть тождественными с точки зрения восприятия, произведенного эффекта, результата, объединять на основе поведения в определенной ситуации, ожидания, предвидения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 476.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947. – С. 668.
4. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М.: Издательство МГОУ, 2002. – 312 с.

Публикации аспирантов

УДК 811.161.1.(082)

Айтасова С.И.
Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия (г. Самара)

ЭВФЕМИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ*

V. Aytasova
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

EUPHEMISATION IN THE WORKS OF N. GOGOL

Аннотация. Осуществлен семантико-функциональный анализ заменяющих наименований в творчестве Н.В. Гоголя с позиций эстетических воззрений на слово. Выявленные заменяющие наименования художественного пространства цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя эстетически оправданы, поскольку применены: 1) для замены «точных названий пугающих предметов и явлений»; 2) при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем; 3) для обозначения того, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным; 4) во избежание прямого наименования из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. Эвфемизация в поэме «Мертвые души» связана, главным образом, с категорией неопределенности.

Ключевые слова: эвфемизация, эвфемизмы, категория неопределенности, неопределенные местоимения, эстетическое кредо.

Abstract. The approach to semantic and functional analysis of euphemisms in the creation of N. Gogol from the aesthetic views on the word is suggested in the article. The analysis of euphemisms shows that these linguistic units in the Nights on a Farm near Dikánka by N. Gogol are aesthetically justified as they are applied: 1) to replace "exact names of frightening objects and happenings"; 2) to avoid calling something unpleasant and disgusting by its right name; 3) to express something that in the given time was considered indecent in the society; 4) to avoid direct nomination in order not to offend either an interlocutor or a third person. Euphemisation in the poem Dead Souls is due mainly to the category to indefiniteness.

Key words: euphemisation, euphemisms, category to indefiniteness, indefinite pronouns, aesthetic credo.

Обращение к творчеству Н.В. Гоголя не случайно. Один из крупнейших современных исследователей В.П. Москвин в работах по проблемам эвфемии в русистике апеллирует к творчеству немалого числа писателей, довольно значительна при этом позиция Н.В. Гоголя.

«Визитной карточкой» эвфемии может служить цитата из «Мертвых душ» о том, что *«Дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я* ***высморкалась****, я* ***вспотела****, я* ***плюнула****, а говорили: я* ***облегчила себе нос****, я* ***обошлась посредством платка****».* И кому, как не мастеру слова, удается донести до читателя самую глубину русского слова, когда

* © Айтасова С.И.

вместо грубого и неприличного можно сказать то же самое изысканно и деликатно.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь так определил основную черту своего творчества: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей» [цит. по: 15, с. 440]. И далее позволим себе привести следующее утверждение гоголеведа: «Пожалуй, как это ни удивительно, с тех пор писателей, сравнимых в этом отношении [в плане тонкого проявления эстетического вкуса] с Гоголем, так и не появилось. Быть может, в предельном виде развил это свойство гоголевской прозы один только Владимир Сорокин, но у него выставляется на всеобщее обозрение уже не пошлость жизни, а пошлость слов, которыми саму жизнь обыкновенно описывают. Владимир Набоков пошлость замещает литературной игрой, а Михаил Булгаков уничтожает пошлость современности высоким светом перевоссозданной евангельской легенды» [15, с. 440].

В рамках данной статьи хотелось бы охарактеризовать процесс эвфемизации как один из способов выражения эстетического кредо Н.В. Гоголя. В связи с этим цель предпринятого исследования видится в том, чтобы показать, что эвфемизм – одно из средств выражения эстетического кредо Н.В. Гоголя.

Предмет настоящего исследования – эвфемизмы в творчестве Н.В. Гоголя (на примере цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и поэмы «Мертвые души»). Задачей исследования является семантико-функциональный анализ заменяющих наименований в творчестве писателя с позиций эстетических воззрений на слово.

Говоря об эвфемизации в творчестве Н.В. Гоголя, нельзя не указать на целый эвфемистический персонаж, отмеченный литературоведом М.Н. Виролайнен: «Поэтика слова Ивана Ивановича – это поэтика эвфемизма, который мистифицирует, прикрывает реальный смысл. Грубо-материальное эвфемизм переносит в мнимо-возвышенную сферу» [2, с. 345].

Так, эвфемистические слова и сочетания (они же заменяющие, смягчающие наименования) призваны замещать исходное обозначение более позитивно окрашенными конструкциями, а значит, выраженными в более эстетичной форме. Данный процесс мы рассматриваем как процесс эвфемизации в художественном пространстве. Важную роль при эвфемизации речи играет осознание негативной оценки денотата [8, с. 389]. А.С. Карпова подчеркивает, что «эвфемизация является процессом вторичной номинации с установкой на уменьшение негативного эффекта наименования» [6, с. 152]. Когда говорят, что некто *глуп, медлителен,* то выражают информацию об объективных свойствах и отмечают, что с точки зрения говорящего «плохо» (относительно стандартного представления о норме) [14]. Субъект речи высказывает в данном случае свое оценочное отношение к объекту. Можно использовать эвфемистические (смягчающие) выражения для обозначения качеств человека. Например:

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной ***не слишком далек****, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу* («Сорочинская ярмарка», гл. III). Эвфемистическое сочетание разной степени спаянности компонентов ‘*не слишком далек*’ вместо ‘*глуп*’;

Девушки подняли крик, перемешались; но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик ***не слишком*** *был* ***скор на ноги*** («Майская ночь, или Утопленница», гл. II. Голова). Эвфемистическое сочетание ‘*не слишком скор на ноги*’ вместо ‘*медлителен*’.

Приведенные эвфемистические выражения для обозначения качеств человека передают отношение к объекту речи в более вежливой форме.

Наиболее обстоятельной для характеристики основных функций эвфемизмов в художественном пространстве цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя [3] считаем работу В.П. Москвина «Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования» [12, с. 58–70]. Опираясь на предложенную ученым классификацию функциональных типов эвфемизмов, рассмотрим заменяющие наименования в означенном цикле повестей с позиций эстетических воззрений на слово.

1. В качестве примера В.П. Москвин приводит довольно значительное количество эвфемистических наименований для замены слов тематической сферы «Смерть». Следуя за ученым, приведем пример гоголевского эвфемизма данной сферы: *И вон, видишь ли ты… – Тут оборотился Левко к Ганне, указывая пальцем на дом. – Гляди сюда: вон, подалее от дома, самый высокий берег! С этого берега кинулась панночка в воду, и с той поры* ***не стало ее на свете****…* («Майская ночь, или Утопленница», гл. I. Ганна). Эвфемистическое сочетание разной степени спаянности компонентов (термин В.П. Москвина [см. 11, с. 6-7]) ‘*не стало ее на свете*’ вместо ‘*умерла*’.

Объектом эвфемистической замены могут стать также наименования некоторых заболеваний, приводящих к смерти. Эвфемизмов данной категории в художественном пространстве обозначенного цикла повестей не выявлено.

2. Эвфемизмы используются и при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем. Данной функцией в названном цикле повестей, на наш взгляд, обладают эвфемизмы и эвфемистические сочетания наименования сверхъестественных сил:

– Не бойся, серденько, не бойся! – говорил он [Грицько] *ей вполголоса, взявши ее руку, – я ничего не скажу тебе худого!*

“Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, – подумала про себя красавица, – только мне чудно… верно, это ***лукавый****!..”* («Сорочинская ярмарка», гл. II). Лексический эвфемизм (термин В.П. Москвина [см. 11, с. 6-7]) ‘*лукавый*’ вместо ‘*черт/дьявол*’.

3. Эвфемистически может быть обозначено то, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным. Приведем примеры эвфемизмов этого функционального класса. В предисловии к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» читаем характеристику дьяка диканьской церкви Фомы Григорьевича: *Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и,* ***исправивши что следует****, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху…*

Созданию положительного образа персонажа Фомы Григорьевича способствует употребление эвфемистического сочетания разной степени спаянности компонентов ‘*исправивши что следует*’ вместо грубого и неприличного для данной эпохи выражения ‘*высморкавшись*’.

Такого рода эвфемизмы Б.А. Ларин именовал бытовыми. Ученый справедливо полагал, что для этого разряда наименований характерны «ограничение кругом представлений из области физиологии и анатомии человека», а также употребительность «по преимуществу в разговорной речи» [10, с. 113].

4. Следующий функциональный тип связан с этикетом. Этикетные эвфемизмы используются, по мнению В.П. Москвина, когда говорящий избегает прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. «В этом случае эвфемистической замене подвергаются слова вполне приличные, однако, с точки зрения говорящего, обидные для того, о ком идет речь» [12, с. 62]:

К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае, так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а ***те, которые были не совсем***

храброго десятка *и запаслись ночлегами в избах, убрались домой* («Сорочинская ярмарка», гл. VII).

Эвфемистическое сочетание '*те, которые были не совсем храброго десятка*', включающее в свой компонентный состав устойчивое выражение '*не храброго десятка*', закрепленное в языке, употреблено вместо прямого и менее образного именования порочного качества трусости.

5. По мнению В.П. Москвина, довольно значителен в русском языке пласт эвфемизмов, используемых «с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [1, с. 590] [цит. по: 12, с. 63].

Данный пласт эвфемизмов в художественном пространстве названного цикла повестей представлен менее широко в сравнении с другими функциональными типами эвфемизмов.

Итак, семантико-функциональный анализ эвфемизмов показывает, что выявленные заменяющие наименования художественного пространства цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя эстетически оправданы, поскольку применены: 1) для замены «точных названий пугающих предметов и явлений»; 2) при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем; 3) для обозначения того, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным; 4) во избежание прямого наименования из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо.

Функцией «обозначения непристижных, с точки зрения данного социума, профессии, организации» (по классификации В.П. Москвина) выявленные в художественном пространстве цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя эвфемизмы не обладают.

Эвфемизация в поэме «Мертвые души» [4] связана, главным образом, с категорией неопределенности. Категория неопределенности, как самостоятельная в русском языке, объединяет многочисленные прагматические задачи говорящего: заинтересовать, сказать так, чтобы не обидеть, приукрасить, создать адресату условия для сотворчества, ввести в заблуждение, сделать речь убедительной, что вполне соответствует целям эвфемизации в художественной речи.

Одним из основных средств выражения семантики неопределенности в русском языке являются неопределенные местоимения [13]. Многие исследователи эвфемизмов русского языка указывают на то, что местоимения способны употребляться в качестве эвфемизмов (Ж.Ж. Варбот, Л.П. Крысин, В.П. Москвин и др.). Об использовании неопределенных местоимений в функции эвфемизмов говорится в работах С.М. Кузьминой, В.З. Санникова, Е.П. Сеничкиной и др. [цит. по: 5, с. 100].

Рассмотрим неопределенные местоимения (НМ) с различными компонентами-частицами, зафиксированные в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» в функции заменяющих наименований.

1. С компонентом ***-то***:

*…**какой-то** злой дух толкал его…*;

*…начал он заводить… **какие-то** внешние порядки…*;

*…в лице его показалось **какое-то** напряженное выражение…*

Местоимение *какой-то* в русистике описано с исчерпывающей полнотой (Н.Д. Арутюнова, О.П. Ермакова, С.М. Кузьмина, Т.М. Николаева и др.). Исследователями выделяется разное количество значений для НМ *какой-то.* Таково, к примеру, толкование С.М. Кузьминой: 1) *в момент речи говорящему неизвестно какой*; 2) *точно не определяемый*; 3) *небольшой, незначительный*; 4) *не заслуживающий внимания*; 5) *похожий на…* . (курсив наш. – *С. А.*) [9].

В приведенных примерах развивается *первое* и *второе* значения: чаще речь идет о неизвестных лицах или качествах, точно не определяемых.

2. С компонентом ***-нибудь***:

*…из боязни встретить **что-нибудь** на лицах.*

Местоимению *какой-нибудь* в лингвистике свойственны следующие значения: 1) *безразлично какой;* 2) *тот или иной, точно*

не определяемый; 3) *небольшой, незначительный;* 4) *не заслуживающий внимания;* 5) *похожий на…, вроде.* (курсив наш. – *С.А.*). Значения *третье*, *четвертое* и *пятое* являются вторичными, модально-оценочными (С.М. Кузьмина, Т.М. Николаева, Е.П. Сеничкина и др.).

3. С компонентом ***кое-***:

…можно и заглянуть ***кое-куда***;

…попробовал еще ***кое-что*** *прибавить, но* ***кое-что*** *совсем не вышло.*

Говорящий, употребляя данный компонент с семантикой намека, не считает нужным уточнить, какой именно предмет он имеет в виду. При этом важно, что говорящий, выделяя этим местоимением объект, умышленно не уточняет его, хотя и мог бы; имеет намерение умолчать о его свойствах.

Э.Ф. Керо Хервилья замечает, что в контексте местоимения *кое-какой* имя существительное часто употребляется в уменьшительной форме, что как бы говорит об определенном уровне интимизации референта со стороны говорящего [7, с. 128].

Приставка *кое-* в составе неопределенного местоимения часто носит эвфемистический характер: с ее помощью автор высказывания нередко маскирует то или иное негативное, всем известное явление, «одевая» его в «одежду» неизвестного.

Творческая манера Н.В. Гоголя отличается особенностью апеллировать к словам и словосочетаниям с неопределенной семантикой в целях создания комического эффекта. Перечислим ряд подобных эвфемистических оборотов.

1. Словосочетание *какой-нибудь этакий/эдакий*:

…следить ***какую-нибудь этакую*** *науку…*;

Вдруг ***какой-нибудь эдакой****… Невский проспект…*;

Эдакой, какой-нибудь*, то есть, капитан Копейкин…*;

…из окна выглядывает… семга ***эдакая****.*

Компонент *этакий/эдакий* явно разговорного типа максимально диффузной семантики: это может быть обозначение неизвестного явления, а может использоваться в качестве указателя на оценку факта, предмета, лица.

2. Сочетание *что-то вроде* (с элементом сравнения):

Случилось ***что-то вроде*** *любви…*;

…Послал ему ***что-то вроде*** *свиньи*;

Тогда чувствуешь ***какое-то, в некотором роде****, чувство… .*

3. Разнородные сочетания с семантикой неопределенности:

…что за жизнь? ***Так как-то себе***;

…на четвертое место явилась очень скоро, ***трудно сказать утвердительно****, кто такая, дама или девица…*

В данной рубрике объединены такие сочетания с семантикой неопределенности, которые не укладываются в строгие рамки из-за неоднородности своего лексического состава.

Стилистическая и художественная функция подобных оборотов состоит в создании речевой характеристики персонажа (речь Манилова испещрена словами-«паразитами», сочетанием ‘*в некотором роде*’), в намеренном использовании автором с целью обобщения и для создания комического эффекта. Перечисления ряда предметов, признаков автор подытоживает неопределенным оборотом. Так, описав местность и деревню, Н.В. Гоголь сообщает: «*Словом, виды известные*».

Особо остановимся на обороте с компонентом «известно/неизвестно», который является достаточно продуктивным в анализируемом произведении. Приведем некоторые из них: *Покой был* ***известного рода****, ибо гостиница была тоже* ***известного рода****…*; *Все эти толки, мнения и слухи,* ***неизвестно по какой причине****, больше всего подействовали на бедного прокурора.*

Компонент ‘*известно*’ обозначает факты действительности отсылочным способом и посредством этого передает семантику неопределенности. Причем отсылка, казалось бы, к известному факту, что следует из семантики самого слова, предстает неоднозначной: каждый читающий догадывается, что речь идет о не совсем позитивном факте, но раз-

мытость значения слова дает простор для дополнительных семантических включений и ассоциаций.

Так, после описания гостиницы с вполне конкретным интерьером Н.В. Гоголь делает обобщение: *Покой был* ***известного рода****, ибо гостиница была тоже* ***известного рода.*** В силу того, что гостиница не вполне комфортная и обустроенная, а таких гостиниц в стране большинство, такое обобщение, явно эвфемистическое, приобретает оттенок комизма.

Эстетическое кредо писателя так определено самим Н.В. Гоголем в статье «Искусство есть примирение с жизнью»: «Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства <...> Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде всего в себе самом; и подумал бы о том, как прежде всего с самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы». Исследование творчества Н.В. Гоголя, по нашему мнению, вполне обоснованно с позиций теории эвфемии в современной русистике. Проведенный семантико-функциональный анализ заменяющих наименований в творчестве Н.В. Гоголя показывает, что эвфемизм может служить вполне оправданным средством выражения эстетического кредо Н.В. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 590.
2. Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1952. – 352 с.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – 464 с.
5. Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева: дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 187 с.
6. Карпова А.С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания: Межвуз. сб. Ч. 1. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 152-156.
7. Керо Хервилья Э.Ф. Сопоставительное изучение категории определенности / неопределенности в русском и испанском языках. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 198 с.
8. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384-407.
9. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М.: Наука, 1989. – С. 158-231.
10. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 101-114.
11. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1999. – 58 с.
12. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58-70.
13. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке. – М.: МГПУ, 2004. – 78 с.
14. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
15. Соколов П.В. Гоголь. Энциклопедия / Б.В. Соколов. – М.: Алгоритм, Эксмо, Око; 2007. – 736 с. (Энциклопедия великих писателей).

УДК 811.161.1

Белова Н.Н.
Мичуринский государственный педагогический институт

ОЦЕНОЧНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В СИСТЕМЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

N. Belova
Michurinsk State Pedagogical Institute

EVALUATIVE ADJECTIVES IN THE SYSTEM OF AXIOLOGICAL DERIVATIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы синтаксической и лексической деривации оценочных прилагательных в их атрибутивной и предикативной функциях. Описывается словообразовательный ряд прилагательных-прагмем, коннотаций и функций как механизм формирования объективного фактора оценки; модификационное словообразование как выражение субъективного фактора оценки.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле оценки, синтаксическая деривация, лексическая деривация, функциональное, прагматическое, коннотативное значение прилагательных.

Abstract. The article investigates the problems of syntactic and lexical derivation of an evaluative adjective in its attributive and predicative functions. It describes the word-building unit of adjectives – pragmemes, connotations and functions as a forming mechanism of the objective factor of evaluation; and the word-building modification row of the unit – as an expression of the subjective factor of evaluation.

Key words: function-semantic field of evaluation, syntactic derivation, lexical derivation, functional, pragmatic, connotative meaning.

Исследование словообразования как средства выражения оценочного значения предполагает опору на функционально-семантический подход (Т.В. Маркелова) к аксиологической категории, заключающийся в наличии функционально-семантического поля (ФСП) оценки в русском языке [10, с. 1995]. ФСП оценки – один из важнейших факторов формирования высказывания наряду с такими полями, как модальность, темпоральность, персональность. ФСП оценки от названных полей отличается отсутствием единого грамматического центра. Поэтому правомерно относить его к полицентрическим полям, по словам А.В. Бондарко, «опирающимся на некоторую совокупность разноуровневых языковых средств» [2, с. 495]. Поле оценки определяется необходимостью передать в речи коренящиеся во внеязыковой действительности ценностные отношения, связанные с положительными и отрицательными качествами объектов. Исходя из эмпирического опыта или определенного состояния сознания, а также на основе общечеловеческих стандартов бытия, субъект оценки приписывает ценность определенному предмету путем выражения оценки.

Особенность характера оцениваемого объекта (А.А. Ивин) заключается в соотношении денотативного (дескриптивного) и концептуального значений [7, с. 20]. Первое связано с многообразием предметов окружающей действительности, второе – с понятиями, характеризующими свойства предметов, мотивирующие оценку. Ее положительный или отрицательный смысл связан как с многоаспектностью объекта и его позицией на шкале оценок *очень хорошо – довольно хорошо – хорошо – нормально – плохо – довольно плохо – очень плохо* (цит. по Вольф, Е.М.) [4, с. 13], так и с эмоциями, ощущениями и концептуальным миром

* © Белова Н.Н.

субъекта, отношением к норме, интенциями:

эстетическое – *Какой красивенький/страшненький малыш*;

интеллектуальное – *Какой умненький/глупенький малыш*;

этическое – *Какой послушный/непослушный малыш*;

сенсорное – *Какой вкусненький/невкусный пирожок.*

Основные элементы сложнейшего понятийного смысла оценки в концептуальной картине мира соотносятся с ее языковой семантической интерпретацией и репрезентируются в оценочном фрагменте языковой картины мира говорящего с его мыслями (о ценности объекта), чувствами (приятными или неприятными эмоциями) и действиями (похвалой либо порицанием). Имя прилагательное в широком кругу средств выражения оценки опирается прежде всего на семантику качества в одноименном разряде этой категории, но в его поведении отражаются способности к организации ФСП оценки на ее синтагматической и парадигматической оси.

Кроме его лексической семантики, которая создает «субъективное видение мира, формируя и обозначая в целом ценностную картину мира: оценку предметов по их утилитарности (*полезный, вредный*), по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива (*вежливый/грубый; красивый/безобразный*)» [14, с. 133], важную роль играют деривационные возможности, способствующие межуровневому взаимодействию языковых единиц в рамках высказывания: *Человек он действительно* ***хороший****, благородный* (А. Чехов); *Илье Ильичу только семь лет. Ему легко, весело. Какой он* ***хорошенький****, красненький, полный!* (И. Гончаров). Именно словообразование, по словам Т.И. Вендиной, – “аксиологически ориентировано” [3, с. 15], маркирующего элементы внеязыковой действительности – человека, предметы, явления.

В языковой картине мира, соотносящей концептуальную информацию оценочного понятия с семантической категорией оценки, раскрывается механизм взаимодействия субъективного и объективного факторов оценочного значения, на которые ориентируется структура ФСП оценки. Организуемая шкалой из семи элементов, она сосредоточивает в себе действие всех составляющих человеческого фактора в языке:

1) ориентация оценивающего субъекта на стереотипы ценностей и отступления от них, то есть градация положительного, нормативного, отрицательного оценочного значения;

2) изменение субъективной природы эмоций (от интеллектуальной эмоции до аффекта);

3) регуляция выбора в процессе вербализации средств выражения оценочного предиката;

4) участие в формировании парадигматического, синтагматического, прагматического аспектов ФСП оценки.

Как отмечает А.В. Бондарко, «по отношению к языковым единицам и категориям можно выделить два типа среды (ФСП):

1) парадигматический (системно-языковой) – окружение данной единицы (категории) в парадигматической системе языка;

2) синтагматический (контекстуальный, речевой) – окружение данной единицы в речи, то есть контекст и речевая ситуация». [2, с. 49].

Парадигматическое и синтагматическое устройство ФСП оценки обусловлено лексикализованным способом инвариантного выражения оценки *хорошо/нормально/плохо* под «контролем» коммуникативных намерений говорящего: *одобрения/безразличия/неодобрения*: *Жизнь хороша – прекрасна – изумительна/ плоха – ужасна – отвратительна*.

Ядерно-периферийное устройство ФСП оценки отражает процесс актуализации оценочной функции в речевых условиях, степень ее зависимости от коммуникативно-прагматического контекста и процесса взаимодействия оценочного значения с эмоциональным, бытийным, отрицательным, количественным и другими значениями: *В голосе матери было такое абсолютное отчаяние. что я дрогнул...* (А. Кабаков); *... и вообще она была*

похожа на девочку лет пяти, раздавшуюся до чудовищных размеров (А. Кабаков); *Главное – было избежать страшного весеннего дополнительного призыва...* (А. Кабаков).

Шкала оценок системно организует средства выражения оценки, в том числе словообразовательные. Семема положительного ценностного или отрицательного отношения выполняет содержательную системообразующую функцию, речевая актуализация которой обусловлена ее местом в составе семантических полей (парадигм): *Книга ужасная по оформлению – Книга ужасает своим оформлением – Книга – ужас!* и семантико-синтаксических моделей (синтагм): *стиль простой – простенький – простоватый – простецкий (ср. ...а стиль у меня простецкий, эдакий рубаха-парень...* (С. Есин) и позволяет зафиксировать особые типы языковых репрезентаций оценки: **знаки-функции, знаки-прагмемы и знаки-коннотации** в исследовании Т.В. Маркеловой [11, с. 145-146].

В **знаках-функциях** оценочная номинация представлена словом, значение которого содержит оценку в семантической структуре слова как семему: **–** ***Хорош*** *дом, славный дом, – сказал доктор* (И. Гончаров). В **знаках-прагмемах** (М.В. Эпштейн)предметное и оценочное значения «склеены, жестко связаны» [18, с. 19-20] на уровне иерархии сем в составе одной семемы. Их лексическую природу можно представить в виде «синтаксиса компонентов суждения», где предметная сема соответствует обозначенному объекту (в нашем случае его признаку), а оценочная сема – предикату: О*н добрый, очень добрый человек и бесподобный писатель* (Ф. Достоевский); *Я, например, – я туп, от природы моей туп, так как я не могу слишком важных сочинений читать; а это читаешь – словно сам написал Ф. Достоевский. В* **знаках-коннотациях** оценочная номинация выражается словом, прямое значение которого не выражает ценностного отношения говорящего к объекту оценки, переносное метафорическое значение оценки создается условиями использования ассоциативного потенциала слова в контексте: – *Товарищ Бездомный, – заговорило это лицо юбилейным голосом, – успокойтесь! Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича...* (М. Булгаков).

Каждый из перечисленных знаков на парадигматической и синтагматической оси ФСП оценки участвует в реализации оценочной модели – в виде предиката или атрибута, актуализирующих признак ценности объекта, отражая выделенную в исследованиях зависимость: оценочная ситуация – оценочная пропозиция – оценочный речевой акт – оценочное высказывание – компоненты оценочного высказывания – словообразовательная структура компонента.

Предикативным компонентом оценочных высказываний является синтаксический дериват. Синтаксическая деривация направлена на изменение первичной синтаксической функции исходного слова, добавление категориальных компонентов к его исходному лексическому значению. Синтаксические дериваты, в отличие от лексических, более однородны, системны и регулярны, легко предсказуемы и семантически, и морфологически: *Некрасивая графиня Марья всегда* ***хорошела****, когда плакала* (Л. Толстой) – исходное прилагательное – знак-функция *хороший,* дериват – *хорош-е-ть. Дуняша скучала, разве какой-нибудь приезжий офицер обращал на нее внимание и* ***любезничал*** *с ней* (И. Тургенев) – исходное прилагательное знак-прагмема *любезный*, дериват – *любезн-ича-ть*.

Лексическая деривация в основном направлена на «переобозначение», «переименование» исходных лексических сущностей. В зависимости от степени семантического преобразования лексического значения исходного слова лексическая деривация подразделяется на модификацию (добавление к лексическому значению исходного слова лексико-категориальных и лексико-стилистических компонентов) и мутацию (возникновение производного с совершенно новым лексическим значением).

Лексические дериваты отражают движение оценочных предикатов при выражении эмоционального напряжения говорящего: *Не являла книга эта ни сладких вымыслов по-*

эта, ни мудрых истин, ни картин (А. Пушкин); ***Мудреный*** *старик выкинул неожиданную и престранную штуку* (Н. Лесков).

Синтаксическая и лексическая деривация в их взаимодействии, реализованном оценочным предикатом, обнаруживают механизм построения ФСП оценки, соответственно, его парадигматической и синтагматической оси:

прост (ой) – прост – ейш (ий) – прост – еньк (ий) – прост – оват (ый)

прост – о
прост – от – а
прост – ак
прост – ец

прост – ушк – а
прост – е – ть (СЛС, т. 1, с. 831-832).

Я женщина ***простая****, хитрить не могу; я не умела скрыть своих чувств перед Меропой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами* (А. Островский); *В первое время на нас смотрели как на людей глупых и* ***простоватых****, которые купили себе имение только потому, что некуда девать деньги* (А. Чехов); *Иннокентий: Я человек и ученый и умный, а ты, как вижу, профан,* ***простец*** (А. Островский).

В качестве словообразовательного форманта, по мнению И.С. Улуханова, выступает суффикс как наиболее регулярный и продуктивный дериватор: «количество узуальных суффиксальных морфов в шесть раз превышает количество префиксальных морфов» [17, с. 105], а также ему свойственна семантическая инвариантность, общекатегориальность, общеотносительность [17, с. 159]. Таким образом, в лексических и синтаксических дериватах прилагательных с оценочным значением отражается взаимодействие лексического, синтаксического и словообразовательного уровней языка в ФСП оценки: *Он скромный человек – Он скромничает – Он скромник – Его отличает скромность* .

"Вся сфера синтаксической деривации относится к транспозиционным типам, так как сущность синтаксической деривации состоит в переводе производного в иную часть речи по сравнению с производящим» [Современный русский язык, 1989, с. 298-299]. Изменение в деривационной парадигме категориальной семантики слова (**процессуальность – признаковость – предметность**) при сохранении лексического значения в виде общей семы *скромный* – «лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг» [МАС, 4, с. 129] – это специфический признак устройства ФСП оценки. Он отличает парадигматическую ось поля и представляет говорящему разную степень свободы при выборе синтаксической модели, в которой дериват занимает позицию оценочного предиката. При этом диапазон выбора колеблется от двух и более моделей высказываний, соответствующих разным фрагментам в устройстве поля: брав (ый) брав – о [СЛС, 1, с. 114]; нудный – нудн – о [СЛС, 1, с. 678]: *Вот* ***бравые*** *молодцы – запорожцы! Вот как надо биться и другим в других землях* (Н. Гоголь); ***Браво****!; Он* ***нудный*** *человек; На душе у нее по-прежнему и пусто, и* ***нудно*** (А. Чехов);

деликатный – деликатно – деликатность – деликатничать [СЛС, 1, с. 284]; суровый – сурово – суровость – суроветь [СЛС, 2, с. 195]: *Как ни был Чичиков груб и неучтив, но Кошкарев, несмотря на все, был с ним необыкновенно учтив и* ***деликатен*** (Н. Гоголь); *Иван Павлович поступил* ***деликатно****… Мы остались одни* (В. Каверин); *В суде и с клиентами он держался высокомерно и выражал свое мнение всегда прямо и резко…; но в своей личной интимной жизни… он обнаруживал необыкновенную* ***деликатность*** (А. Чехов); *Анна Петровна: Вы все осторожны со мною,* ***деликатничаете****, боитесь сказать правду, но вы думаете, я не знаю, какая у меня болезнь? Отлично знаю* (А. Чехов); *О, какая* ***суровая****, какая длинная зима!.. Морозы все время стояли трескучие, навалило высокие сугробы* (А. Чехов); *Любовь смиренная моя встречает хладную* ***суровость*** (А. Пушкин); *Наказывать за каждую провинность – это* ***сурово*** (Л. Карелин); *И лица как будто старели за эти дни, – обветренные, обмороженные, обросшие волосами, они* ***суровели****, ожесточались* (Ф. Гладков).

Таким образом, транспозиционный тип словообразования участвует в организации

парадигматического устройства ФСП оценки, взаимодействуя с лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями языковой системы. Лингвистические наблюдения показывают, что в этом взаимодействии поразному ведут себя знаки-прагмемы, знаки-функции, знаки-коннотации. Предполагаем, что деривация знаков-прагмем отражает связь морфологии и лексики, деривация коннотативных знаков шире ориентируется на связь лексики и синтаксиса.

Наблюдаемая при этом транспозиция понятия и межчастеречный переход в терминологии Р.М. Гайсиной [5, с. 30-40] реализуются в ФСП оценки с помощью **словообразовательного блока** (Лукьянова М.А.) [9, с. 76-80] – см. приведенные выше примеры. Оценочные номинации проявляют в этих блоках специфику семантико-грамматической "переходности" (Потебня, 1958, Пешковский, 1956) [12, с. 13] и осложняются общей оценочной функцией, представляя объективный фактор оценки. Отношение ценителя-критика (субъекта оценки) мотивировано здесь объективными свойствами предмета, коррелирует с оценочной ситуацией, то есть тесно связано с внеязыковой действительностью, объективируясь в грамматических средствах – словообразовательной парадигме оценочных знаков (*восхищать – восхищение – восхитительный – восхитительно / отвращать – отвращение – отвратительный – отвратительно*).

В процессе взаимодействия лексики и деривации источником словообразовательного блока наиболее регулярно оказывается оценочное прилагательное-прагмема, менее регулярно – коннотации и функции, о чем свидетельствуют эмпирические наблюдения.

Прилагательные-прагмемы реализуют свое участие в организации парадигматической оси ФСП оценки с различной степенью полноты. Они являются мотивирующими для различных словообразовательных блоков.

Например, прилагательные-прагмемы *активный, бедный, безобразный, бледный, бодрый, важный, глупый, гордый, грубый, грузный, деликатный,дерзкий, дурной, ехидный, жадный, жеманный, лукавый, мелкий, мерзкий, мертвый, мутный, наглый, небрежный, немой, подобострастный, понурый, постылый, пошлый, противный, свирепый, сердитый, скудный, скупой, слабый, слепой, суровый, тихий, толстый, тошный, тяжелый, упрямый, фамильярный, хитрый* и др. являются мотивирующими для слов **категории состояния**, **имен существительных** и **глаголов**: *активный – активно – активность – активничать; дурной – дурно – дурность – дурнота – дурнушка – дурнеть* [СЛС, 1, с. 322]; *мерзкий – мерзко –мерзость -мерзавец – мерзеть* [СЛС, 1, с. 591]; *пошлый – пошло – пошлость – пошляк – пошлеть* [СЛС, 1, с. 805) и др.

Прагмемы *аккуратный, актуальный, аляповатый, архаичный, банальный, безалаберный, безразличный, бесшабашный, блаженный, вероломный, высокомерный, гнусный, дотошный, душный, жестокий, жуткий, зажиточный, исправный. категоричный, коварный, консервативный, корявый, лихой, лютый, малый, меркантильный, мизерный, надменный, назойливый, напрасный, напыщенный, нарочитый, невзрачный, нелепый, ненастный, непреклонный, неприкаянный, несуразный, неуклюжий, опрометчивый, посредственный и др.* являются мотивирующими для **слов категории состояния** и **имен существительных**: *безалаберный – безалаберно – безалаберность – безалаберщина* [СЛС, 1, с. 89]; *нелепый – нелепо – нелепость – нелепица* [СЛС, 1, с. 662] и др.

Прагмемы *ветхий, вульгарный, косный, нищий, распутный* являются мотивирующими для **имен существительных** и **глаголов**: *вульгарный – вульгарность – вульгарно – вульгаризировать* [СЛС, 1, с. 199]; *косный – косно – коснеть* [СЛС, 1, с. 482]; *распутный – распутно – распутство – распутник* [СЛС, 2, с. 48] и др.

Прагмемы *благоприятный, смирный* являются мотивирующими для **слов категории состояния** и **глаголов**: *благоприятн (ый) – благоприятно – благоприятствовать; смирный – смирно – смирнеть* [СЛС, 1, с. 312; 2, с. 139].

Прагмемы *авторитарный, бренный, взбалмошный, затхлый, заурядный, изможденный, летальный, негативный, нерадивый, официозный, тотальный, тщедушный, тяжкий, худой* являются мотивирующими только для **имен существительных**: *взбалмошный – взбалмошность; заурядный – заурядность*.

Прагмемы *горький, залихватский, истошный, категорический, неимоверный, неказистый, несусветный, нудный, пасмурный, поганый, тощий* являются мотивирующими только для **слов категории состояния**: *горький – горько* [СЛС, 1, с. 245]; *истошный – истошно* [СЛС, 1, с. 401] и др.

Все проанализированные случаи отражены в словообразовательном словаре, в разговорной речи и в окказиональном употреблении они могут быть расширены: *заядло, категорически* и т. д.

В словообразовательных парах типа *наглый – наглец* и *нахал – нахальный* наблюдаются «равнонаправленные семантические отношения». По словам И.С. Улуханова, «в обеих парах представлено отношение между лицом, обладающим признаком, и признаком, свойственным лицу. С точки зрения внеязыковой реальности, не только *наглец* – «наглый человек», но и *наглый* – «признак, свойственный наглецу». Однако в языке эти реальные факты не выражены в структуре немотивированных слов *наглый* и *нахал*, но выражены (с помощью формантов *-ец* и *-н*) в структуре мотивированных слов *наглец* и *нахальный*» [17, с. 156]. Особенно ярко это демонстрируется в текстовых примерах: *Где нужно … дать отпор **наглецу** и **нахалу**, там он конфузился* (А. Чехов); Астров: *Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда я бываю в таком состоянии, то становлюсь **нахальным** и **наглым** до крайности* (А. Чехов).

Имена прилагательные с коннотативной семантикой, приобретающие оценочное значение в контексте и отражающие это значение в толковом словаре, реализуют свое участие в организации парадигматической оси ФСП оценки с различной степенью полноты. Их зависимость от контекста затрудняет возможности систематизации, но можно привести пример регулярных деривационнах отношений: *близкий, гладкий, густой, дешевый, дорогой, дикий, короткий, кривой, легальный, легкий, медленный, мокрый, молодой, мягкий, острый, объективный, пестрый, плотный, полный, простой, пустой, равный, разный, рациональный, тупой, узкий, черный, широкий* и др. являются мотивирующими для **оценочных слов категории состояния, имен существительных** и **глаголов**: *гладкий – гладко – гладкость – гладить* и др.

Особое место в словообразовательной транспозиции оценочных слов занимают инвариантные оценки – функции *хорошо/нормально/плохо* и их синонимы с эмоциональной градацией в положительной и отрицательной зоне шкалы оценок, заключающие в себе содержание предиката (ценностного отношения) как обязательно эксплицируемого компонента оценочного семантического комплекса. Знаки-функции являются самыми малочисленными знаками с семантикой оценки, лексическое значение которых не нуждается в каком-либо дополнении. Суффиксы, присоединяясь к знакам-функциям, лишь осуществляют переход их из одной части речи в другую, например, *хороший – хорошесть – хорошеть – хорошиться* [СЛС, 1, с. 769].

Прилагательные с оценочным значением, таким образом, активно участвуют с помощью деривации в формировании предикатного типа значения, на котором базируется «двойная» лингвистическая природа оценки – качество и отношение и, как основное свойство выражающих оценку номинаций, признаковость. Семантика качества основывается на онтологической признаковости прилагательного, семантика отношения (умственный акт) – на процессуальности глагола. Они совмещают в понятии оценочного аспекта ситуации признак как результат ценностного отношения субъекта к объекту или ценностный признак как результат отношения субъекта к объекту.

Общность синтаксической функции единиц словообразовательного блока в оценоч-

ном высказывании свидетельствует о положении ФСП оценки в группировке полей с качественно-количественным и предикатным ядром. «Ядром высказывания является предикация, которая представляет собой соединение субъекта и предиката и определяет отношение предмета и предиката, приписывает признак предмету» (П.А. Лекант) [8, с. 86].

Компактность информации **именной структуры** и экспрессивность определяются двойственным характером имен атрибутивного имени. Качество как признак отношения и отношение как признак качественной характеристики оценочной ситуации определяют денотативно-коннотативное содержание прилагательного, в котором признак и процесс «слиты» воедино: *На дворе стояла совершенно* ***черная****, непроницаемая ночь* (А. Куприн); к существительным: *Ты боишься людской* ***черноты*** *и пошлости* (Н. Лесков); к словам категории состояния: ***Черно*** *– ни фонаря, ни света из окон* (А.Н. Толстой). Самой высокой продуктивностью в плане транспозиции отличаются прилагательные-прагмемы, что определяет их особое положение в ФСП оценки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 136 с.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
5. Гайсина Р.М. Межкатегориальный переход понятий и обогащение лексики. – Уфа, 1985. – 80 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.1-4. – М., 1989-1991.
7. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.
8. Лекант, П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002.
9. Лукьянова М.А. О семантике эмоционально-оценочных слов русского языка // Семантическая структура слова. – Кемерово, 1984. – С. 69-88.
10. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67-80.
11. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Дис. … д-ра филол. наук. – М., 1996. – 550 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. – М., 1956. – 512 с.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.
14. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Пустовалова и др. – М., 1988.
15. Современный русский литературный язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.
16. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1-2. – М., 1985.
17. Улуханов И.С. Единица словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996.
18. Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 19-33.

УДК 811.161.1'27:398.9=161.1

Васильева Ю.П.
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМА СЕМАНТИЧЕСКОГО СОЕДИНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО, НРАВСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО НАЧАЛ В РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ*

Y. Vasilyeva
Chuvash State Pedagogical University named after I.Yakovlev

THE EXPERIMENT OF IDENTIFICATION OF THE MECHANISM OF SEMANTIC COMBINATION OF THE RELIGIOUS, MORAL, AND SOCIAL PRINCIPLES IN THE RUSSIAN SPEECH CULTURE

Аннотация. В статье эксплицируется механизм семантического соединения религиозного, нравственного и социального начал на материале пословицы «Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт». Эта пословица рассматривается в качестве инварианта открытого списка пословичных текстов. Описание механизма производится на основании представленной композиционной схемы ключевых слов, понимаемых как строевые слова словесного произведения. Окказиональная синонимизация ключевых слов в последовательности частей словесного произведения раскрывает семантическое содержание понятия русской соборности.

Ключевые слова: единство, ключевые слова, ноэма, общество, соборность, русские пословицы.

Abstract. The article deals with the mechanism of semantic combination of the religious, moral, and social principles on the basis of the proverb "A word must be believed, bread must be within limits, money must be counted". Under the terms this proverb is considered to be the invariant in the open list of the proverbs. The description of the mechanism is implemented on the basis of the presented composition scheme of the key words treated as structural words. The occasional synonymisation of the key words in the sequence of the parts of the proverb exposes the content of the notion of the Russian conciliar nature.

Key words: unity, key words, noema, society, conciliar nature, Russian proverbs.

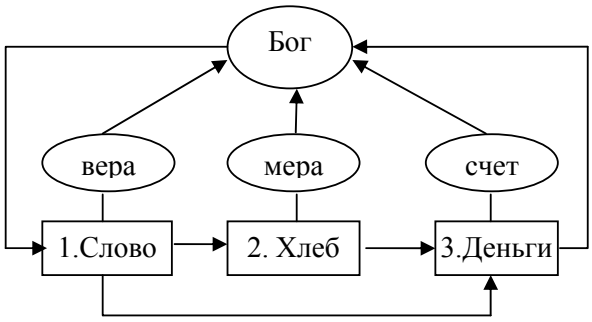
Соборность как характерная черта русской культуры включает в себя творческую устремлённость и особую форму единства – целостность. Идеал соборности состоит в единстве религиозного, нравственного и социального начал. Такая идея единства выражена в пословице *Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт.* По условию рассмотрим эту пословицу в качестве инварианта открытого списка пословичных текстов, среди которых: *Не бывает поле безо ржи, слово безо лжи; Кто добро творит, того Бог благословит; Девка прядёт, а Бог нитку даёт; У кого колос, у того голос; У кого денег мало, у того ума не бывало; У него ума – полна пола, да не покрыта; Разума много, да денег нет; Как мошна пуста, так запекутся уста; Запеклися уста, что мошна пуста; У кого колос, у того голос; В аду не быть – богатства не нажить; Пусти душу в ад, будешь богат; Без креста и молитвы не будет ловитвы; С верой нигде не пропадёшь* и др.

Как произведение словесности, пословица представляет собой целенаправленное высказывание, осуществлённое как реализация определённого замысла с помощью правил поэтической и риторической композиции. Под поэтической композицией понимается ме-

* © Васильева Ю.П.

тафоризация ключевых слов произведения словесности. Ключевые слова в словесном произведении – это строевые слова произведения, определяющие словесное ядро образа в каждом фрагменте текста, составляющем отдельную образную структуру. Метафоризация понимается как окказиональная (по тексту) синонимизация слов в последовательности частей текста [9, с. 9]. Ключевое слово может быть выражено с помощью любой структурной единицы языка: морфемы, слова, словосочетания, предложения. Отсюда термины «ключевое слово» и «ключевой образ» в исследовании используются как тождественные.

Особенностью пословицы как произведения словесности является то, что она вся состоит из ключевых слов. Смысловые связи ключевых слов пословицы *Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт* можно представить в виде схемы:



Ряд ключевых слов принято называть ноэмой, или ноэматическим рядом. Античный термин «ноэма» обозначает смысловой инвариант, вариантами которого являются различные контекстные синонимы словесного произведения.

Ноэматический ряд ключевых образов «слово» – «хлеб» – «деньги» может быть именован как единицы материального бытия. Он входит в другие ноэматические ряды: каждое из этих ключевых слов («вера», «мера», «счёт») включает в себя семантику «верного пользования единицами материального бытия». На схеме видно, что у каждой единицы материального бытия свой критерий пользования. Все они сходятся в едином организующем центре, обозначенном ключевым словом «Бог».

Опишем свойства смысловых связей элементов данной схемы.

Во-первых, «слово», «хлеб» и «деньги» образуют триаду со строгой последовательностью ключевых образов: 1. Слово; 2. Хлеб; 3. Деньги. Отношения элементов предполагают грамотное пользование «словом», «хлебом» и «деньгами». Деньги (3) приобретаются вследствие завершённого труда, т. е. уродившегося хлеба (2), завершённый труд есть следствие «слова» (1).

Не (2) хлебом живы, молитвою (1). Была бы голова (1) на плечах, а хлеб (2) будет. «Молитва» (=слово) на первом месте относительно «хлеба».

Не только добра, что много серебра; Не хвались серебром, хвались добром; Без (2) денег проживу, без хлеба (1) не проживу. «Хлеб» на первом месте относительно «денег».

Во-вторых, Бог есть условие и результат репрезентации всех ноэматических рядов указанной схемы: *Бог не даст, и земля не родит; Бог не родит, и земля не даст.* Ср. 6: *Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; 7: Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возращающий* (1-е Кор. 3: 7 – 8) [2]; *Денежка не Бог, а полбога есть; После Бога – деньги первые; На деньгах царская печать* (=царь – помазанник Бога); *Без креста и молитвы не будет ловитвы.*

Ключевой образ «слово» в других пословицах метафорически замещён образами «молитва», «ум» и заменятся метафорой «рожь», «пшено»: *Кто говорит, тот сеет, кто слушает – собирает (пожинает); Не бывает поле безо ржи, слово безо лжи; Красно поле пшеном, красна беседа умом; Колокольный звон не молитва, крик не беседа; Каково семя, таково и племя.*

Понятийно ключевой образ «слово» может иметь несколько толкований: 1) слово – инструмент деятельности; 2) слово – молитва; 3) слово – ум.

Первое толкование *слова* восходит к Библии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин.1:1) [2]. Автор

исследования первой русской риторики В.И. Аннушкин пишет о связи слова с Божественным началом: «Словом как инструментом, дарованным Богом только единственному Его созданию – человеку, организуется общество людей. Качеством общественного слова (языка, коммуникаций) проверяется эффективность и благоустройство человеческого сообщества» [1].

Смысловую связь имеет корреляция ноэм «слово» – «вера»: критерий качества слова и организованного им сообщества – это вера. «Верою познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (К евр. 11:3) [2]; «Недостает мне времени, чтоб повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, были крепки на войне, прогоняли полки чужих…» (К евр. 11: с. 32–34) [2].

Второе толкование: «слово» – «молитва» – обязательное условие начала и конца трудового цикла: *Кто перекрестясь работает, тому Божья помощь; С Бога начинай и Господом кончай!* «Слово-вера» – источник энергии, необходимой для деятельности: *Без креста и молитвы не будет ловитвы; С верой нигде не пропадёшь; Аминь человека спасает; Коротка молитва «Отче наш», да спасает*. Третье толкование является логическим следствием второго, поскольку умом как гносеологической способностью человек наделяется при постоянной обращённости к Богу (=молитва): *Всякая мудрость от Бога.* Согласно А.Ф. Лосеву, пресв. Троица имеет ономастическое определение – (1) «ум как исток слова», (2) «слово», (3) «святость (благодать)» [5, с. 222].

В ноэматическом ряду «слово» – «хлеб» – «деньги» ключевой образ «слово» коррелирует с ключевым образом «деньги». На схеме стрелками указана взаимозависимость содержания этих образов. Текстологически данная взаимзависимость может быть подверждена пословицей: *Взглянет, что огнём опалит; Слово молвит, рублём подарит.*

Слово, как деньги, приобретается трудом, поэтому использование его предполагает такую же осторожность, обдуманность, как и с деньгами.

Следующий ключевой образ в ноэме – «хлеб». Хлеб – сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. В русской культуре осмысляется как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества, которое требует почтительного отношения.

Пословичное выражение «хлебу – мера» имеет частное значение и обобщённо-образное. Частное значение – предписание использовать соответствующую ситуации систему мер. Как обобщённое высказывание *хлеб* толкуется как символический результат деятельности (трудовой/интеллектуально-творческой), что сообщает о необходимости знания и подчинения циклам трудового/творческого ритма, (чередование напряжённой активности и периода восстановления, подъёма и спада, работы и отдыха). Это значение может быть подтверждено такими пословицами, как: *Временем в горку, а временем в норку; Делу – время, потехе – час; Пению – время, молитве – час; Не плачься, что ночь студёна: ободняет, так обогреет; Дождик вымочит, а красно солнышко высушит; Временем гнать, а другим бежать.*

Оба эти значения совпадают в направленности к ключевому образу «Бог». Носительницей «меры» является душа. Рассмотрение обоих значений применительно к конкретной личности позволяет выявить эмпирическую природу этой личности: *Душа меру знает; Без меры и лаптя не сплетёшь.*

Неверное приобретение денег или использование их вне иерархии приводит к семиотической дезориентации вследствие потери внутреннего ориентира: *У кого деньги вижу, души своей не слышу;* нарушения системы ценностных координат: *Скупому душа дешевле гроша.*

Деньги только тогда являются ценностью, когда они приобретаются через последова-

тельное, поступенчатое осуществление триады «слово» (ум, обращённый к Богу) – «хлеб» (готовый плод труда) – «деньги» (оплата за труд). Если эта последовательность нарушена, то (1) деньги перестают быть ценностью: *Деньгами душу не выкупишь;* (2) личность теряет творческое начало: *Деньги что каменья: тяжело на душу ложатся.* Дело в том, что для концепта души в русской речевой культуре идеальным является движение вверх, символизирующее устремлённость к соединению с Творцом. Вследствие движения вниз из-за греховной тяжести («каменья», ср.: *Грехи тяжки*) душа отдаляется от Бога, что лишает личность созидательной способности; (3) деньги становятся наказанием: *Дураку мука, умному честь*, так как приоритетное восприятие ценностей должно соответствовать образцу: *Не штука деньги; штука разум; С молитвой в устах, с работай в руках.* Ср.: «…пребывая в Боге умом и сердцем, телом же трудись в исполнении лежащих на тебе обязанностей» [3, с. 14].

Отступление от веры приводит к нарушению меры: *В аду не быть – богатства не нажить; Пусти душу в ад, будешь богат.* Но при этом деньги, полученные без веры, заработанные не усилием собственного труда, сопряжены с духовной деградацией личности: *Богатому черти деньги куют.*

Пословицы *Как мошна пуста, так запекутся уста; Запеклися уста, что мошна пуста; У кого колос, у того голос* эксплицируют запрет на произнесение речей при материальном обесточении. Этот запрет основан на соблюдении триады «мысль – слово – дело». Эта же триада является основой запрета выбирать в качестве источника информации материально неблагополучного человека: *У кого денег мало, у того ума не бывало; У него ума – полна пола, да не покрыта; Разума много, да денег нет.* Человек, не имеющий результата в своей деятельности, по сути, не имеет завершённого цикла «мысль – слово – дело», соответственно, не заслуживает риторического авторитета. Ср. Авва Иссак Сириянин: «Но слово от деятельности – сокровищница надежды; а мудрость, не оправданная деятельностью, – залог стыда» [цит. 6, с. 106]. Право на «слово» основано на социальной состоятельности личности, показателем которой является наличие заработанных денег («хлеб» – «деньги»). Полное отсутствие их приводит к социальной изоляции человека: *Нищему нет друга; Нищему нет товарища.* Ср.: «Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально антисоциален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и неиндивидуален» [4, с. 47]. Однако материальное неблагополучие не подлежит осуждению: *На деньгу суд, на безденежье не обессудь.*

Риторическая привлекательность проистекает из системы успешных, результативных действий: *Тот хорош, у кого родилась рожь; У кого есть рожь, тот и мужик хорош, У кого колос, у того голос.* Успешность результата зависит от произволения и содействия Бога: *Девка прядёт, а Бог нитку даёт.*

Приобретение денег не может быть самоцелью. Деньги являются средством благотворения, т. е. служения Богу: *Кто добро творит, того Бог благословит.* Нищета, бедность – результат неправильного пользования словом.

Суммируя результаты описания ноэматических рядов композиционной схемы пословицы *Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт* с учётом культурологического контекста, можно сделать вывод о механизме семантического соединения религиозного, нравственного и социального начал. Триада «слово – хлеб – деньги» представляет собой образец деятельности, нарушение которого приводит к экстропии или энтропии социального организма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аннушкин В.И. Язык семьи – орудие нравственного совершенствования и духовного спасения. URL: http: // www. portal-slovo.ru/philology/39045.php?PRINT=Y (дата обращения: 29. 02. 2009)
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические.
3. «Духовная аптека» старца Иоанна (Крестьянкина). Наставления, уроки, молитвы. – М.: «Ковчег», 2010. – 192 с.

4. Лосев А.Ф. Античная музыкальная эстетика. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1960. – 304 с.
5. Лосев А.Ф. Миф – развёрнутое магическое имя // А.Ф. Лосев. Миф – число – сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
6. Паисий Святогорец. Слова. Духовное пробуждение. Т. 2. – М.: Святая гора, 2010. – 397 с.
7. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. – М.: АСТРЕЛЬ, 2008. – 736 с.
8. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Новое тысячелетие, 1996. – 326 с.
9. Субботина М.В. Русско-туранская метафора: Архитектоника русского художественного дискурса в культурно-историческом аспекте. – М.: Наука: Флинта, 2004. – 228 с.

УДК 1751

Горелова Л.Д.
Воронежский государственный университет

ДИАЛЕКТНЫЕ ФАМИЛИИ СЕЛА ЧИГОРАК*

L. Gorelova
Voronezh State University

DIALECT SURNAMES OF CHEGORAK VILLAGE

Аннотация. В настоящей статье мы предлагаем читателям некоторые материалы из истории отдельных русских фамилий с диалектными основами, бытование которых засвидетельствовано в селе Чигорак Воронежской области. Анализ основ таких фамилий – это своеобразный рассказ, в котором содержится разноплановая информация, характеризующая тот или иной регион. Для исследования истории ареала и сбора антропонимического материала XVIII – XIX вв. автор пользовался фондами Государственного архива Тамбовской области (ревизскими сказками за 1833, 1834, 1858 годы, отдельными сохранившимися выписками из метрических книг XVIII и XIX веков).

Ключевые слова: антропоним, антропонимическая система, говоры, диалект, диалектные основы, лексема, нехристианское личное имя, нарицательное существительное, прозвище, регион.

Abstract. In the present article the author offers readers some material from the history of Russian surnames with dialect origin, which existed in Chegorak village of Voronezh region. The analysis of the bases of such surnames is a distinctive story, which contains various information describing this or that region. To do the research of the area's history and to gather anthroponomical material of 18-19th centuries, the author used funds of State archive of the Tambov region (population census of 1833, 1834, 1858, and a few remaining extracts from registers of births of 18th and 19th centuries).

Key words: anthroponomy, anthroponomical system, patois, dialect, dialect bases, lexemes, non-Christian personal name, nominal noun, nickname, region.

В настоящей статье мы предлагаем читателям некоторые материалы из истории отдельных русских фамилий с диалектными основами, бытование которых засвидетельствовано в селе Чигорак Воронежской области. По мнению И.А. Королевой, самобытность любой локальной антропонимической системы и в прошлом, и в настоящем составляют фамилии, образованные от прозвищных имен с диалектными основами. Именно эти фамилии помогают в

* © Горелова Л.Д.

какой-то мере восстановить лингвистический культурно-исторический ландшафт прошлых эпох. Анализ основ таких фамилий – это своеобразный рассказ, в котором содержится разноплановая информация лингвистического, социологического, исторического, культурологического, этнографического плана, характеризующая тот или иной регион [7, с. 12].

АБАНОСИМОВ. В псковских и тверских говорах известна лексема *обону́с*, имеющая значение "норов, своенравие, упорство" [5, с. 610]. В.И. Даль отмечает прилагательное *обону́сный* "упорный, своенравный" [5]. Предположим, что фамилия образована от прозвища Обону́с. Данная фамилия зафиксирована в метрической книге за 1813 г.[1]

БОЛОНИН. СРНГ фиксирует лексему *боло́на* – "рама", употребляющуюся в смоленских говорах и *болона́*. Апеллятив *болона́* имеет несколько значений: 1) шишка, опухоль, нарост или рана на коре дерева. *Влад., Яросл.*; 2) плохой, негодный лес. *Моск.*; 3)шишка, опухоль, нарост на теле человека. *Казан., Яросл., Влад., Новг., Твер.*; 4) надоедливый человек. *Симб.* [14, с. 77]. Прозвище Болона, являющееся основой фамилии Болонин, могло образоваться от любого из указанных значений. Первая письменная фиксация антропонима Болона произошла в Новгороде в 1526 г. [1, с. 44].

БУСЫГИН. В основе антропонима прозвище Бусыга, которое образовалось от прилагательных *буsóй* и *бу́сый*, что в диалектах означает "серый, седой", а иногда и "пьяный" [23, с. 41]. По мнению Б.О. Унбегауна, такое прозвище могли дать хвастуну [19, с. 123].

ВЕРЕЙКИН. В.И. Даль приводит следующие значения слов *верея́, верейка* – "*ряз.* веретья, непоемная гряда; род природного вала, какие бывают на поймах, на луговой стороне рек, в несколько рядов и с поперечными прорывами. *Тмб.* небольшой клин, полоса луга, поля, леса. Общее: опорная точка, пятка, ось вращательного движения; столбы, на которые навешиваются полотенца ворот. Иногда воротные крючья и петли, большой навесной крюк с полосовою петлёй. *Орл.* крайний, толстый зуб гребня. Небольшая, легкая лодка с парусом, шлюбка, ялик" [4, с. 241]. Трудно сказать, какое значение этого слова легло в основу данной фамилии. Вероятнее всего, в основе данной фамилии топоним, указывающий на прежнее место жительства (с. Верея Московской области, с. Верхняя Верея и с. Нижняя Верея Нижегородской области). Данный антропоним отмечаем в метрической книге за 1761 г.[2]

ГАЙДАКОВ. СРНГ отмечает глагол *гайда́кать*, обозначающий "бегать по двору, улице без определенной цели" в донских говорах [15, с. 97]. В основе фамилии лежит связанное с этим глаголом прозвище.

ГУЗЕНКОВ. Словарь В.И. Даля фиксирует такие лексемы: *гузе́нный* "до задницы относящ."; *гуза́ть* "*влгд.* пятиться, не устаивать в слове, либо робеть, трусить, отказываться; *твр. прм.* раздумывать, не решаться, мешкать, медлить; делать что мешкотно, вяло, нерасторопно; *вор.* возиться над чем, убирать, прибирать, особ. о хозяйке"; *гузы́нить* "*нвг. тмб., вор., смл.* упрямиться, сердиться, дуться; плакать, реветь от злости; спесивиться, чваниться, зазнаваться"; *гузыня* "угрюмый, упрямец; плакса, ревун, крикса, брюзга" [4, с. 406]. Прозвище, лежащее в основе фамилии, мог получить медлительный, плаксивый, угрюмый или толстозадый человек.

ЕРАШОВ. В.А. Никонов отмечает, что основой прозвища мог стать глагол *ерахнуться* – упасть (*уральское*); *Как ерахнулся – и ногу сломал.* Отчество от прозвища закрепилось в роли фамилии. Фонетически закономерен переход *х* в *ш* [12, с. 155].

И.М. Ганжина считает, что в основе фамилии могут лежать производные формы от разных христианских имен: Еремей, Ермолай, Ермил, Ерофей, Ераст, Ерм(ий), Иероним [2, с. 186]. Возможно, в основе фамилии лежит разговорная форма христианского имени Герасим.

[1] ГАТО – Государственный архив Тамбовской области, ф. 1049, оп. 1, д. 84. Метрическая книга Архангельской церкви с. Чигорака Борисоглебскаго уезда за 1813 год. Л. 2.

[2] ГАТО, ф. 1049, оп. 1, д. 10. Метрическая книга Архангельской церкви с. Чигарак за 1761 г. Борисоглебскаго уезда. Л. 2.

КАБАРГИН. В основе антропонима прозвище Кабарга из лексемы *кабарга* "козочка, безрогое сибирское животное из семьи оленей" [5, с. 70], в воронежских говорах "тощая, плохая скотина, одер; козёл, кобылка, грудная кость в птичьем оставе" [5].

КАЗАКОВ. Фамилия чаще всего не имеет отношения к казачеству. Ю.А. Федосюк пишет: "Казаком кое-где называли бойкого, удалого человека, а также батрака, который нанимался на год" [23, с. 91]. Употребление этого прозвища отмечается с 1495 г. [18, с. 170].

КАПЫЛОВ. В основе фамилии – прозвище Копыл. На новгородчине *копыл* – валек для стирки белья; архангелогородцы называют так сани, на которых возят дрова; костромичи – деревянное донце, куда пряхи вставляют гребень; вологжане – топорище; а на юге России *копылом* нарекли колоду для плетения лаптей [3, с. 235-236]. М. Фасмер указывает два значения лексемы *копыл*: 1) "колодка", 2) "стояк, вбитый в санный полоз" [21, с. 320]. Копылом могли назвать незаконнорожденного ребенка [21]. Первая письменная фиксация прозвища Копыл относится к 1510 г. [1, с. 154].

КОСТОЛОМОВ. Словарь В.И. Даля фиксирует несколько значений слова *костолом*: "снаряд для размола костей у клееваров, для удобрения полей; болезнь, лом, ломота в костях, в мышцах и сухожилиях; *тул.* увечный, нищий, калека; *нвг.* летний рабочий кафтан или сермяга" [5, с. 177]. Трудно определить, какое из этих значений стало основой для образования прозвища Костолом. Антропоним Костоломов функционировал в Чигораке с начала XIX в. По данным ревизских сказок 1834 г. эту фамилию носила одна семья (10 чел.).[1] Фамилия не получила дальнейшего распространения.

ЛОВЯГИН. В основе фамилии – прозвище Ловяга. Ловяга – "ловкач, плут, т. е. тот, кто ловит удачу" [3, с. 270]. И.М. Ганжина отмечает, что это прозвище могло быть образовано и от диалектного слова *ловкой* – "ловкий" [2, с. 286]. Данная фамилия мигрирует в с. Чигорак из с. Солдатская слобода [11, с. 12].

НАГИБИН. Фамилия восходит к прозвищу из нарицательного *нагиба* – "человек очень высокого роста", "сутулый человек", а в староукраинском языке – "находка". Возможно и образование прозвища от диалектного глагола *нагибать* – "обманывать" [2, с. 329]. Можно предположить, что в некоторых случаях в основе прозвища тюркское слово *наиб* "помощник начальника" [8, с. 513-514]. Первая письменная фиксация данного антропонима относится к 1591 г. [18, с. 660]. В метрической книге за 1761 г. встречается фамилия Нагибнев[2], в метрической книге за 1813 г. – Нагибин[3]. В ревизских сказках 1834 г. отмечается три варианта данной фамилии: Нагибнев, Нагибен, Нагибин [4].

ПЕРЕГУДОВ. Основа фамилии связана с глаголом *перегу́да́ть*, известным в основном в северных говорах и имеющим значения: *перегу́да́ть* – переселить, одолеть; *перегу́дать* – шалить; *перегуда́ть* – 1) весело болтать, шутить; 2) разговаривать о ком-либо (обычно недоброжелательно), высказывать что-либо нелестное насчет других; 3) разговаривая, ведя переговоры, убедить кого-либо, уговорить; выражение *перегудки перегудать* имеет значение "рассказывать сказки, небылицы", глагол *перегу́дывать*, известный в мурманских говорах, обозначает "пересказывать; передавать услышанное" [16, с. 74].

РАГОЗИН. В основе фамилии лежат прозвище или нехристианское личное имя Рагоза, в большинстве случаев восходящие к древнерусскому *рагоза* – "ссора, спор, брань". И.М. Ганжина отмечает, что во многих говорах так называют сварливого, неуживчивого человека, в тверских говорах – врун и пустослова, в вятских – невзрачного человека [2, с. 396]. В отдельных случаях прозвище могло быть образовано и от нарицательного *рагоз(а), рогоза* – "тростник, камыш" [2].

[1] ГАТО, ф. 12, оп. 1, д. 1178. Ревизская сказка тысяча восемьсот тридцать четвертаго года Апреля седмаго дня Тамбовской Губернии Борисоглебскаго уезда села Чигорака о состоящих мужеска и женска пола однодворцахъ. Л. 236.

[2] ГАТО, ф.1049, оп.1, д.10., Л. 3.

[3] ГАТО, ф.1049, оп.1, д. 84., Л. 2.

[4] ГАТО, ф. 12, оп. 1, д. 1178. Л. 227,228,252.

Первая письменная фиксация фамилии относится к 1508 г. [18, с. 719].

САЯНИН. В основе фамилии лежит прозвище Саян из лексемы *саян*, имеющей значение: 1) сарафан из крашенины, распашной сарафан, *тверск., смол.,* высокая юбка с помочами, *курс., блр.* нижняя юбка; 2) шутливое прозвище курян, название монастырских (в прошлом) крестьян в бывш. Курск., Льговск., Фатежск. уу. [22, с. 567]. Вероятно, они получили такое прозвище первоначально по их одежде – саяну, "который они носят с гордостью", как замечали этнографы. Есть мнение, что прозвище пошло от того, что саяны произносили вместо *себе–сае*, а вместо *себя–сая* [2, с. 426].

СЛИЗОВ. Фамилия может восходить к глаголу *слизывать* "счищать языком, очищать лижучи" [6, с. 220-221]. В.И. Даль приводит однокоренные лексемы *сли́зыванье*, *слиза́нье*, *слиз*, *сли́зка*, которые обозначают действие по значению глагола [6]. Возможно, фамилия связана со словом *слиз* "рыба Blennius, похожая на угря" [6]. Другое мнение по поводу возникновения данной фамилии высказывает М.П. Торгашин. Он пишет: "Возможно, от слова "слизь" при ловле рыбы бреднем или слизывать что-либо. Кое-кто предполагает, что Слизовы от Сизов – с добавлением "*л*", что означает сизый – бледный, худой" [17, с. 40]. Фамилия встречается в юридических Актах в 1550 г.: "Истома Григорьев сын Слизов, послух в Белозерском уезде" [18, с. 751]. Антропоним Слизов отмечается в метрической книге за 1763 г.[1]

ТАРАБРИН. Фамилия восходит к прозвищу Тарабара – "человек, много и попусту говорящий" [20, с. 120]. В словаре В.И. Даля находим глаголы *тараба́рить, влгд. тара́барить* "говорить, беседовать, болтать; говорить резко и скоро, тарантить, тарато́рить" [6, с. 390]. В.И. Даль приводит однокоренные лексемы: *тараба́ры* "болтовня, беседа", *тараба́р* "говорун, шутник, краснобай; пустой болтун" [6]. В.А. Никонов отмечает, что объяснить эту фамилию трудно. Он также указывает на связь с глаголом *тараба́рить*, но при этом задает вопрос: "Как мог исчезнуть ударный гласный?" [13, с. 128]. Данный антропоним отмечается в метрической книге за 1763 г.[2]

ТЕЛЕПОВ. В.И. Даль отмечает функционирование глагола *телепа́ться* в южных и западных говорах в значениях: "болтаться, мотаться, висеть и качаться" [6, с. 396]. Телепень означало в старину: 1) кистень – железный шар, прикрепленный цепью к палке; 2) колокольный язык, било; 3) повеса, болван; 4) грузный, вялый ребенок [3, с. 399-400]. Была ещё игра *телепни* – городки, чурки, рюхи. Функционирование антропонима Телепов отмечается с 1500 г. [1, с. 314]. Фамилия Телепов известна в Чигораке с середины XVIII в.[3] По данным ревизских сказок 1834 г. данную фамилию носили члены четырёх семей.[4]

ЧУРАКОВ. Впервые данный антропоним в письменных источниках северо-востока России упоминается в 1450 г. [18, с. 828]. Лексема *чура́к*, очевидно, являющаяся производящей основой фамилии Чураков, имеет значения "короткий обрубок бревна, жерди, круглаго дерева; стул, стояк подо что; глупый неповоротливый человек" [6, с. 615]. Наряду со словом *чура́к* В.И. Далем приводятся и другие слова-синонимы, имеющие аналогичные значения: *чурачек, чурбан, чурка, чурбашка, чурбак,* причем последняя лексема обозначена как "Тамбовская", "Южная". В вологодских говорах есть и другое значение лексемы *чурак* – "ребенок, рожденный вне брака" [2, с. 549]. Имена Чурка, Чурак могли быть и производными формами либо христианского личного имени Кирилл, либо нехристианского личного имени Чур [2, с. 550]. В воронежских говорах широкоупотребительны названные лексемы, поэтому предположим происхождение фамилии Чураков от прозвища Чурак из лексемы *чурак* в прямом или переносном значениях, указанных В.И. Далем. Фамилия Чураков отмечается в метрической книге за 1761 г.[5]

[1] ГАТО, ф. 1049, оп.1, д.12. Метрическая книга церквей Борисоглебскаго уезда за 1763 год. Л. 7.

[2] ГАТО, Ф. 1049, оп.1, д.12. Л. 15.

[3] ГАТО, Ф.1049, оп.1, д.10. Л. 1.

[4] ГАТО, Ф. 12, оп. 1, д. 1178. Л. 210, 245, 246.

[5] ГАТО, ф. 1049, оп. 1, д. 10. Л. 2.

ЧИЛИЕВ. Ю. Федосюк пишет: “Чили́ка, чили́к – слова звукоподражательные, так в говорах называют воробья. Кое-где говорят не “чирикать”, а “чиликать” [23, с. 220]. У В.И. Даля находим: *чили́кать* – “чирикать, щебетать, кричать по-воробьиному, насвистывать тихонько пташкою”, *чили́канье* – “действие по глаголу” [6, с. 604].

ЧУШКИН. В основе фамилии прозвище Чушка, восходящее к нарицательному *чушка* “свинья, свинка, рюха, рюшка” [6, с. 616]. Такое прозвище могли дать неряшливому человеку.

ШИТОВ < Шитой (Шитый) < шитой “рябой” [2, с. 571]. Данная фамилия отмечается в с. Чигорак в конце XIX в. [10, с. 6].

Изучение фамилий с диалектными основами “позволяет показать региональную специфику на самых разных уровнях, представить себе своеобразие той или иной местности и в языковом, и в социально-культурном плане” [9, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М., 1974. –382 с.
2. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М., 2001. – 671 с.
3. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. – М., 2001. – 591 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 669 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 779 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. 4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 683 с.
7. Королева И.А. Фамилии Смоленского края сегодня. Материалы для Словаря. – Смоленск, 2003. – 151 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2008. – 944 с.
9. Марченкова Ю.Ю. Фамилии Рославльского края (синхронический и диахронический аспекты): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2006. – 24 с.
10. Метрическая книга Архангельской церкви села Чигорак за 1884 год, 57 л.
11. Метрическая книга Архангельской церкви села Чигорак за 1902 год, 108 л.
12. Никонов В.А. Отвечаем на вопросы о происхождении русских фамилий // Русская речь. – 1983. – № 1. – С. 154-158.
13. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М., 1993. – 222 с.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. – Л.: Наука, 1968. –360 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 6. – М.-Л.: Наука, 1965. – 358 с.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 26. – Л.: Наука, 1991. – 350 с.
17. Торгашин М.П. Сказание о русском селе земли Борисоглебской. – Борисоглебск, 2001. – 350 с.
18. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М., 2004. –891 с.
19. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М., 1989. – 441 с.
20. Фамилии Тамбовской области: Словарь-справочник / Под общ. ред. Л.И. Дмитриевой. – Вып. 2. – Тамбов, 1999. – 63 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и доп. О.Н. Трубачева: Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 671 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и доп. О.Н. Трубачева: Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 831 с.
23. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М., 1981. – 239 с.

УДК 811.161.1

Дементьева М.К.
Московский государственный университет печати

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА*

M. Dementieva
Moscow State University of Printing Arts

POLITICIAN'S LANGUAGE PERSONALITY

Аннотация. В статье исследуется феномен языковой личности политика с позиций антропоцентрического подхода. Показана специфика политического дискурса, его оценочная природа, обусловленная его главной интенцией – борьбой за власть. Выявлен многоаспектный характер языковой личности политика. Проанализированы оценочные конструкции, в которых вербализованы субъект, объект или предикат оценки. Определены основные речевые роли, в которых выступает говорящий в политическом дискурсе, реализуя свои стратегии и тактики.

Ключевые слова: языковая личность, политический дискурс, оценочность, речевая роль

Abstract. The phenomenon of politician's language personality is analyzed in the present paper from a perspective of an anthropocentric approach. The author distinguishes the specificity of a political discourse, its axiological nature determined by its main intention, the fight for power. The politician's language personality appears to be of a multifaceted nature. The author analyzes axiological structures in which the subject, object or predicate of evaluation is verbalized. The main speech roles in which the politician realizes his strategies and tactics are defined.

Key words: language personality, political discourse, evaluation, speech role.

Языковую личность политика, как представляется, можно исследовать лишь в рамках антропоцентрической [20, с. 6] лингвистической парадигмы, в центре внимания которой находится не объект, а субъект исследования.

Такое возможность дает теория дискурса. **Дискурс** – это речь, «погруженная в жизнь» [2]. Дискурс задает ментальную рамку, способ деления событий и текстов на «свои» и «чужие» (парадигмы «мы-инклюзивное» и «мы-эксклюзивное») [23, с. 121].

Разновидностью дискурса является **политический дискурс**. Политический дискурс не только влияет на общественное сознание, но и во многом формирует его. Специфика политики определяется ее речевым характером: многие политические действия по своей природе являются речевыми. Главной интенцией, базой политического дискурса является борьба за власть.

Совокупность «политических дискурсий (социально дифференцированных речевых практик) социума: дискурсии власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее» [23, с. 12] составляет политический дискурс.

Политический дискурс – посредник между людьми, облеченными властью, и их главным адресатом – избирателями.

Языковая личность политика есть отражение его «картины мира», его аксиологических установок. Ю.Н. Караулов выделяет в структуре языковой личности три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [13, с. 89]. В языковой личности политика третий, прагматический, уровень является преобладающим. Прагматика (греч. pragmatos – дело, действие) – «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучает-

* © Дементьева М.К.

ся функционирование языковых знаков в речи. Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [3].

Свои стратегии и тактики политик реализует в различных речевых ролях. Имидж политика складывается в сознании аудитории на основании его публичных выступлений, работы политтехнологов, текстов СМИ [12, с. 28], однако его индивидуальная языковая картина мира влияет на узнаваемость языка оценок: *Мы должны сделать все для того, чтобы убедить в эффективности этого плана подавляющее большинство граждан страны и сделать их реальными соучастниками общего созидательного процесса* [25] (В. Путин)*; Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек* [21] (Д. Медведев).

В воздействии на аудиторию политик использует оценочные средства. Специфика категории оценки в политическом дискурсе мало исследована.

Оценка есть приписывание определенной ценности в речи, в дискурсе, на всех его уровнях [4; 8; 18]: «В процессе реализации элемента ценности речевыми средствами становится очевидным аксиологическое "триединство" — оценочная парадигма сознания (символ отношения) – *хорошо – нормально – плохо;* коммуникативная парадигма – *одобрение – безразличие – неодобрение;* эмоциональная парадигма – *удовольствие – удовлетворение – неудовольствие*» [19].

Оценочность – универсальная, структурообразующая черта политического дискурса. Из трех базовых составляющих системы ценностей – конкретно-исторической, личной и общечеловеческой – политический дискурс чаще оперирует конкретно-исторической. Вне оценки невозможна экспансия политических взглядов.

В семантическую структуру оценки входят ее субъект, объект, аспект, основание и предикат.

В политическом дискурсе субъект оценки соотносится с актантом мира политики или личностью журналиста, автора текста, субъект оценки часто не эксплицирован. В рамках данной работы мы рассматриваем только языковую личность политика, которую, как представляется, следует отграничить от языковой личности других актантов политического дискурса в силу различий в их прагматических намерениях.

В политическом тексте может выявляться сразу несколько субъектов оценки: *И он* [премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. – М. Д.] *буквально говорит, что* (ошибка в структуре косвенной речи) *мы постелем ковровую дорожку для иностранных предпринимателей, которые придут к нам развивать наши высокотехнологичные отрасли* [7].

Е.М. Вольф разграничивает понятия субъекта оценки и субъекта «пользы» [8, с. 77], что актуально в политическом дискурсе: *Жители поселка, конечно, с благодарностью вспоминают Ваш приезд, Владимир Владимирович, осенью этого года, когда поселок еще только строился, и решения, благодаря которым люди могли поселиться в поселке еще до наступления холодов и первого снега* [26] (о жителях домов, сгоревших летом 2010 г.).

Объект оценки — события политической жизни. Оценочный предикат составляют средства выражения ценностного отношения. *Основание оценки – идеологические взгляды субъекта, его интенции.* Как доказала М.С. Голококова, сущность оценки в политическом дискурсе составляет интерпретация [12, с. 9]. Аспект оценки, т. е. набор свойств, которых касается оценка в политическом дискурсе, специфичен для каждой конкретно-исторической ситуации: ср. изменение аспектов оценки слова *капитализм*: *акулы* ***капитализма*** («очень плохо») в советскую эпоху; *живой, а не бюрократический* ***капитализм*** [14] («довольно хорошо») в постперестроечное время; *криминально-государственный* ***капитализм*** [29] (снова «очень плохо») в современном политическом дискурсе.

В той или иной конкретно-исторической ситуации каждый политик по-своему выявляет аспект и основание оценки, определяет норму. Политик обращается к стереотипам, существующим в сознании адресата, однако представление о стереотипе имплицитно [8, с. 61], что открывает пространство для манипуляции, смещения оснований и аспектов оценки.

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский отмечали, что Россию характеризуют отсутствие нейтральной аксиологической сферы и дуальная система развития культуры: на протяжении истории сменяют друг друга этапы, каждый из которых являет собой отказ от предыдущего [16, с. 221].

В современном российском политическом дискурсе актуализируются единицы советского политического дискурса: ср. *правящая партия* [21]*; Количество чиновников в России по сравнению с СССР выросло в 6 раз* [16, с. 11]*; 2 года Медведева: страна вечной оттепели* [5].

При этом в современном российском политическом дискурсе возникли явления, которые были принципиально невозможными в советском политическом дискурсе. Связано это с увеличением роли спонтанной речи, тенденцией к смешению стилей, процессом аксиологизации языка и речи, который проявляется в отражении и преображении (интенсификации существующего и развития нового оценочного содержания) единиц всех уровней языка [17].

Рассмотрим категорию функционально-семантического поля (ФСП) оценки как взаимодействия разноуровневых единиц в высказывании [17] применительно к политическому дискурсу. ФСП оценки предполагает наличие различных моделей высказывания, в которых языковая личность политика проявляется по-разному. Каждая речевая роль предполагает актуализацию определенных оценочных средств.

Рассмотрим конструкции, в которых вербализован **субъект оценки**. Политики, как правило, избегают прямой оценочной лексики и личного местоимения «я». Лично-глагольная модель высказывания часто выражает коммуникативную интенцию одобрения, похвалы, отражая также эмоцию удовольствия, говорящий выступает в речевой роли ценителя: *Я полностью согласен с тем, что сказали сейчас два депутата – Зюганов и уважаемая Тамара Плетнева* [28]. Одобрительная интенция часто служит цели призыва к чему-либо: *Подчеркну: я не призываю довериться Медведеву и поддержать его – я призываю, воспользовавшись его риторикой, его намерением и призывом, расширить политическое пространство для нас самих. Пространство для действий оппозиции* [15], – говорящий выступает в речевой роли агитатора.

В лично-глагольной модели высказывания интенция неодобрения и эмоция неудовольствия выражаются ядерными средствами ФСП оценки. В отрицательной оценочной зоне работает только оценка «плохо»: *Ругал* (*ругать* – здесь: «отзываться о ком-, чем-л. неодобрительно; резко критиковать» [24, с. 1132])*, и ругаю, и буду ругать. У меня же не наградной отдел* [6] (В. Путин о работе банков в кризис). В. Путин выступает здесь в речевой роли судьи, критика.

Для выражения эмоций негодования, возмущения лично-глагольная модель высказывания также используется, в этом случае оценка преобразуется в значение субъективно-модального типа [12, с. 148]: *И чтобы было более понятно, чтобы меня не обвинили, что русский язык я плохо знаю, я буду выступать перед вами как представитель одной иностранной спецслужбы* [28]*; Ваше Правительство Гайдара уничтожило 500 миллиардов долларов. Вклады ваши народ копил, и наш человек Гайдар уничтожил ваши вклады* [28] (В. Жириновский на заседании Государственной Думы). В. Жириновский не использует прямую оценочную лексику, с иронической интенцией он обращается к стереотипам (агент американской, китайской и т. п. разведки). При этом из ответной реплики Председательствующего В. Жириновскому мы выясняем, что речь последнего не связана с темой заседания Госдумы: *Все,*

Владимир Вольфович, завершайте. Бюджет тут ни при чем. Пожалуйста, завершайте [28], – то есть для высказываемых оценок в выступлении В. Жириновского нет достаточного основания, он выступает в речевой роли провокатора.

Еще одним оценочным приемом является включение политического противника в парадигму «мы-эксклюзивное», говорящий в этом случае выступает в роли критика: *Может быть, нам подскажут, что город в этом плане не сделал для других областей? Что не сделал он внутри? Об этом мы молчим. Только, значит, разговоры ведем о том, кто когда куда вернулся. Это не та тема, не по делу эта тема* [9] (Ю. Лужков о критике его деятельности во время пожаров лета 2010 г.).

Рассмотрим конструкции, в которых вербализован **объект оценки**.

Оценочно-признаковая модель высказывания также задействует в основном ядро ФСП поля оценки: в положительной: *Это очень хороший, устойчивый был показатель* [26] – и отрицательной зонах: *Политический имидж у нас не идеальный* (*идеальный* — здесь: «превосходный, совершенный, образцовый» [24, с. 374], *не идеальный* – близкий к норме), *теракты происходят* [31]. В последнем примере положительная оценка, которую несет первая часть предложения, преображается в отрицательную в контексте второй части, говорящий выступает в роли критика.

Политики часто используют оценочно-признаковую конструкцию с иронической интенцией: *Грандиозный человек. Ельцин расстрелял из танков парламент. Т.е. человек слабый, человек ничтожный не мог сделать так, это мог сделать только некий могучий человек* [1]. Открытую оценочность в данном высказывании выражает прагмема — «лексема с закрепленной за ней устойчивой прагматической установкой» [32, с. 22]. Прагмема *грандиозный* («огромный, величественный, необычный по своему масштабу, размаху» [24, с. 225]) в первом предложении фиксирует оценку «хорошо». Однако последующие два предложения преображают положительную оценку прагмемы *грандиозный*. Основанием оценки становится интерпретация факта: *Ельцин расстрелял* (*расстрелять* – здесь: «подвергнуть сильному обстрелу, уничтожить, стреляя с близкого расстояния» [24, с. 1099]) *из танков парламент*. Происходит преображение аспектов оценки: на первый план в семантической структуре лексемы *грандиозный* выходит сема *масштаб силы*. Доказательством тому служит последнее предложение, в котором выявлена оппозиция *сильный – слабый*. На одном полюсе – прагмема *слабый* (*слабый* – здесь: «обладающий малой физической силой; не обладающий душевной твердостью, стойкостью, твердым характером» [24, с. 1206]), стоящая в одном синонимическом ряду с прагмемой *ничтожный* (*ничтожный* — здесь: «мелкий, жалкий, лишенный внутренней значительности» [24, с. 653]). На другом – прагмема *могучий* (*могучий* – «обладающий большой физической силой, очень сильный» [24, с. 550]). Положительная оценка, данная объекту в первом предложении, преображается в отрицательную в свете последующих двух предложений, говорящий совмещает роли порицателя / обличителя и эксперта: он не дает собственных оценок, но высказывание приобретает негативную окраску.

Оценочно-квалификационная модель высказывания в политическом дискурсе также часто служит выражению неодобрительной иронической интенции: *Противное настоящее всего лишь зазеркалье, а энергичное и современное будущее – и есть наше настоящее отражение...* [30]. Ироническая окраска возникает за счет несовпадения субъекта высказывания и субъекта мнения. Здесь также оценка преобразуется в значение субъективно-модального типа. Отражение в зеркале оценивается в рамках оппозиции *реальное – ирреальное*. Для субъекта мнения *противное* (здесь: *противный* – «очень неприятный, отвратительный» [24, с. 1032]) *настоящее* есть *всего лишь* (деинтенсификатор) *зазеркалье* (аллюзия на повесть Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»), тогда как *энергичное* (*энергичный* — «полный энергии, активный, деятельный; сильный по проявлению, воз-

действию; интенсивный, решительный» [24, с. 1523]) *и современное* (здесь: *современный* – «стоящий на уровне своего века, отвечающий требованиям своего времени» [24, с. 1228]) *будущее – и есть наше настоящее* (здесь: *настоящий* – «такой, который имеет место, протекает сейчас, в данное время; подлинный, истинный, натуральный; соответствующий определенным требованиям, представляющий собой лучший образец кого-, чего-л.» [24, с. 602]) *отражение.* Отстраненная позиция позволяет говорящему выступать в роли эксперта. Высказывание является перифразом русской пословицы *Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.*

Оценочно-предметную модель высказывания политики могут задействовать, когда какой-либо тезис нужно представить как факт: *безудержная критика демократических институтов — это естественный признак демократии. Это не я сказал, а один известный европейский политолог* [31] (В. Сурков). В. Сурков использует прием апелляции к авторитетам, шаблонную конструкцию (*один известный европейский…*). Политик обращается к общему мнению, выступая в роли независимого эксперта.

Инфинитивно-оценочная модель высказывания может служить политикам для выражения метаоценок, определения сути политики вообще и своей деятельности – в частности: *На то и разум власти, чтобы спрогнозировать* (речевая недостаточность) *и не дать развернуться этим неблагоприятным или недопустимым обстоятельствам* [9] (Ю. Лужков). В высказывании Ю. Лужкова лексема *спрогнозировать* (*прогнозировать* – «составлять прогноз чего-л.» [24, с. 1003]) приобретает положительную оценочную коннотацию в оппозиции к прагмемам отрицательной оценочной зоны: *неблагоприятный* – «плохой, неподходящий для чего-л.; отрицательный, неодобрительный» [24, с. 613], *недопустимый* – «такой, который нельзя допустить, разрешить; непозволительный» [24, с. 620], говорящий выступает в роли эксперта.

Рассмотрим конструкции, в которых вербализован **оценочный предикат**. Политики избегают прямой оценочной лексики в оценочно-предикатной модели высказывания, за редким исключением: *Хорошо, что Вы его* [день рожденья. – М.Д.] *проводите на боевом посту* [27] (Д. Медведев – Э. Набиуллиной). Интенция неодобрения, эмоция неудовольствия на оценочно-предикатной модели высказывания реализуются в косвенной речи: *В частности, президента возмутило* (*возмутить* — «привести в негодование, вызвать недовольство» [24, с. 144]) *то, что, перемещаясь по нашей стране, иностранный специалист должен немедленно вставать на учет по месту прибытия* [7]. Говорящий в этом случае выступает в роли эксперта: он не выражает оценки, только фиксирует оценку другого субъекта.

Исследование не выявило оценочно-предметных конструкций в политическом дискурсе.

Таким образом, языковая личность политика представляет собой многоаспектное явление. Специфика речевого поведения языковой личности в различных моделях высказывания в рамках ФСП оценки требует дополнительного исследования, но на нынешнем этапе можно сделать промежуточные выводы.

В конструкциях, в которых вербализован субъект оценки, говорящий часто выступает в речевой роли ценителя, агитатора, критика, провокатора.

Каждая из конструкций, в которых вербализован объект оценки, обладает своей спецификой, однако во всех четырех моделях политики задействуют средства скрытой оценочности, выступая в речевой роли эксперта.

В моделях высказываний, в которых вербализован оценочный предикат, говорящий снова выступает в речевой роли эксперта: политик стремится не высказывать напрямую собственных оценок, представляя их как объективные.

Считаем перспективным анализ смены речевых ролей, в которых выступает политик, в том числе в рамках одного текста; сопоставление языковой личности политика офици-

ального и оппозиционного политического дискурсов, а также политика и других актантов политического дискурса – журналиста, политолога и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Проханов А.: Я одобряю путинские репрессии… [Электронный ресурс] // Эхо Москвы [сайт]. [23.04.2008]. URL: http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/509507-echo/ (дата обращения 16.02.2011).
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
3. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 389-390.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
5. Белковский С. 2 года Медведева: страна вечной оттепели [Электронный ресурс] // Slon.ru. [сайт]. [18.05.2010]. URL: http://slon.ru/articles/386366/ (дата обращения 16.02.2011).
6. Владимир Путин: «Хорошо, что меня боятся» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда [сайт]. [30.08.2010]. URL: http://www.kp.ru/daily/24548.5/726146/ (дата обращения 16.02.2011).
7. Владислав Сурков: Гении всегда в меньшинстве [Электронный ресурс] // Известия [сайт]. [2010]. URL: http://www.izvestia.ru/politic/article3149592/ (дата обращения 16.02.2011).
8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 280 с.
9. Выступление Лужкова на заседании политсовета ЕР [Электронный ресурс] // Newsland [сайт]. [15.09.2010]. URL: http://www.newsland.ru/News/Detail/id/558677/cat/94/ (дата обращения 16.02.2011).
10. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – С. 4-73.
11. Гладунов О. Российские бюрократы объявили себе войну [Электронный ресурс] // Свободная Пресса [сайт]. [23.01.2011]. URL: http://svpressa.ru/economy/article/27995/ (дата обращения 16.02.2011).
12. Голококова М.С. Оценка в газетном тексте, посвященном предвыборной кампании (на примере материалов прессы Республики Саха (Якутия): Дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 173 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
14. Костиков В. Будет ли в России «путинский прорыв»? // АиФ. – 2005. – № 49. – С. 4.
15. Литвинович, М. Большинство перемен [Электронный ресурс] // Газета.ru [сайт]. [20.10.2009]. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/10/20_a_3274924.shtml (дата обращения 16.02.2011).
16. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 219-253.
17. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67-80.
18. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: дис. … докт. фил. наук. – М., 1996. – 550 с.
19. Маркелова Т.В. Трансформация оценочной семантики слова «элита» в русской языковой картине мира конца XX — начала XXI столетия // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (М., МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20—23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 261-262.
20. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
21. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс] / // Президент России [сайт]. [05.11.2008]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения 16.02.2011).
22. Медведев Д. Послание Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. [12.11.2009]. URL: http://kremlin.ru/transcripts/5979 (дата обращения 16.02.2011).
23. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: В 2 ч. – Ч. 1. – Минск: БГУ, 1998. – 255 с.
24. Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
25. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. [26.04.2007]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml (дата обращения 16.02.2011).
26. Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение [Электронный ресурс] // Вести [сайт]. [16.12.2010]. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=414412&cid=7 (дата обращения 16.02.2011).

27. Совещание по вопросам исполнения поручений Президента [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. [29.10.2010]. URL: http://kremlin.ru/transcripts/9368 (дата обращения 16.02.2011).
28. Стенограмма речи иностранного шпиона Жириновского [Электронный ресурс] // Газета.ru [сайт]. [19.09.2007]. URL: http://www.gazeta.ru/2003/09/19/stenogrammar.shtml (дата обращения 16.02.2011).
29. Хакамада И. Лихие нулевые и стабильные девяностые [Электронный ресурс] // Эхо Москвы [сайт]. [21.11.2010]. URL: http://echo.msk.ru/blog/hakamada/728104-echo/ (дата обращения 16.02.2011).
30. Хакамада И. Страна чудес: зазеркалье настоящего [Электронный ресурс] // Эхо Москвы [сайт]. [06.12.2010]. URL: http://echo.msk.ru/blog/hakamada/731952-echo/ (дата обращения 16.02.2011).
31. «Чудо возможно», – Владислав Сурков, первый замруководителя администрации президента, зампредседателя комиссии по модернизации [Электронный ресурс] // Ведомости [сайт]. [15.02.2010]. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/15/225543#ixzz1BNMiJSGc (дата обращения 16.02.2011).
32. Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. 1991. – № 6. – С. 19-33.

УДК 811.161.1'367

Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел
Воронежский государственный университет

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОДНОСОСТАВНЫХ ДЕБИТИВНЫХ (ИНФИНИТИВНЫХ) ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС А.Н. ОСТРОВСКОГО)*

Al-Sultani Methaq Muhammed Ismael
Voronezh State University

THE GRAMMATICAL SEMANTICS OF THE MONONUCLEAR DEBITIVE (INFINITIVE) SENTENCES (BASED ON THE MATERIAL OF THE PLAYS WRITTEN BY A. OSTROVSKIY)

Аннотация. В настоящей статье на материале пьес А.Н. Островского характеризуется грамматическая семантика дебитивных предложений, представляющих собой особый класс односоставных предложений глагольного строя с главным членом – независимым инфинитивом.

Основная семантика предложений данного типа заключается в выражении значения необходимости, которое в конкретных речевых актах осложняется вариантными модальными значениями. Специфика односоставных дебитивных предложений заключается в том, что значение долженствования, необходимости не имеет эксплицитных средств выражения, а передается на основе имплицитной номинации. Односоставные дебитивные предложения в пьесах А.Н. Островского представляют собой разнообразные инварианты реализации модального значения необходимости, объединяемые в три основных типа: ситуативно-предопределенная необходимость; предписываемая необходимость; целесообразная необходимость.

Ключевые слова: односоставное предложение, дебитивное (инфинитивное) предложение, главный член, грамматическая семантика, модальность, значение необходимости, значение долженствования.

* © Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел

Abstract. The grammatical semantics of the debitive sentences, which represent a special class of the mononuclear sentences of the verbal formation with the main part, the independent infinitive, is being characterized in the present article basing on the material of plays written by A. Ostrovskiy.

The main semantics of the sentences of the given type consists in the expressing of the meaning of necessity which is complicated by the variant modal meanings in the concrete speech acts. The peculiarity of the mononuclear debitive sentences consists in fact that the meaning of obligation or necessity does not have the explicit means of the expression but is expressed on the basis of the implicit nomination. The mononuclear debitive sentences in the plays written by A. Ostrovskiy represent the various invariants of the realization of the modal meaning of necessity united in the three main types: the situational-providential necessity; the set necessity and the expedient necessity.

Key words: the mononuclear sentence, the debitive (infinitive) sentence, the main part, the grammatical semantics, the modality, the meaning of modality, necessity.

Среди односоставных предложений особое место занимают дебитивные предложения (от лат. debitum – обязанность, долженствование), которые в традиционной терминологии имеют название инфинитивных предложений. При этом под инфинитивными понимаются предложения с грамматически независимым инфинитивом в функции главного члена.

В настоящей статье мы используем термин «дебитивные предложения», позволяющий отойти от широкого толкования инфинитивных предложений, и в соответствии с точкой зрения профессора А.М. Ломова понимаем под дебитивными предложениями такой тип содержательно односоставных предложений, которому свойственно отсутствие четких соответствий двух планов – планов содержания и плана выражения, что обусловлено, с одной стороны, необычностью лежащей в его основании семантико-функциональной модели, а с другой – нестандартным характером его формального механизма [11, с. 115].

Будучи специфичными по ряду структурно-семантических показателей, дебитивные предложения обладают рядом важнейших особенностей.

Одна из основных семантических особенностей дебитивного предложения состоит в том, что в его семантическом фокусе находится, как установил еще в 50-х годах XX века К.А. Тимофеев, модальное значение необходимости [13]. Дебитивные предложения существенно отличаются от других односоставных конструкций тем, что у них данное значение является обязательным и особым образом организует их номинативный центр, интерпретируя то или иное «положение дел» как необходимое [ср.: 12, с. 245; 11, с. 116].

Как отмечает Е.В. Борисова, в конкретных речевых актах значение необходимости осложняется вариантными модальными значениями. Последние логически подчинены модальности, определяющей существо дебитивного предложения в целом. Их назначение – информировать об оценках говорящим констатируемой необходимости. В дебитивном предложении говорящий планирует реализовать то или иное «положение дел» или, напротив, решительно протестует против его реализации; безапелляционно приказывает и опасается, что оно станет явью [ср.: 2, с. 756].

А.М. Ломов отмечает, что у значения необходимости нет собственных эксплицитных средств внешнего обнаружения: оно выражается на основе имплицитной номинации. Признаки, относящиеся к морфологическим категориям вида и наклонения, к синтаксической категории утверждения-отрицания, определенным образом взаимодействуя друг с другом, указывают на то, что некоторое положение дел должно или не должно иметь место, и одновременно несут информацию об оценках говорящим констатируемой необходимости [ср.: 11, с. 116-117].

Следует отметить, что модальное значение необходимости в конкретных высказываниях реализуется разнообразными инвариантами, которые демонстрируют широкую палитру возможностей.

Как известно, разными учеными в разное время предпринимались попытки упорядочить модальные инвариантные значения, выражаемые субстанциальным компонентом дебитивных предложений. Одна из таких попыток была предпринята К.А. Тимофеевым, который, выстраивая иерархию модальных значений необходимости, разграничивал в модальном содержании указанных структур основные и частные модальные значения [13, с. 278-294]. Предпринятая К.А. Тимофеевым попытка многими исследователями оценивается как весьма продуктивная в связи с тем, что она способствует более глубокому осмыслению модальности односоставных дебитивных предложений.

По мнению А.М. Ломова, соотношение основного значения и его инварианта происходит в определенных контекстах. При этом содержательный контакт инварианта и вариантов строится на основе аддитивного принципа, предполагающего содержательное суммирование первого со вторыми. В этом случае новое модальное значение добавляется к данному, не трансформируя его. Е.В. Борисова отмечает, что «модальные значения второго порядка фактически расшифровывают, раскрывают, почему необходимость имеет место в каждом конкретном случае. Вторичные модальные значения в зависимости от того, чем обусловлена необходимость, подразделяются на три типа: 1) ситуативно-предопределенная необходимость; 2) предписываемая необходимость; 3) целесообразная необходимость» [3, с. 64].

Представленная иерархия модальных значений, выражаемых в первую очередь субстанциальным компонентом главного члена дебитивных предложений, выглядит достаточно убедительно и поэтому может быть положена в основу описания дебитивных предложений, функционирующих в пьесах А.Н. Островского.

Как показал проведенный нами анализ, дебитивные предложения в пьесах А.Н. Островского достаточно частотны. Данные предложения в соответствии с определенным типом реализуемого модального значения необходимости могут быть распределены по нескольким группам, внутри которых представлены предложения с инвариантными значениями необходимости.

Ситуативно-предопределенная необходимость интерпретируется как вытекающая из сложившегося к моменту говорения "положения дел", то есть предопределенная какой-то ситуацией. Этот вид необходимости весьма неоднороден. Дебитивными предложениями в пьесах А.Н. Островского реализуется следующий набор инвариантов модального значения ситуативно-предопределенной необходимости: 1) значение запланированности; 2) значение объективной обусловленности; 3) значение неизбежности; 4) значение вынужденности; 5) значение немотивированности; 6) значение невозможности; 7) значение возможности и др.

Значение запланированности связано с передачей в предложении наличия или отсутствия того или иного «положения дел» как заранее предусмотренного факта. Например: Анна Петровна (садится на стул подле двери). *Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты все записала, что купить-то надо?* Марья Андреевна. *Все, маменька*. Анна Петровна. *Где, бишь, записочка-то? Постой! да, в ридикюле. Так сначала в город, потом в суд зайти, об деле справиться. Еще чего не надо ли?* (Бедная невеста). Важным компонентом дебитивных предложений со значением запланированности являются имена существительные (местоимения), обозначающие активного одушевленного производителя действия. Ср. в связи с этим: «Лишь активный одушевленный производитель действия может воспринимать и осознавать наличие некоторого долга и в соответствии со своими желаниями реализовывать или не реализовывать его на практике» [5, с. 211]. Например: *Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть. Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут, и дадут средства жить хорошо* (На всякого

мудреца довольно простоты); *У меня теперь только одна и надежда выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой* (Воспитанница) и др.

Значение объективной обусловленности выражается в тех дебитивных предложениях, в которых наличие или отсутствие данного «положения дел» предстает как закономерно вытекающее из сложившихся обстоятельств. Например: *А деньги... на что они? Не с деньгами жить, а с добрыми людьми* (Не в свои сани не садись); *Полно грешить-то! Тебе жить да жить!* (Грех да беда на кого не живет) и др. Следует, однако, заметить, что в пьесах А.Н. Островского подобные предложения малочастотны.

Значение неизбежности связано с отражением в дебитивных предложениях ситуации, «положения дел», сложившихся независимо от воли и желания человека. В предложениях, передающих значение неизбежности как инварианта ситуативно-необходимой предопределенности, используются инфинитивы глаголов исключительно в форме несовершенного вида, которые заключают в себе значение бытия, существования в каком-либо качестве (в случаях описания отсутствия ситуации это могут быть инфинитивы глаголов чувственного восприятия). Например: *Она уж давно всем говорит: «Быть мне барыней!»* (На бойком месте); *Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей!* (Бешеные деньги) и др.

Значение вынужденности реализуется в тех случаях, когда говорящий стремится подчеркнуть, что сложившаяся предопределенность не устраивает его и он расценивает свои действия в ответ на эту предопределенность как вынужденные. Например: *А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе* (Гроза); *Да уж мне только и осталось: либо взвыть голосом от вас, либо песни петь* (Пучина) и др.

Значение немотивированности передается в односоставных дебитивных предложениях, в которых основной смысл высказывания сосредоточен на факте необходимости отсутствия данного «положения дел» как не соответствующего существующим нормам поведения, взглядам, обычаям и т. д. В дебитивных предложениях, реализующих значение немотивированности, указывается на то, что в данных обстоятельствах реализация ситуации не нужна субъекту. Значение немотивированности в указанных предложениях сочетается с негативным отношением говорящего – неприятием, возражением, несогласием. Например: *Ну, что ж, известно, не гнать же мне тебя* (Не в свои сани не садись); *Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет* (Свои люди – сочтемся) и др.

Значение невозможности реализуется в тех предложениях, в которых констатируется, что в силу каких-то условий предопределенным оказывается невозможность реализации тех или иных действий, планируемых человеком. Как отмечает Е.В. Борисова, при выражении этого вида ситуативной предопределенности действуют строгие ограничения: 1) эти структуры существуют только при наличии отрицания; 2) позицию аналога сказуемого занимают только перфективные инфинитивы; 3) как правило, подобные предложения связаны с выражением реального плана [4, с. 91]. Ср.: *Не понять мне разговору вашего, слова-то больно мудреные* (Последняя жертва) и др.

Примеры также показывают, что отрицание возможности может быть передано с помощью утвердительных предложений. В составе подобных дебитивных предложений используются инфинитивы как совершенного, так и несовершенного вида, а также восклицательные частицы *где, куда, как* и др., генетически восходящие к местоименным наречиям. Такие конструкции весьма многочисленны в пьесах А.Н. Островского, так как речь персонажей насыщена восклицательными предложениями, отражающими живую разговорную речь, в составе которой использование подобных предложений весьма распространено. Например: *А еще сваха! Где тебе сосватать!* (Свои люди – сочтемся); *Какой это жених, какой жених... ах, ах, ах!..*

Где тут любви ждать! (Бедность не порок) и др.

Значение возможности в односоставных дебитивных предложениях является достаточно редким фактом, на что обращали внимание разные исследователи [ср.: 5; 9]. В пьесах А.Н. Островского структуры со значением возможности представлены единичными примерами: *Мне, братец, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на место жительства, как бродяга* (Лес); *Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать (Свои люди – сочтемся).*

Как показал материал нашего исследования, в отдельную группу среди односоставных дебитивных предложений пьес А.Н. Островского выделяются конструкции со значением обязательности. Например: *Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать!* (Свои люди – сочтемся); *Отчего ж не нарядиться, коли есть во что?* (Семейная картина) и др.

Второй тип необходимости – предписываемая необходимость (долженствование) оказывается противопоставленным ситуативно-предопределенной необходимости. Он предполагает, что необходимость устанавливается по произволу говорящего лица, то есть всегда определяется субъективным моментом. Автора высказывания предписывает или запрещает собеседнику осуществить отраженное в вещественном компоненте «положение дел». Предложения со значением предписываемой необходимости являются побудительными предложениями, реализующими значение приказа, распоряжения, категорического постановления. В дебитивных предложениях категоричность требования говорящего «достигает высшего выражения по сравнению с личным императивом» [8, с. 44]

Как показывают примеры, в дебитивных предложениях со значением приказа в большинстве случаев используются инфинитивы совершенного вида. Например: *Воротить его!* (Лес); *Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему* (На всякого мудреца довольно простоты) и др.

В некоторых конструкциях со значением предписываемой необходимости (долженствования) используются инфинитивы несовершенного вида. Среди рассмотренных нами примеров подобные структуры встречаются в нескольких случаях: 1) когда в предложении внимание сосредоточено на факте, ситуации, которые должны быть реализованы немедленно. Например: *Бежать во все лопатки! Прощай!* (Лес); *Пороть их, каналий!* (Пучина) и др.; 2) когда в предложении выражается значение запрета (негативная модификация предписываемой необходимости). Например: *Да когда он придет, так доложи мне, а Раису Павловну не беспокоить! (Лес); Вот тебе деньги, не тратьте их, это мои трудовые; живите трудом, работайте, а денег не трогать ни под каким видом, – это я сберегла ей на приданое* (Трудовой хлеб) и др.

Среди общих особенностей дебитивных предложений с модальным значением предписываемой необходимости исследователи отмечают: они должны обозначать контролируемое действие, то есть такое действие, которое любое лицо, опираясь на свой или чужой опыт, способно выполнить или не выполнить в данной конкретной ситуации [14, с. 18].

К третьему виду необходимости, реализуемой в односоставных дебитивных предложениях, относится целесообразная необходимость. Целесообразная необходимость понимается как значение, при котором необходимо наличие или отсутствие данного положения дел как соответствующего или, наоборот, не соответствующего чьим-либо планам, намерениям, интересам, представлениям и т. д. Целесообразная необходимость может быть обусловлена либо объективным ходом событий, либо какими-то планами, намерениями, желаниями участников речевого акта.

Как отмечают исследователи значение целесообразной необходимости может быть реализовано в повествовательных и вопросительных предложениях. В пьесах А.Н. Островского особенно частотны вопроси-

тельные предложения. Это предложения двух типов: 1) предложения, в которых говорящий спрашивает мнение собеседника о целесообразности реализации в данных обстоятельствам того или иного положения дел (или обращается с данным вопросом к себе) (например: *А теперь и поговорить не с кем. Разве к сестре сбегать?* (Доходное место); *Кирюша, Кирюша, кто-то стучит. Отпирать ли?* (Пучина) и др.); 2) предложения, в которых выясняются отдельные детали ситуации, которая признана целесообразной (например: *Что ж мне с тобой делать? Что ж мне с тобой делать, с моей милой Полиной?* (Доходное место); *На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?* (Свои люди – сочтемся) и др.

Как показывает анализируемый материал, целесообразность необходимого действия вызвана обыкновенно не внешними факторами, а планами, желаниями участников акта речи.

Значение целесообразной необходимости реализуется несколькими модальными инвариантами: а) желательности; б) совета; в) опасения.

Значение желательности выражается синтаксическими структурами в виде воображаемого факта, который может стать реальностью при выполнении определенных условий. В пьесах А.Н. Островского нами отмечены следующие предложения, выражающие значение желательности: *За доктором бы послать. С ними давеча в присутствии дурно сделалось* (Доходное место); *Одним бы глазком взглянуть* (На всякого мудреца довольно простоты) и др. В том случае, если в предложении используются частицы *только, лишь*, желаемый факт выдвигается на первое место, а все остальное представляется менее существенным, второстепенным. Ср.: *Как бы его вызвать! Мне бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людях неловко будет. (Тихо.)* (Лес) и др.

Значение совета как инвариант значения целесообразности реализуется в предложениях, в которых говорящий адресует свое мнение о целесообразности осуществления того или иного положения дел другому лицу. Например: *Вижу, что нужда! Эко дело-то! Вам бы женщину нанять* (Пучина) и др.

Еще одним инвариантом значения целесообразности является значение опасения. В подобных односоставных дебитивных предложениях возможное, но не желательное с точки зрения говорящего действие оценивается с позиции отрицательных последствий его осуществления. Например: *Благодетельница, не расстроить бы вас, боюсь я* (Тяжелые дни); *Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты все записала, что купить-то надо?* (Бедная невеста) и др. Однако подобных предложений чрезвычайно мало в пьесах А.Н. Островского.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет выявить богатую палитру модальных модификаций односоставных дебитивных предложений, используемых в текстах пьес А.Н. Островского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004. – 512 с.
2. Борисова Е.В. Дебитивные предложения как один из типов предложений русского языка // III Международный конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”. Сборник тезисов. – М., 2007. – С. 755-756.
3. Борисова Е.В. Об особенностях реализации модальных значений в односоставных дебитивных предложениях // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 1. – С. 63-67.
4. Борисова Е.В. Односоставные дебитивные предложения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 151 с.
5. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. – Киев: Наукова думка, 1990. – 318 с.
6. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
7. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 718 с.
8. Золотова Г.А. О грамматической природе современного русского инфинитива // Филологические науки. – 1979. – № 5. – С. 44.

9. Зуева И.В. Инфинитивные предложения в русском языке и их структурно-семантические соответствия в сербскохорватском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1992. – 22 с.
10. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 215 с.
11. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 416 с.
12. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 279 с.
13. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 257-301.
14. Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. – СПб.: Наука, 1992. – 301 с.

УДК 81’37

Попова Л.В.
Московский государственный областной университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕДСКАЗАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)*

L. Popova
Moscow State Regional University

MEANS OF EXPRESSION THE SEMANTICS OF THE PREDICTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF PROVERBS)

Аннотация. В статье представлен анализ синтаксических конструкций со значением предсказания на материале русских пословиц. Приводится классификация основных типов предсказаний: собственно предсказание, предсказание-совет, предсказание-предостережение, предсказание-поучение. Описаны основные синтаксические средства выражения предсказания: сложное бессоюзное, сложноподчиненное и простое предложения. Предсказание сравнивается с другими видами речевых актов в сфере запретов. Выявлена роль интонации и коммуникативных интенций говорящего в предсказании.

Ключевые слова: семантика предсказания, конструкции со значением предсказания, типы предсказаний, собственно предсказание, предсказание-совет, предсказание-поучение, предсказание-предостережение.

Abstract. The article describes the syntactic constructions with the value of prediction based on the Russian proverbs. The classification of the basic types of predictions is presented: prediction as it is, prediction-advice, prediction-caution, prediction-instruction. The basic syntactic means of expressing predictions are described: composite conjunctionless sentence, complex sentence, simple sentence. The prediction is compared with other kinds of speech acts in the sphere of prohibition. The article reveals the role of intonation and communicative intentions of speaker in the prediction.

Key words: prediction semantics, constructions with the value of prediction, the types of prediction, prediction as it is, prediction-advice, prediction-caution, prediction-instruction.

Семантика предсказания как особого вида речевого воздействия в современной лингвистике почти не описана. Отдельные вопросы упоминаются в работах Н.Д. Арутюновой, Т.А

* © Попова Л.В.

Колосовой, Л.А. Сергиевской, Г.Д. Фигуровской и др. [см.: 1, 2, 4, 8, 11], посвященных анализу сложного предложения. Поэтому появляется необходимость более детального изучения данного явления. Материалом для исследования являются пословицы, в которых отражается предсказательная семантика и обобщается накопленный веками опыт народа. В лингвистическом аспекте предсказание определяется как особый вид семантических отношений в синтаксисе, которые имеют собственные средства выражения. **Цель** данной статьи – описать средства выражения семантики предсказания.

В русском языке семантика предсказания проявляется в особых конструкциях и обычно совмещается с добавочными модальными значениями. Преимущественно это значения ненужности и неизбежности. Наш материал показывает, что существует несколько разновидностей синтаксических конструкций, которые выражают значение предсказания: бессоюзное сложное предложение (БСП), сложноподчиненное предложение (СПП), реже простое предложение: *Если хочешь быть без печали, старайся угодить богу* [12, с. 74]. *Ходить по льду – поскользнуться* [5, с. 227]. *Не посмотрев в окно, не плюй* [5, с. 216].

В состав предсказательных конструкций обычно входят определенные глагольные формы, соотношение которых способствует выражению превентивной (предупредительной, предсказательной) семантики. Основными формами являются: императив ед. числа (*жди, бойся, страшись* и т. д.); индикатив 2-го л. ед. числа, находящийся в первой части сложного предложения (*хочешь, будешь, станешь* и т. д.); инфинитив, который употребляется в двух предикативных частях сложного предложения (*желать, искать, ждать* и т. д.). В большинстве случаев предсказательная конструкция имеет двухчастную структуру: первая часть обозначает проблемную ситуацию, вторая – прогноз, чаще всего неутешительный при несоблюдении условий: *Алчешь чужого – потеряешь свое* [7, с. 94]. *Не суди других, не осудишься от них* [5, с. 352]. Рассмотрим каждый из видов предсказаний отдельно. Мы располагаем данные конструкции в соответствии с их продуктивностью: БСП, СПП, простое предложение (менее продуктивный тип). Среди **бессоюзных сложных предложений** с семантикой предсказания мы различаем две разновидности в соответствии со способом выражения глагольного главного члена: БСП с отрицательным императивом и БСП с инфинитивом.

Особой конструкцией со значением предсказания является бессоюзное сложное предложение с отрицательным императивом в первой части: *Не прикидывайся овцою – волк съест* [5, с. 344]. *Не копай под другого яму: сам свалишься* [7, с. 241]. В этом случае предсказание тяготеет к предостережению или совету. Императив, выражающий временную неопределенность ирреального действия, соотносится с глаголами в форме будущего времени, обозначающими реальное негативное событие как неизбежный результат. В высказывании проявляется футуральная перспектива, свойственная предсказательным конструкциям в целом.

К числу продуктивных типов предсказания относятся бессоюзные сложные предложения с инфинитивом в двух частях: *Говорить правду – потерять дружбу* [5, с. 200]. *Спать долго – жить с долгом* [5, с. 384]. *Пить до дна – не видать добра* [5, с. 219]. Инфинитив в составе этого типа конструкций употреблен не случайно. Инфинитивной предикативной частью предложения передается одна из главных особенностей предсказания – соотнесение потенциального и неизбежного действия. Этот тип можно отнести к предсказанию-предостережению. Предостерегать – «остерегая, предупредить о чем-либо» [9, с. 367]. Футуральная перспектива передается взаимообусловленностью двух частей высказывания.

Продуктивной формой, выражающей семантику предсказания, является **сложноподчиненное предложение**. В основном конструкции с предсказанием здесь опираются на условно-следственные отношения. Значение предсказания выражается семантическим союзом *если* и его функциональными

эквивалентами: *ежели* (устар.), *когда, коли* (разг.), *если…то*. Характерной особенностью предсказательных конструкций, выраженных сложноподчиненным предложением с придаточным условия, является то, что союз может находиться только в препозиции: *Если будешь отвечать укоризной на укоризну, то усугубишь огонь* [12, с. 204]. *Коли хлеб печется с головою – к безголовью* [7, с. 383]. Этот тип следует отнести к собственно предсказаниям, так как ситуация, рассматриваемая как пример, описывает возможное действие, а вторая часть содержит прогноз, результат, который может быть получен.

Особое место в системе предложений с предсказательной семантикой занимает **простое предложение**, в котором содержится предостережение о возможной опасности в будущем. Данные конструкции можно отнести к предсказаниям, так как в них содержится сообщение о фатальности прогноза при несоблюдении установок и репрезентация желания оградить от опасности: *Неправдой нажитое впрок не пойдет* [5, с. 285]. *Не поймав, не щиплют* [5, с. 308]. *Не замоча рук, не умоешься* [5, с. 312]. В последней пословице, например, содержится мораль, которая раскрывается следующим образом: если хочешь, чтобы что-то получилось, не нужно лениться, нужно браться за дело. Только в этом случае можно добиться результата. На наш взгляд, здесь совмещаются значения поучения и совета.

Как показывает проанализированный материал, перечисленные конструкции выражают разные оттенки предсказания. На основании проведенного исследования мы считаем необходимым разграничивать следующие семантические типы предсказаний: собственно предсказание, предсказание-совет, предсказание-предостережение, предсказание-поучение.

Собственно предсказание называет в первой части действие-условие, при совершении которого возможны негативные последствия (вторая часть): *Затеяли худо, не быть добру* [5, с. 280]. *Курица запела петухом – быть беде* [6, с. 469]. Собственно предсказание характеризуется следующими особенностями: концентрацией смыслов, содержащихся во всех типах предсказаний, совмещением нескольких модальных значений. Говорящий на основании житейского опыта, подтвержденного поколениями, отмечает определенный факт действительности, о котором сообщает адресату. На основании проверенных опытом и повторяющихся в определенной ситуации событий предсказывающий делает заключение о негативных последствиях для адресата в будущем. Рассматриваемый тип конструкций с семантикой предсказания употребляется в разговорной диалогической речи.

Предсказание-совет – вид речевого воздействия, в котором предсказывающий желает не только указать на последствия ситуации в будущем, но и подсказать адресату правильный путь, дать ориентир, как следует поступать в данной ситуации, исходя из своего опыта. Такие высказывания касаются бытовых вопросов, связанных с миром человека: *Не давай денег, не теряй дружбы* [5, с. 297]. *Собирай по ягодке – наберешь кузовок* [5, с. 337].

Предсказание-предостережение выражает опасение за жизнь, физическое и психическое здоровье, благополучие человека, предупреждая адресата о возможной угрозе при несоблюдении ориентиров, которые даны адресантом в высказывании: *Много знать – мало спать* [5, с. 264]. *Кверху плевать – свою бороду заплевать* [5, с. 308]. *Чужое взять – свое потерять* [5, с. 336]. В данном типе конструкций используются глаголы физической и психической деятельности, большей частью двухвалентные переходные глаголы, характеризующие восприятие внешнего мира субъектом.

Предсказание-поучение содержит в себе постулаты, нравственные ориентиры, которые помогут избежать негативных последствий. Лексический состав данного типа предсказаний отличается наличием метафор и слов высокого стиля (*мудрость, путь* – в значении «*жизненный путь*» [9, с. 565], *правда* и т. д.). *За богом пойдешь – до блага дойдешь*

[5, с. 304]. *За добрым делом находишься, худое само навяжется* [5, с. 271]. *Закрой чужой грех – бог два простит* [5, с. 299].

Следует отметить, что четкой границы между данными разновидностями предсказаний не существует, так как все эти виды речевого воздействия находятся в тесной взаимосвязи. Так, понятия «совет», «поучение», «наставление», «наказ», «предостережение», «пожелание», «напутствие» отличаются оттенками в значении и интенсивности действия. Совет – «наставление, указание, предложение, как поступить» [9, с. 175]. Поучение – «проповедь, сочинение, содержащее наставление о жизни» [9, с. 338]. Поучение выражает более глубокое осмысление жизненных вопросов. Чтобы понять, почему адресант употребляет то или иное предсказание, необходимо выявить речевую ситуацию, коммуникативные интенции, т. е. конкретные намерения, мотивы говорящего. Предсказание предполагает, что адресант подает адресату сигнал об опасности, которая может произойти, стремится оградить его от негативных последствий.

Большую роль в данном виде речевого воздействия играет интонация. Интонация как совокупность изменений относительной высоты тона, в данном случае в целом высказывании, передает субъективное отношение говорящего к сообщаемому. Пословицы с предсказательной семантикой характеризуются обычно повествовательной интонацией, так как именно форма сообщения передает категоричность, точность и завершенность высказывания, то есть адресант дает понять, что другого варианта развития событий быть не может. Пауза напряжения в конце первой части предложения нужна слушателю для осознания и переработки информации. Ритмически предсказание организовано четко, темп замедлен с помощью увеличения длительности ударных гласных звуков в слове-акценте. С помощью «нагнетающего» тембра предсказатель воздействует на эмоции и поведение адресата. Используется второй уровень суггестивности голоса [3], для которого характерно детерминирование реакции слушающего и воздействие на его психику. Такой тембр воспринимается как подталкивающий к действию, отчасти прохибитивный (запрещающий).

Интонация предсказания похожа по признакам на интонацию предупреждения, характеризующуюся понижением тона голоса: повествовательно-восклицательным, нисходяще-восходящим. Вторая часть сложного предложения со значением предсказания, продолжая первую, создает акцент на информативно значимом слове предложения. Затем тон голоса снижается, так как предложение содержит утверждение.

Интонационный рисунок предсказаний включает несколько разновидностей. Эти разновидности служат средством выражения различных оттенков смыслового противопоставления. Например, в первой части конструкции с семантикой предсказания содержится утвердительная ситуация с оттенком проявления настороженности, внимания к ней, подчеркивается ее важность. Вторая часть конструкции, главной идеей которой является освещение результата, произносится с фатально-предупреждающим оттенком в тоне голоса: *За малое судиться – большое потерять* [5, с. 350]. *Живи тихо – не увидишь лиха* [5, с. 309]. *Много спать – добра не видать* [5, с. 400]. Такой интонационный рисунок отличается от нейтрального ритмико-мелодического строя речи длительностью произнесения гласного ударного звука (акцент на слове, выражающем основное значение и предполагаемое действие): *б[**о**]йся, страш[**и**]сь, накл[**и**]чешь* и т. п.

Следует отметить, что условно-следственные отношения в конструкциях со значением предсказания отражают саму сущность понятия «предсказание». Как уже отмечалось, предсказание – это предупреждение о возможных последствиях при несоблюдении определенных условий. В состав предсказания обычно входят такие глаголы психической деятельности с превентивной семантикой и словосочетания, как: *жди, бойся, страшись* и т. д.; *погубишь, накличешь, попадешь в беду* и глаголы с модальным значением + *инфини-*

тив – в первой части предсказания (*хочешь быть богатым, хочешь сберечь, желаешь быть знатен* и т. п.).

В предсказании обычно содержится прямое или косвенное указание на запрет. Семантика и формы выражения запрета описаны в работах Г.В. Валимовой, Л.А. Сергиевской и др. [см.: 2, 8]. В русском языке запрет на реализацию каких-либо действий обычно выражается тремя основными типами превентивных конструкций: запрет-превентив, запрет-ингибитив, запрет-прохибитив. Запрет-превентив – это запрет предпринимать какое-либо действие: *Не уговорясь на берегу, не пускайся за реку* [5, с. 348]. В данном случае можно говорить о сходстве между запретом и предсказанием, так как и в том, и в другом случае видна превентивная семантика. В предложениях с предсказанием присутствуют сочетания «с гномическими предикатами, повелительного наклонения, а также глаголами будущего времени» [1, с. 143]. Запрет-ингибитив – запрет, содержащий требование прекратить уже начатое дело. Вышеупомянутый тип не входит в состав предсказания, так как подобные конструкции не содержат футуральную перспективу, а показывают, как надо поступить в ситуации, которая уже свершилась к моменту в настоящем: *Взял в долг – отдай в срок* [5, с. 321]. Запрет-прохибитив выражает приказ, требование, команду и т. п. Эти конструкции по большей части являются предупреждением. *Стой! Осторожно, злая собака!*

Проведенное нами исследование показывает, что с точки зрения семантики предсказание ближе всего находится к запрету-превентиву, так как в его составе также есть направленность в будущее, желание предостеречь от опасности и применение житейского опыта – признаки, которые обнаружены нами в предсказании. «Предсказание отличается неопределенностью, ибо оно говорит о событии как о возможном состоянии, о возникновении нового» [10, с. 78].

В семантическом аспекте предсказание образует особую форму знания человека, обладающую набором признаков, характерных для него. Важную роль в выражении семантических оттенков значения предложений с предсказательной семантикой играет лексический состав предсказания, глагольные формы, входящие в его состав, особая назидательная интонация. Превентивный характер предсказания сближает его со смежными с ним видами речевого воздействия, которые направлены на избежание негативных последствий для адресата.

Наше исследование позволило выделить следующие типы предсказательных конструкций: собственно предсказание, предсказание-совет, предсказание-предостережение, предсказание-поучение и др. Одна из главных целеустановок предсказания – направить на положительный исход в ситуации, которая может негативно сказаться на жизнедеятельности человека. Предсказания в современном русском языке имеют особую семантическую структуру, которая представляет собой сообщение ирреальной ситуации и негативных последствий при условии совершения действий, обозначенных в первой части конструкции. Выявленная в ходе исследования взаимосвязь семантики предсказания с определенными синтаксическими средствами ее выражения позволяет представить классификацию предсказательных высказываний в пословицах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н. Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 282 с.
2. Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1967. – 331с.
3. Князьков А. А. О суггестивности педагогического голоса [Электронный ресурс] – URL: http://www.ritorika.info/publikacii/personalii/knjazkov-arkadij-aleksandrovich/o-suggestivnosti-pedagogicheskogo-golosa/o-suggestivnosti-golosa (дата обращения 16. 12. 2010).
4. Колосова Т. А. Принципы классификации сложноподчиненных предложений и их отражение в учебной литературе // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. — Вып. 1. — Ма-

териалы научной конференции. — М.: Русский учебный центр, 2000. – С. 60-70.
5. Меткое русское слово. – СПб.: ИД «Авалонь», Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 512 с.
6. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Изд. 4-е, стер. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 590 с.
7. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 2-х тт. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1989. – 399 с.
8. Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке. Учебное пособие к спецкурсу. – М.: Изд. МПУ, 1993. – 98 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 4-х томах. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 3. – 752 с., Т. 4. – 1988. – 797 с.
10. Стегний В.Н. Теория и методология социального прогнозирования. Курс лекций. – Пермь: ПГТУ, 1991. – 191 с.
11. Фигуровская Г.Д. Проблемы и перспективы классификации сложных предложений в конструктивно-семантических полях // Сложное предложение (традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения). – Вып. 1. – Материалы научной конференции. – М.: Русский учебный центр, 2000. – С. 71-76.
12. Цветник духовный. Мысли и изречения святых и великих людей. Изд. 3-е. – М.: «ДАРЪ», 2008. – 592 с.

УДК 811.161.1’367

Раскова Н.В.
Московский государственный областной университет

АФОРИСТИКА В СОЧИНЕНИЯХ А.В. СУВОРОВА*

N. Raskova
Moscow Region State University

APHORISMS IN WORKS BY A. SUVOROV

Аннотация. В данной статье речь идёт об афоризмах, выделенных произведений А.В. Суворова: «Полкового учреждения», «Науки побеждать», его писем, записок, диспозиций, реляций, рапортов и т. д.

Афоризмы и фразеологизмы играют особую роль в передаче авторской и коллективной мудрости от поколения к поколению. Основой афористики является человеческая жизнь и её противоречия, поэтому тематика афоризмов весьма разнообразна. Выделяются группы афоризмов по тематическому принципу («стратегия», «тактика», «воспитание и обучение», патриотизм», «здоровье»), анализируется их язык, смысловые доминанты, изобразительно-выразительные особенности.

Ключевые слова: афористика, фразеология, язык и идиостиль автора.

Abstract. The article is devoted to aphorisms chosen from Suvorov’s works: «Regimental establishment», «Sciences of winning», his letters, notes, dispositions, correlations, reports.

Aphorisms and idioms play special role in the transfer of the author’s and collective wisdom from generation to generation. The basis of aphorisms is human life and its contradictions, and therefore topics of aphorisms are very diverse. The author distinguishes groups of aphorisms by topic («strategy», «tactics», «education and training», «patriotism», «health»), analyzes their language, semantic dominants, figurative and expressive features.

Key words: aphoristic, phraseology, language and authors individual style.

* © Раскова Н.В.

Афористика как часть фразеологии востребована в культуре, языке, ментальности как краткое и достаточно простое общепонятное изложение истин. Фразеологизмы и афоризмы имеют обобщающий характер. Афоризмы наряду с фразеологизмами отражают когнитивную основу мировоззрения индивидуума и общества и выражают концептуальную картину мира современного человека. Афоризмы и фразеологизмы играют особую роль в передаче авторской и коллективной мудрости от поколения к поколению. Основой афористики является человеческая жизнь и её противоречия, поэтому тематика афоризмов весьма разнообразна.

Афористичность присуща произведениям великого русского полководца А.В. Суворова. Афоризмами в приказах и диспозициях закреплялись в сознании подчинённых боевые правила и распоряжения Суворова. Наиболее ярко эта сторона языка выражена в его произведении «Наука побеждать».

«Наука побеждать» – не только произведение великого полководца, но и замечательного психолога. «Повелевай счастием, ибо одна минута решает победу», – говорил Суворов [5, с. 13]. Великий полководец ценил человеческую жизнь, но дороже всего ценил время: «Деньги дороги, жизнь человеческая ещё дороже, а время дороже всего» [5, с. 23].

Тематику афоризмов А.В. Суворова можно разделить на 5 групп со следующими доминантными схемами: «стратегия», «тактика», «воспитание и обучение», «патриотизм», «здоровье».

К I группе относятся афоризмы о стратегии военных действий, о военной науке вообще. Афоризмы этой группы использованы в научном стиле, научно-деловом подстиле. Характерной чертой стиля научных работ является насыщенность терминами. Что такое военная наука?

«*Военная наука – наука побеждать*», – отвечал А.В. Суворов. Что такое победа? По Суворову, «*Победа – враг войны*» [5, с. 11].

Своеобразие стиля научных работ состоит в использовании абстрактной лексики. В афоризмах употреблено много абстрактных существительных (*наука*, *победа*, *мир*), все в номинативном значении. Научный стиль характеризуется логической последовательностью изложения, стремлением автора к точности, сжатости, однозначности выражения. «*Ничего – кроме наступательного*», – утверждает полководец [4].

II группу образуют афоризмы о тактике ведения боевых действий, о поведении в войне. Афоризмы о тактике мы относим к публицистическому стилю, так как в этом стиле реализуется языковая функция воздействия (агитации и пропаганды). С этой функцией совмещается чисто информативная функция. В публицистических произведениях затрагиваются актуальные вопросы современности, представляющие интерес для общества (политические, экономические, философские, моральные, вопросы культуры, воспитания, повседневного быта). Афоризмы о тактике в конце XVIII века были актуальны из-за частых военных действий. Для публицистического стиля характерна лаконичность изложения при информативной насыщенности, что мы и отмечаем в суворовских афоризмах о тактике, например: «*Удивить – победить*» [5, с. 22]; «*Шаг назад – смерть!*» [5, с. 13].

В публицистическом стиле широко используется разнообразная лексика и фразеология. А.В. Суворов в афоризмах о тактике использует эпитеты (горы – *крутые*, леса – *дремучие*) и фразеологизмы (*как снег на голову*); *Неприятель поёт, гуляет, ждёт тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих, налети на него как снег на голову* [4].

В афоризмах о стратегии Суворов использует межстилевую лексику, которая выполняет номинативную функцию, например: *время*, *гулять*, *лес*, *петь*, *пуля*, *смелость*, *снег*, а также разговорную лексику: *дура*, *обмишулиться*, что придаёт дополнительную экспрессивно-эмоциональную отрицательную окраску: *Пуля обмишулится, а штык не обмишулится, пуля – дура, а штык – молодец!* [5, с. 22].

В данных афоризмах используются элементы научного стиля, в котором чаще встречаются определения понятий, реже – названия действий, т. е. при выборе формы сказуемого вместо глагола используется глагольно-именная конструкция, например: *делать большой удар* вместо *сильно ударить*; *Лучше усыплять, нежели тревожить, и делать большой удар* [6, с. 340].

К III группе можно отнести афоризмы о воспитании и обучении, в том числе обучении солдат поведению в войне. Тема воспитания и обучения актуальна во все времена. В данных афоризмах мы отмечаем характерную для публицистического стиля лаконичность: «*Испуган – наполовину побеждён*» [3, с. 14], «*Дисциплина – мать победы*» [5, с. 11]. Эти афоризмы раскрывают суть военного дела, говорят о качествах, необходимых для победы. И, в целом, все они нацелены на победу, демонстрируют воздействующую функцию.

Суворов использует разнообразную межстилевую лексику, выполняющую номинативную функцию: *деятельность, победа*, *поход*; книжную: *повелевать, повиноваться*. «*Приучайся к неутомимой деятельности*» [5, с. 24], «*Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими*», – наставляет А.В. Суворов [4]. В афоризмах использует он и разговорную лексику (*дурак*): *Вывеска дураков – гордость, людей посредственного ума – подлость, а человека истинных достоинств – возвышенность чувств, прикрытая скромностью* [5, с. 28].

В IV группу можно выделить афоризмы о патриотизме.

А.В. Суворов – патриот своего отечества. Он констатирует: «*Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет*» [4]. Великий полководец выдержал 60 сражений и одержал 60 побед. Тема патриотизма особенно остро встаёт в дни тяжких испытаний для страны, для её народа. С характерной для публицистического стиля лаконичностью великий полководец провозглашает: «*Мы русские, мы всё одолеем*» [4].

А.В. Суворов в данных афоризмах использует различные изобразительно-выразительные средства. Он вводит эпитеты: *настоящий*; противопоставления: *пудра не порох*, *букли не пушка*, *коса не тесак*. Например: *Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, а я не немец, а настоящий руссак* [4]. Употребляются слова в переносном смысле: *орлы российские*, *орлы римские*. Отмечаем использование инверсии в афоризме «*Орлы российские облетели орлов римских*» [4], которое переводит высказывание из нейтрального плана в план экспрессивно-эмоциональный.

V группе принадлежат афоризмы о здоровье, которые мы также относим к публицистическому стилю. В афоризмах о здоровье Суворов использует противопоставления (*здоровый – больной*): *Здоровому – питьё, еда, больному же – воздух, питьё, еда* [5, с. 28]. В данной группе имеются элементы научного стиля – термины. Суворов даёт определение лучшему лекарству: «*Голод – лучшее лекарство*» [3, с. 28].

Природа русских пословиц и поговорок была хорошо известна А.В. Суворову. И в устной речи, и в письмах он широко ими пользуется, иногда перефразирует их, иногда создаёт новые. Суворовские афоризмы внутренне и внешне близки к изречениям народной мудрости. «*Бегать смерти, не убегать*», – гласит пословица, клеймящая трусость. «*Шаг назад – смерть!*», – говорит Суворов [5, с. 13]. «*Смелость города берёт*», – говорит русская пословица. Суворов отвечает: «*Глядень-ем крепости не возьмёшь*» [5, 13].

Поскольку в сборниках пословиц русского народа, собранных В.И. Далем, И.М. Снегирёвым, В.Н. Морохиным, В.П. Жуковым, мы нашли только некоторые из использованных Суворовым в своих сочинениях, можно утверждать, что большинство приведённых выше афоризмов принадлежит перу А.В. Суворова.

На основании материала можно сделать следующие выводы. Афоризмы в сочинениях А.В. Суворова насыщены терминами, отличаются логичностью, краткостью, точностью. А.В. Суворов активно использует инверсию, что переводит высказывание из нейтраль-

ного плана в план экспрессивно-эмоциональный. В афоризмах великий полководец использует эпитеты, противопоставления, сравнения; употребляет слова в переносном значении; использует межстилевую и разговорную лексику.

Полная народной мудрости, поговорка оживляет язык, он становится более ярким и эмоциональным. Афоризмы, как и фразеологизмы, – яркое стилистическое средство. Афоризмы делают сочинения А.В. Суворова более выразительными, живописными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: ННН, 1994. – 742 с.
2. Пигарев, К.Г. Солдат-полководец. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1943. – 164 с.
3. Суворов, А.В. Наука побеждать. – М.: Воениздат, 1980. – 32 с.
4. Суворов, А.В. Афоризмы / Собрал Т.И. Воробьёв. – Л.: Микроформа, 1941.
5. Суворов, А.В. Заветы Суворова. Сборник суворовских изречений / сост. К.Г. Пигарев. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1943. – 28 с.
6. Суворов, А.В. Походы и сражения в письмах и записках. – М.: Военное изд., 1990. – 480 с.

УДК 81-112.2

Сицына-Кудрявцева А.Н.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВАЯ НОРМА» С РАЗВИТИЕМ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ*

A. Sitsyna-Kudriavtseva
State Institute of the Russian language named after A. Pushkin

FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE CATEGORY «LINGUISTIC NORM» ALONG WITH DEVELOPMENT OF THE CULTURE OF SPEECH

Аннотация. В статье производится выявление причин, по которым возникло понятие «языковая норма», а также анализ его структуры. Привлечение внимания к категории «языковая норма» в рамках культуры речи было обусловлено рядом причин: изменениями в социальной жизни российского общества, сомнениями относительно возможности регулировать языковые процессы, осознаваемой потребностью в установлении отношений внутри дихотомии «система – норма».

В силу своей «разноприродности» категория «языковая норма» может быть полностью изучена только при комплексном подходе, который включает ее рассмотрение на философском, внелингвистическом и внутрилингвистическом уровнях.

На современном этапе развития культуры речи наблюдается расширение объема понятия «языковая норма», которое трактуется не только как образцовая, но и как прагматическая категория.

Ключевые слова: языковая норма, нормализаторская деятельность в языке, формирование категории «языковая норма», трансформация категории «языковая норма».

* © Сицына-Кудрявцева А.Н.

Abstract. This paper is devoted to understanding the origins of notion «linguistic norm» and analyzing its structure. Rising attention to the category of «linguistic norm» in the culture of speech in the early 20th century was due to several reasons. It was caused by changes in the social life of Russian society, by the doubts about the ability to regulate language processes, by the awareness of need to establish relationships between the dichotomy «system-norm».

Due to its heterogeneity, the category of «linguistic norm» can be fully understood only through an integrated approach that includes consideration of the philosophical, extralinguistic and intralinguistic levels.

At the present stage of development of speech one observes expansion of the concept of «linguistic norm», which is interpreted not only as a model, but as a pragmatic category.

Key words: linguistic norm, normalization activities in the language, formation of the category «linguistic norm», transformation of the category «linguistic norm», the origin of the notion «linguistic norm».

Во всех трудах, посвященных проблемам культуры речи, центральными являются понятия «литературный язык» и «языковая норма». В данной работе будет обращено внимание на формирование и структуру последнего понятия, так как именно оно является той системной единицей, вокруг которой конструируется «здание» культуры речи.

Прежде всего рассмотрим причины, по которым произошло обращение к данной категории. В качестве одной из главных причин лингвисты, в том числе и Л.К. Граудина, называют вовлечение в общественную жизнь народных масс, не владеющих нормами русского языка [8, 30–34]. Однако, на наш взгляд, не только названная причина мотивировала обращение к категории «языковая норма», но и те сомнения относительно возможности регулировать языковые процессы, которые существовали в лингвистике XIX века. Нормализаторская деятельность в языке, начавшая активно развиваться во времена М.В. Ломоносова, к концу XIX века практически прекратилась. С.И. Ожегов так писал о данном факте: «Традиции М.В. Ломоносова и академика А.Х. Востокова, всегда заботившихся о нормализации литературной речи на научных основах, были забыты. Задачей языковедов считалось лишь объективное описание фактов языка» [11, с. 254]. Показательно, что описываемый скепсис в конце позапрошлого – начале прошлого века наблюдался не только в рамках русской лингвистики, но и в рамках языкознания других стран, о чем упоминает в своей статье Я. Кухарж [9, с. 307–313]. Таким образом, возникновение культуры речи, а вместе с ней и формирование понятия «языковая норма» имело не только социальную обусловленность, но и носило характер протеста против анархических настроений, царивших в лингвистике того времени.

Как известно, в конце XIX – начале XX вв. наблюдается расцвет отечественной и зарубежной лингвистики. Это время постижения законов функционирования языковой системы, время выделения образующих ее единиц. Изучение системы, освоение процессов ее функционирования невозможно без обращения к понятию «норма». Л.К. Граудина отмечает: «Языковая норма, хотя бы и неосознанная, свойственна разным формам существования языка – диалектам, языку народностей, общенародному языку» [8, с. 32]. Это, безусловно, отражает факт ее связи с системой и невозможность осмысления одного члена дихотомии без другого. Вышеизложенное приводит нас к мысли о том, что обращение к культуре речи и выделение в ее рамках в качестве одного из основных понятий категории «языковая норма» в начале XX века было обусловлено в том числе и еще только осознаваемой потребностью в установлении отношений внутри дихотомии «система – норма», так как создание теории формирования нормы Э. Косериу приходится на конец 1960-х годов (См. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. – М., 2010). Предпосылками послужили работы по теории лингвистики Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.М. Пешковского и др. Категория «языковая норма» оформляется в начале XX века в рамках зарождающейся на тот момент культуры речи как элемент, необходимый не только для регуляции, но и для осмысления языковой системы.

Выяснив причины, по которым произошло обращение к понятию «языковая норма» в рамках культуры речи в 1930-е годы, необходимо остановиться на структуре данной категории. Ввиду многоплановости понятия «языковая норма» целесообразным представляется разделение его на несколько уровней. Перечислим их: философский, внелингвистический, лингвистический уровень, подразделяющийся на обще- и частнотеоретический, практический и междисциплинарный. Все перечисленные уровни можно представить в виде взаимопроникающих пластов, соединенных «монолитом» рассматриваемого в их рамках явления.

На философском уровне явление языковой нормы может быть соотнесено с такими категориями, как время и движение. Категория времени является одной из фундаментальных в философии. Начиная со времен античности она связывается с понятиями прошлого, настоящего и будущего. Категория движения в философии мыслится как перемещение в пространстве, которое сопряжено с временными изменениями. **В концепции Аристотеля, который одним из первых предпринял попытку теоретического осмысления данных философских понятий,** время измеряется движением, которое, в свою очередь, является мерой времени [1, с. 153-215]. В теории языковой нормы посредством указанных философских понятий выявляются такие черты названной категории, как статика и динамика ее развития, ее этническая, социальная, эстетическая и культурная обусловленность, отношения с системой и узусом, влияние на нее вкуса, моды, отношения с вариантностью и др. Таким образом, философский уровень, что закономерно, определяет содержание всех вышеперечисленных внелингвистических и лингвистических уровней описания языковой нормы.

Внелингвистический уровень выявляет такие особенности языковой нормы, как ее связь с психологическим, психическим, социальным, культурным, этическим и эстетическим бытием человека. Филологами неоднократно отмечалось, что в формировании языковой нормы играют роль внешние и внутренние факторы. Данный взгляд формируется еще Пражским лингвистическим кружком, позднее его придерживается Э. Косериу. В труде «Синхрония, диахрония и история» (1958) лингвист отмечает, что язык не изолирован от внешних факторов, под которыми он понимает историческую обстановку и свободу выражения говорящих. Норма является реализованной моделью, сформировавшейся в рамках языковой системы. Таким образом, на нее, как на продукт, создаваемый этой системой, влияют те же факторы, что и на систему в целом.

К внутренним факторам, влияющим на формирование рассматриваемой языковой категории, можно отнести психологический и психический: рождение и использование нормативных единиц происходит при участии сознания человека в соответствии с навыками, приобретенными в языковом сообществе. Идеи, которые в дальнейшем повлияли на разграничение понятий «норма» и «кодификация», были сформулированы Б. Гавранком [16, с. 86-87]. Итак, на психологическом и психическом уровнях при помощи мышления членом социума производится отбор языковых средств, считающихся пригодными к употреблению при произведении речевой деятельности.

Очевидно, что психологический и психический аспекты языковой нормы сопрягаются с социальным. На социальную обусловленность языковой нормы указывает следующее рассуждение Л.В. Щербы: «…малейшие изменения в содержании, т. е. в условиях существования данной социальной группы <…> немедленно отражаются на изменении речевой деятельности данной группы и притом одинаковым образом…» [15, с. 29]. Изменения в социальной жизни общества влекут за собой расшатывание старых норм и замену их новыми. В современности примером тому могут служить изменения норм всех уровней, фиксируемые языковедами (См., например, Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996).

На формирование языковой нормы влияет не только социальная жизнь общества, но и культурная ситуация в коллективе. По мнению Ю.В. Рождественского, культура пользуется рядом механизмов, одним из которых является хранение фактов культуры. Он дает следующее определение факту культуры: «Факт культуры – не любой факт, а факт, представляющий либо правило, либо прецедент» [12, с. 13]. Иными словами, чтобы стать фактом культуры, явление, вещь выбирается из ряда других на основе своей многократной воспроизводимости или уникальности. При таком понимании языковую норму можно расценивать как факт культуры, так как, с одной стороны, норма призвана сохранять языковые ценности, с другой – одной из ее характеристик выступает именно многократная воспроизводимость.

Как известно, культура формируется в рамках этноса, рождающего свой уникальный речевой этикет. Если считать языковую норму «объединяющим и цементирующим звеном в сложной структуре литературного языка, которое придает ему характер упорядоченности, избирательности и общеобязательности» [3, с. 36], то этический компонент органично войдет в данную многоуровневую языковую категорию. Он будет определять пределы варьирования названного понятия.

Эстетический компонент также присутствует при определении природы языковой нормы. В рамках названного компонента отражаются представления человеческого сообщества о прекрасном и некрасивом. Безусловно, данный компонент находится в связи с культурным и этическим, так как представление о том, что красиво, а что нет, формируется в рамках этноса и отечественной культуры. На наш взгляд, выделение эстетического компонента в качестве составляющей языковой нормы обусловлено идеей о языковом вкусе, развиваемой в работах В.Г. Костомарова [7, с. 5-13].

Из изложенного следует, что формирование языковой нормы происходит под воздействием ряда внелингвистических факторов, которые оказывают существенное влияние на ее природу: во-первых, психологический и психический факторы определяют потребность в отборе языковых средств, считающихся нормативными, т. е. формирует границы разбираемого понятия; во-вторых, социальный фактор определяет динамику развития языковой нормы, приоритеты, которыми руководствуются на данном временном этапе при выборе нормативного варианта; в-третьих, культурный компонент определяет такой признак языковой нормы, как ее распространенность, кроме того, возводит данную языковую категорию в разряд ценностных; в-четвертых, этический фактор влияет на формирование тех границ, в пределах которых оно способно варьировать; в-пятых, эстетический компонент языковой нормы предстает в виде вкусовых предпочтений эпохи.

Все вышеперечисленные уровни участвуют в формировании языковедческого взгляда на природу языковой нормы, определяют ее лингвистические характеристики.

На общелингвистическом уровне можно выделить такое соотношение, выявляющее природу языковой нормы, как триада «система – норма – узус», а также представить ее характеристику с точки зрения синхронии и диахронии.

В пределах триады «система – норма – узус» первый член традиционно трактуется в соответствии с определением Ф. де Соссюра (об этом пишут К.С. Горбачевич, А.В. Звегинцев, О.А. Лаптева и др.), который понимает его как «совокупность языковых явлений, которые могут быть представлены в виде сети противопоставлений – структуры» [10, с. 59]. Узус мыслится «как совокупность языковых навыков, принятых в данном обществе…» [5, с. 561]. Норма формируется в рамках возможных реализаций, предлагаемых ей системой. Вместе с тем, являясь моделью общественного языкового сознания, она оформляется в узусе, т. е. в регулярном употреблении языковых единиц.

Итак, в рамках системы определяются координаты возможных путей реализации нормы, в пределах узуса происходит выде-

ление наиболее жизнеспособных, а значит, наиболее соответствующих системе и языковым вкусам норм, а также формирование нормативных вариантов. Вместе с тем соотношение «система – норма – узус» порождает типологию норм языковой коммуникации (термин А. Едлички), в рамках которой выделяются нормы системные и коммуникативные [4, с. 135-148]: первые соотносятся с понятием правильности, таким образом, на главные позиции выходит система, вторые – с понятием коммуникативной ситуации, т. е. здесь на первый план выходит узус. Кроме того, дихотомия «система – норма» рождает такие разновидности, как норма императивная и диспозитивная, субъективная и объективная.

Являясь продуктом системы и узуса, норма впитывает в себя их особенности, которые оформляются в таких ее характеристиках, как статичность и динамизм. Названные характеристики, на первый взгляд несочетаемые, дополняют друг друга. Статичность нормы проявляется в таких ее частнолингвистических признаках, как консерватизм и устойчивость, и проистекает из того факта, что данное явление рождается в рамках системы, по ее законам; система же, характеризующаяся открытостью и изменяемостью, вместе с тем имеет пределы развития, определяющие границы развития описываемого нами понятия. Динамизм данной языковой категории определяется фактом зависимости нормы от узуса, который подвержен изменениям в связи с изменением жизни общества. Разбираемые характеристики нормы в рамках культуры речи оформились в динамическую теорию нормы.

Таким образом, в рамках динамической теории нашла объяснение двунаправленная природа нормы, произошло детальное осмысление данной теоретической категории.

Из общелингвистических соотношений, определяющих природу языковой нормы, проистекают частнолингвистические признаки данного понятия, влияющие на формирование некоторых его разновидностей. К частнолингвистическим признакам нормы можно отнести следующие: устойчивость и консерватизм, распространенность, кодифицированность, ориентация на авторитет источника.

На практическом уровне происходит «деление» нормы на частные разновидности в зависимости от принадлежности к тому или иному уровню языковой системы, вследствие чего выделяют нормы произношения, словоупотребления, словообразования, кроме того, орфографические, пунктуационные, морфологические и синтаксические нормы. Функционирование всех частных разновидностей языковой нормы осуществляется в границах возможностей, предоставляемых системой и узусом. Важно подчеркнуть, что они складываются под влиянием внелингвистических и лингвистических факторов.

Типология норм, успешно развиваемая в последние десятилетия в русской и зарубежной лингвистике, а также признание возможности сосуществования двух нормативных вариантов (взгляды К.С. Горбачевича, А. Едлички, Л.В. Щербы) выводит категорию «языковая норма» на междисциплинарный лингвистический уровень, где она соотносится с понятиями дискурса и текста. Если исходить из такого понимания дискурса, как «тематически и грамматически целостное произведение, удовлетворяющее условиям связности последовательных предложений-высказываний, в котором находят разрешение коммуникативные целеустановки, интенционные замыслы автора…» [14, с. 83], то на первый план выходит его прагматическая направленность, которая при разработке типологии «норм языковой коммуникации» воплощается в термине «ситуативно-коммуникативная сфера», включающем в объем своего понятия сферы общественной деятельности и ситуации общения.

Соотношение «норма – текст» возможно трактовать в узком и широком смысле. Широкая трактовка возникает при понимании текста в рамках узуса, где он мыслится как «сумма текстов» (взгляд О.А. Лаптевой) той или иной разновидности литературного языка, обладающая своей структурной

спецификой и системной организацией [10, с. 64]. При таком подходе норма варьирует в зависимости от принадлежности текста к той или иной разновидности литературного языка, что отсылает нас к понятию сферы деятельности, рассматриваемому при описании отношений нормы и дискурса. В узком понимании норма соизмеряется с текстом как единичным произведением. При разной трактовке самого понятия «текст» в современной лингвистической литературе не вызывает возражений положение о том, что данная речевая категория – единица коммуникативного уровня (См., например, Гальперин И.Р. – М., 1981). Из изложенного следует, что при создании текста выполняется речевое задание, выбранное автором. Данный тезис позволяет соотнести категорию текста с понятием «норма» на уровне коммуникативной целесообразности, при участии которой реализуется целеустановка текста.

Итак, норма способна варьировать в пределах дискурса-текста в зависимости от сферы, ситуации общения и речевого задания, программируемого автором произведения.

Определение причин, по которым произошло обращение к понятию «языковая норма», и его структурный анализ позволяют нам прийти к следующим выводам.

Во-первых, обращение в начале прошлого века к категории «языковая норма» в рамках культуры речи и работа над его теоретическим осмыслением были обусловлены развитием общей теории языкознания, в частности, теории функционирования языковой системы и вновь актуализированной мыслью о том, что за языковыми процессами требуется не только наблюдать, но и регулировать их (Г.О. Винокур и др.).

Во-вторых, в силу своей «разноприродности» категория «языковая норма» может быть полностью изучена только при комплексном подходе, который предполагает философский, внелингвистический и внутрилингвистический уровни. Можно утверждать, что названное понятие имеет философские основания, ввиду того что его осмысление невозможно без привлечения категорий времени и движения. Вместе с тем природа языковой нормы определяется внелингвистическими факторами, к которым можно отнести изменение социума, его психологических, эстетических, этических, культурных установок, и внутрилингвистическими, как-то: развитие языка, законы и возможности системы, изменение узуса. Отношения нормы с системой и узусом, связь со временем позволяют выявить ее частные характеристики, к которым принято относить устойчивость и консерватизм, распространенность, ориентацию на авторитет источника, кодификацию, объективно-субъективный характер.

В-третьих, на современном этапе развития культуры речи наблюдается расширение объема понятия «языковая норма», которое трактуется не только как образцовая, но и как прагматическая категория.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Первова, В.В. Розанова. – М., 2006. – 227 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 138 с.
3. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. – М., 2009. – 240 с.
4. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XX. 1988. – С. 135-148.
5. Емельянова О.Н. Узус // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 561–562.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблема языкового изменения. 3-е изд. – М., 2010. – 204 с.
7. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999. – 320 с.
8. Культура русской речи: Учебник / Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М., 2008. – 560 с.
9. Кухарж Я. Регулятивный аспект культуры речи // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XX. 1988. – С. 307–313.
10. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка: Учебник. – М., 2003. – 351 с.
11. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов. – М., 1974. – С. 251-276.

12. Рождественский В.Ю. Введение в культуроведение. – М., 1999. – 288 с.
13. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1996. – 478 с.
14. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007. – 480 с.
15. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. 4-е изд. – М., 2008. – С. 24-39.
16. Havranek B. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963. – 346 с.

УДК 811.161.1'36

Шихонина А.Д.
Московский государственный областной университет

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ ПРИ ГЛАГОЛЬНОМ ИМПЕРАТИВЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С ЛАТИНСКИМ*

A. Shikhonina
Moscow State Regional University

NEGATIVE IMPERATIVE CATEGORY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (IN COMPARISON WITH THE LATIN LANGUAGE)

Аннотация. В статье анализируется один из аспектов логико-грамматической категории отрицания, а именно – отрицание при глагольном императиве. Анализ производится на материале Деяний святых апостолов. Целью работы является сравнение грамматических средств выражения отрицания в русском и латинском языках в избранном тексте. Анализ языкового материала показывает, что как русский, так и латинский глагольный отрицательный императив реализуют в структуре Священного Писания запретительные поведенческие нормы, которые являются базовыми для христианской цивилизации.
Ключевые слова: отрицание, русский язык, латинский язык, глагол, императив, запрет.

Abstract. The paper deals with one of the aspects of logical-grammatical categories of negation, namely the negative imperative form. The aim of this work is to describe and compare negative imperative forms in the Russian and Latin languages. The material for this research was taken from "Actus Apostolorum". The analysis of the linguistic material shows that both Russian and Latin negative imperative forms represent in Bible prohibitive behavioral standards, that are basic for Christian civilization.
Key words: negation, the Russian language, the Latin language, verb, imperative forms, prohibition.

Логико-грамматическая категория отрицания тесно связана с внеязыковой действительностью, с реалиями человеческой жизни.

В научной философской традиции отрицание определяется следующим образом: «1. Отрицание рассматривается как необходимый момент развития, условие качественного изменения вещей. 2. Логическая операция, с помощью которой из данного высказывания порождается новое высказывание (отрицание исходного), такое, что если исходное высказывание было истинно, то его отрицание ложно, и наоборот» [11, с. 349]. В языке отрицание определяется как «выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и др. средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не

* © Шихонина А.Д.

существует (мыслится в речи как реально не существующая)» [1, с. 303]. «Логическое отрицание (его формальное содержание) есть языковая универсалия, поскольку оно отражено во всех языках, хотя и самым различным образом. <…> Логическое содержание языковой категории отрицания составляют небытие, инобытие, различие, лишённость и др. Вместе с тем в содержание языкового отрицания могут входить и другие денотативные частные значения, как-то: несогласие, возражение (усиленная форма возражения), опровержение (аргументированное возражение), отказ (неприятие просьбы, требования и т. п.), запрет (категорический отказ), протест (наиболее сильная форма отказа) и некоторые другие» [3, с. 78]. По нашему мнению, отрицание – такая функционально-семантическая категория, которая не может существовать без категории утверждения и которая по отношению к ней (категории утверждения) вторична в сознании говорящего.

«Семантика утверждения и отрицания – логическое свойство предложения-суждения (в классической двузначной логике высказывание, истинное при утверждении, становится ложным при отрицании, и наоборот: истинное при отрицании, оно становится ложным при утверждении). Но она одновременно является и грамматическим свойством предложения, так как для выражения указанных различий имеются особые формы предложений» [3, с. 76].

В Библейском языковом материале представлены различные контексты с грамматическим отрицанием, в том числе в Деяниях святых апостолов как составной части Нового Завета.

Общеизвестно, что история перевода Библии на русский язык начинается со времён миссионерской деятельности свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, выполнивших славянский перевод Священного Писания во второй половине IX века. «Славянская Библия стала первой национальной Библией на Руси, почти 900 лет оставалась единственной, по настоящее время продолжает находиться в исключительном литургическом употреблении в Русской Православной Церкви. Её история насчитывает несколько основных изданий, в целом определивших и сформировавших ее облик. Хронология изданий: Геннадиевская Библия 1499 г., Острожская 1580 – 1581 гг., Московская 1663 г. и, наконец, Елизаветинская 1751 г., очевидно демонстрирует их последовательную преемственность, не оставившую ни один век российской истории, начиная с XV, без своей «библейской занятости». Она же подводит и к следующей точке отсчета – работе над русской Библией. Действительно, практически весь XIX век прошел для церковной и общественной жизни России под знаком перевода Библии на русский язык. Можно определенно сказать, что в этом переводе нашли выражение важнейшие религиозные ожидания и чаяния столетия. Основные этапы переводческой работы четко датируются: 1816 – 1826 гг. – перевод под эгидой Российского Библейского общества как первое официальное начинание; 1826 – 1856 гг. — период запрета и частные переводы, среди которых нужно отметить прежде всего труды прот. Г. П. Павского и архим. Макария (Глухарева); 1856–1876 гг. – завершение работы и издание Синодального перевода» [10, URL].

Что касается латинского перевода Библии, то здесь всё не так однозначно. Когда и кем сделан перевод Нового Завета на латинский язык – доподлинно неизвестно. На данный вопрос «можно дать только приблизительный ответ: спустя немного времени после появления христианства в западном мире. Римская церковь – единственная церковь в пределах Италии, о состоянии которой в апостольский век мы имеем точные сведения, как мы с основанием можем предположить, не имела нужды в переводе Евангелия на латинский язык, если даже такой перевод и существовал, так как члены ее могли понимать греческий…

Более вероятно, что латинский перевод возник в Африке, т. е. в римской провинции, носившей это имя, которую после основания империи долгое время не возмущали гражданские войны, опустошавшие Италию, начиная

от смерти Нерона и до восшествия на престол Веспасиана. В этих мирных и плодородных долинах христианство рано пустило корни, и латинский язык, не встречая сильного противника в греческом, сделался здесь органом новой религии» [13, URL]. Исследователи называют этот перевод древнеиталийским.

Позднее бл. Иероним провёл основательную работу по исправлению и переводу библейских текстов.

Вульгата претерпела множество правок за свою историю. Почти четыреста лет так называемая «Вульгата-Климентина», утверждённая папой Климентом VIII в 1592 году, считалась официальным переводом. В связи с многочисленными разночтениями, папа Павел VI принимает решение о необходимости пересмотра всего текста Библии на латинском языке. И в 1965 году начинается подготовка к изданию Новой Вульгаты. Наконец, в 1979 году полный текст Библии был издан в одном томе. Папой Иоанном Павлом II это издание было утверждено и провозглашено типовым.

Несмотря на проблемы перевода и создания Библии на разных языках, она является главной книгой всего христианского мира.

Письменный текст фиксирует не только события, но и является репрезентантом картины мира и, следовательно, через словоупотребление, языкового сознания. И поскольку в случае с латинским языком нам доступны только письменные источники, крайне важным представляется изучение грамматических форм, более конкретно – грамматических способов выражения запрета. Наиболее частотными являются грамматические формы отрицания при глаголе, как в русском, так и в латинском языке.

Деяния 1: 4

И, собрав их, Он повелел им: ***не отлучайтесь*** *из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чём вы слышали от Меня.*

et convescens praecepit eis ab Hierosolymis ***ne discederent*** *sed expectarent promissionem Patris quam audistis per os meum*

Сопоставительный анализ грамматических способов выражения запрета в русском и латинском языке (в Деяниях святых апостолов) может расширить представление о сходстве и различии христианской картины мира, репрезентируемой в разных языках.

В лингвистической литературе верно отмечается, что основным содержанием грамматической категории отрицания является логическое отрицание, хотя мы понимаем, что единицы языкового мышления не тождественны единицам логического мышления. Так, Е.И. Шендельс пишет: «Логическая категория утверждения и отрицания составляет основное содержание языковой категории, но не заполняет её целиком. Языковая категория утверждения и отрицания выполняет ещё и другие функции, обладает относительной самостоятельностью и имеет свой объём значений, не адекватный логической категории. Употребление отрицательных средств в предложении может преследовать совсем иные цели, чем выражение отрицательного суждения. Иными словами, не всякое предложение с отрицанием соответствует отрицательному суждению. Оно может соответствовать положительному суждению и служить средством выражения не суждения, а запрета, вопроса и пр.» [12, с. 130].

Запрет напрямую связан с логико-грамматической категорией отрицания, так как в коммуникативном пространстве связан с поведенческими нормами.

Деяния 23: 22

Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому ***не говори****, что ты объявил мне это.*

tribunus igitur dimisit adulescentem praecipiens ***ne*** *cui* ***loqueretur*** *quoniam haec nota sibi fecisset*

В соответствии с утверждением В.В. Виноградова, «в русском языке выделяют две отрицательные частицы: НЕ и НИ. Однако частица НИ имеет отрицательное значение – вне связи с НЕ – только в императивных и количественных предложениях, например, в сочетании с родительным падежом количества: *ни шагу дальше* и т. п. (…)» [4, с. 549].

Если в русском языке грамматическая категория отрицания устойчиво закреплена за

частицами НЕ и НИ, с предпочтением первой, то для латинского языка Соболевский, помимо основного отрицания, выражаемого *ne*, называет ещё два наиболее распространённых отрицания: *non* и *haud*. «*Haud* менее сильно и поэтому не употребляется в противоположениях. По большей части оно ставится при прилагательных и наречиях, редко при глаголах (haud scio – не знаю). *Ne quidem* значит «даже не», причём между *Ne* и *quidem* ставится слово с логическим ударением» [8, с. 378].

Таким образом, можно заключить, что основными отрицательными частицами в латинском языке, которые употреблялись при фразовом отрицании, были частицы *ne* и *non*. Такое предположение согласно с мнением М.А. Таривердиевой:

«В *латинском языке* «запрещение, (то есть выражение нежелательности действий адресата) передаётся *сочетанием частицы ne с утвердительной формой императива или частицы noli (во множественном числе nolite) с инфинитивом*: Ne nega – не спорь! Suadere noli – не убеждай!» [9, с. 22]. Причём в классической латыни частотность употребления второй формы гораздо выше первой. Отрицательный модальный глагол *nolo «не хотеть» (= ne volo)*, противопоставленный модальному глаголу *volo «хотеть, желать»*, так прочно занял позицию грамматического и смыслового отрицательного компонента в императивных отрицательных высказываниях, что форма отрицательного императива с частицей *ne* обычно даже не упоминается в грамматиках и учебниках.

В латинском языке, как и в русском, категория наклонения реализуется в нескольких формах, но форма повелительного наклонения латинского глагола иная: приказание может быть адресовано как ко второму, так и к третьему лицу. Более того, в латинском языке форма повелительного наклонения может быть настоящего и будущего времени, тогда как в русском языке повелительное наклонение характеризуется категорией вневременности. «Для выражения *отрицательного приказания* (то есть запрещения) используются иные обороты: a) *noli, nolite* с инфинитивом (буквально: не желай…); b) *perfectum* или *praesens conjunctivi c ne*; c) *cave c conjunctivus* (буквально: остерегайся, как бы не); d) *vide ne c conjunctivus* (буквально: смотри, чтобы не); e) *fac ne c conjunctivus* (буквально: сделай, чтобы не); f) *nolim c conjunctivus* (буквально: я не хотел бы, чтобы); g) *futurum I c non*» [8, с. 190].

Деяния 5: 39

si vero ex Deo est non poteritis dissolvere eos ***ne forte*** *et Deo repugnare inveniamini consenserunt autem illi*

а если от Бога, то не можете разрушить его; ***берегитесь, чтобы*** *вам* ***не оказаться*** *и богопротивниками.*

Деяния 7: 59 (60)

positis autem genibus clamavit voce magna Domine ***ne statuas*** *illis hoc peccatum et cum hoc dixisset obdormivit Saulus autem erat consentiens neci eius*

И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! ***Не вмени*** *им греха сего! И, сказав сие, почил.*

Отметим также, что «одна из форм императива *(imperativus future)* с отрицанием *ne* употребляется свободно в законах, наставлениях и т. п. В значении «и не» при повелительном и сослагательном наклонении употребляется *neve* (а не *neque*). По-русски, когда есть отрицание при повелительном, повелительное бывает обыкновенно длительного вида» [8, с. 189].

Исследователь Е.Г. Казимянец выделяет два способа выражения отрицания в языке: эксплицитный (формально выраженное отрицание) и имплицитный (скрытое отрицание) [5, с. 16].

Деяния 13: 35

Посему и в другом месте говорит: «не дашь Святому Твоему увидеть тление».

ideoque et alias dicit ***non dabis*** *Sanctum tuum videre corruptionem*

Деяния 8: 24

Симон же сказал в ответ: помолитесь за меня Господу, дабы ***не постигло*** *меня ничто из сказанного вами.*

respondens autem Simon dixit precamini vos

pro me ad Dominum ut ***nihil veniat*** *super me horum quae dixistis*

Исследуемый нами языковой материал содержит эксплицитный способ выражения отрицания. Из шестнадцати словоупотреблений не встретилось ни одного с имплицитным отрицанием.

Итак, «основным средством выражения отрицания в русском языке является частица НЕ, употребительность которой очень велика. В русском языке НЕ может функционировать:

1) в качестве отрицательной частицы;

2) в качестве префикса, при помощи которого образуются новые слова;

3) как часть составных союзов, особых выражений и устойчивых оборотов речи» [5, с. 16]

В.В. Виноградов пишет, что «отрицание вносит экспрессивные оттенки в систему повелительного наклонения. Собственно запрет может быть выражен лишь формой несовершенного вида с отрицанием НЕ (…)

Отрицание НЕ при форме совершенного вида придаёт повелительному наклонению оттенок предостережения (ср. *не падай* и *не упади; не простужайся* и *не простудись* и т. п.). Иногда, как уже сказано, присоединяются в этом случае императивные «частицы» СМОТРИ и СМОТРИТЕ (…)» [4, с. 485].

«Частица НЕ может относиться к любому члену предложения, что доказывает универсальность мыслительной категории отрицания. Нас в большей степени интересует употребление данной частицы перед простым глагольным сказуемым. Употребление **НЕ перед сказуемым делает всё предложение отрицательным** [выделено нами. – А. Ш.] (перед второстепенными членами или подлежащим не меняет утвердительного характера предложения и носит оттенок противопоставления, выраженного или подразумеваемого)» [5, с. 17]. Не составляет исключение и употребление НЕ перед глаголом в форме повелительного наклонения.

В латинском языке, применительно к тексту Деяний святых апостолов, наиболее частотными являются языковые единицы ne и nolo (nolite)*.

Деяния 27: 24

*и сказал: «****не бойся****, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою».*

dicens ***ne timeas*** *Paule Caesari te oportet adsistere et ecce donavit tibi Deus omnes qui navigant tecum*

Деяния 20: 10

Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: ***не тревожьтесь****, ибо душа его в нём.*

ad quem cum descendisset Paulus incubuit super eum et conplexus dixit ***nolite turbari*** *anima enim ipsius in eo est*

Деяния 2: 25

Ибо Давид говорит о Нём: «видел я перед собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, ***дабы*** *я* ***не поколебался****».*

David enim dicit in eum providebam Dominum coram me semper quoniam a dextris meis est ***ne commovear***

Деяния 10: 15

Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым.

et vox iterum secundo ad eum quae Deus purificavit ***ne*** *tu commune* ***dixeris***

В исследуемом нами материале (шестнадцать словоупотреблений) – тринадцать контекстов с этими компонентами.

В русском варианте все контексты содержат частицу НЕ.

В русском языке возможно как одиночное, так и двойное отрицание. В латинском языке отрицание в предложении только одно. По мнению А.И. Бахарева, «существуют две противоположные точки зрения по вопросу об одиночном отрицании. Первая защищалась, в частности, Ф.И. Буслаевым, отмечавшим, что «оборот с одиноким отрицанием вместо двойного, заимствованный из греческого, долго господствовал в книжном языке». Вторая точка зрения представлена в работах В.И. Борковского и П.С. Кузнецова, считающих, что «оборот с одним отрицанием не был заимствованием из чужого языка».

Есть все основания принять вторую точку зрения. Во-первых, мононегативные конструкции были свойственны не только таким древним индоевропейским языкам, как

латинский, готский, санскрит, но и древним славянским языкам (старопольский, староболгарский, древний сербохорватский); черты мононегативности сохранились и в современном сербохорватском языке. Во-вторых, обороты с одиночным отрицанием имеются не только в памятниках древнерусской письменности, но и в современных северновеликорусских говорах.

Следовательно, мононегативность – не заимствованное, исконное для русского языка, исторически развивающееся явление» [2, с. 15].

Таким образом, можно предположить, что с онтогенетических позиций мононегативность предшествует полинегативности; в отношении родственных индоевропейских русского и латинского языков это утверждение верно на примере исследуемых текстов Деяний святых апостолов. Данная точка зрения в перспективе должна быть проверена также сопоставлением старославянских и древнегреческих текстов Деяний.

Запрет – это важный инструмент регулирования поведения человека, универсальный способ построения одного из видов коммуникативного взаимодействия людей. В структуре Библейского текста запретительные поведенческие нормы словесно оформляются при помощи отрицательных частиц в глагольном императиве как в русском, так и в латинском варианте текста. Такие нормы являются базовыми для христианской цивилизации, указывают на нравственные ориентиры, открывают людям путь к Богу, Истине.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Бахарев А.И. Категория отрицания в русском языке: (Способы выражения и пути развития). – Ташкент: Фан, 1990. – 81 с.
3. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория – М.: Наука, 1983. – 213 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Русский язык, 2001. – 717 с.
5. Казимянец Е.Г. Способы выражения отрицания в современном русском языке: (Билингвальный анализ): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1987. – 20 с.
6. Латинский язык. Учебник для студентов педагогических вузов / Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. – М.: Высшая школа, 2003. – 384 с.
7. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (в синодальном переводе). – М.: Российское Библейское об-во, 2009. – 446 с.
8. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: морфология и синтаксис. – СПб.: Алетейя: Летний сад, 1998. – 430 с.
9. Таривердиева М.А. От латинской грамматики к латинским текстам (Латинское предложение: форма и смысл) – М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. – 174 с.
10. Тихомиров Б.А. К истории отечественной Библии// Российское Библейское общество. URL: http://www.biblia.ru/reading/new_translations/sinodal1.htm (дата обращения: 31.01.2011).
11. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 590 с.
12. Шендельс Е.И. Избранные труды. – М.: МГЛУ, 2006. – 354 с.
13. Православный поклонник на Святой земле. URL: http://palomnic.org/history/ort/sv_ot/bi/5/. (дата обращения: 01.02.2011).
14. Biblia sacra. Библия Vulgate [Электронный ресурс] // Latin Vulgate Bible: [сайт]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/bible/latin/vulgata.htm (дата обращения 10.12.2010).

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1.0

Новикова А.А.
Уссурийский государственный педагогический институт

О СТАНОВЛЕНИИ «ЧЕХОВСКОЙ АРТЕЛИ» В ОЦЕНКАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КРИТИКИ (К ИСТОРИИ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА)*

A. Novikova
Ussuriysk State Pedagogical University

ON FORMATION OF LITERARY SCHOOL OF CHEKHOVIAN TIME IN EVALUATIONS OF PREREVOLUTIONARY CRITICISM (TO HISTORY OF STATEMENT OF A QUESTION)

Аннотация. В статье раскрывается вопрос о состоянии русской литературы рубежа XIX-XX веков, месте А.П. Чехова и писателей-беллетристов в литературном процессе; даны суждения критиков и публицистов о появлении новых литературных талантов, не всегда правильно оценённых критикой, но, тем не менее, составивших ту литературную школу, во главе которой стоял Чехов; высказывается мысль о становлении чеховской «артели», как она была воспринята Михайловским, Меньшиковым и другими критиками конца 1880-1900-х годов.

Ключевые слова: литературный процесс, русские писатели, критики, творчество А.П. Чехова, литературная школа, «артель».

Abstract. The article deals with the question of the Russian literature's state at the turn of the 20th century and A. Chekhov's and fiction writers' place in literary process. The author provides judgments of critics and publicists about occurrence of the new literary talents that were not always correctly estimated by criticism, but, nevertheless, made that literary school led by A. Checkhov. The article is also devoted to the formation of Chekhovian "artel" as it was perceived by Mihaylovsky, Menshikov and other critics of the end of 1880-1900s years.

Key words: literary process, Russian writers, critics, Chekhov's creativity, literary school, "artel".

В 1880-е годы, когда А.П. Чехов выступил со своими первыми произведениями, ведущее положение в русской литературе занял малый жанр. «Современники, критики и писатели, одни раньше, другие позже, соглашаясь и протестуя, констатировали этот факт, – писал В.Я. Гречнев. – Многие из них усматривали здесь влияние моды, пришедшей к нам с Запада. Причём одни отнеслись к этой моде весьма сочувственно, полагая, что она соответствует духу времени и потребностям читателей. Другие считали, что эта мода «мало благоприятствует нормальному росту молодых дарований» [2, с. 4].

Творчество беллетристов 80-90-х годов XIX века, представленное, в основном, малыми жанрами (очерки, рассказы, сценки, были, сказки и легенды), нашло непосредственное отра-

* © Новикова А.А.

жение в современной им литературной критике. В газетах и журналах появилось обилие критических статей о новом поколении писателей, рассматривались вопросы и общие условия, в которых «находится ныне литература, и не одна литература» (Н. Михайловский), а и вся русская действительность последней трети XIX века. Достаточно назвать таких известных критиков либерального направления, как М.А. Протопопов и его «Письма о литературе» (1891, кн. 9; 1892, кн. 1, 2, 10-12, 19; 1900, кн. 3,4), Л.Е. Оболенский (1894, кн. 3, 8; 1895, кн. 8, 9), М.Н. Розанов (1900, кн. 4), А.М. Скабичевский (1899, кн. 4, 5), ведущих острую полемику на страницах «Русской мысли», и не только по вопросу о причинах «упадка» предшествующей литературы, но и о беллетристах новейшей формации. В этом же журнале публиковали свои статьи журналисты народнического толка – Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов, С.Н. Южаков, В.А. Гольцев. Известны работы писателей и критиков рубежа веков С.А. Венгерова, В.Л. Кинга (псевдоним – Дедлов), П.Л. Краснова, Д.С. Мережковского и многих других, высказывавших самые противоречивые мысли по поводу творчества Чехова и молодых беллетристов-восьмидесятников и их роли в литературном процессе.

Так, в «Русском богатстве» (1890, № 1) появилась статья Созерцателя (псевдоним критика Л.Е. Оболенского) «Новый поворот в идеях нашей беллетристики», в которой он, рассуждая о «Скучной истории» Чехова, оценил состояние литературы и высказал свою точку зрения об идеалах в литературе и о симптомах общего кризиса. «Литература конца 70-х и начала 80-х годов, – писал он, – была почти совершенно чужда вопросов общих, основных, о цели и смысле жизни вообще. Идеалы были, но это были идеалы прогресса общественного. Они всецело поглощали душу, так что не было места крупным сомнениям ни в самом смысле и цели этого прогресса, ни в средствах, какими можно было достигнуть его» [14, с. 95].

Отметив заслуги передовых писателей старого поколения, которые «приглашали обратить внимание на то, что нельзя пускаться в дальнюю неизвестную дорогу без компаса, который бы определил основные страны горизонта», Созерцатель выделил и «общие нравственные задачи и вопросы, лежащие в основе всех других вопросов», и «вечные задачи человеческой жизни, и вечные вопросы о смысле и цели жизни вообще». Он считал, что речь «отцов» не была услышана, её было «некогда слушать на перепутье, когда лошади стояли уже около крыльца, а вдалеке впереди ярко рисовалась в воображении станция с надписью «прогресс». Они обращали внимание на эту «станцию человеческой мысли», старались определить скорейшие и ближайшие пути к этой станции, исследуя частные вопросы о том, «какие формы должна иметь эта станция, на каких лошадях и экипажах к ней скорее доедешь» и т. д. Однако, по образному выражению критика, «в конце восьмидесятых годов путешественники не только сидят на том же месте и всё ещё собираются ехать, но сидят они уже без лошадей, без экипажей, без ямщиков, а главное, без всякой надежды и в полном унынии» [14, с. 96].

Его утверждение о том, что беллетристика этой второй эпохи погрузилась всецело в отчаянный и беспросветный пессимизм, апатию, безнадёжность и прострацию, без определённых идеалов и целей, тем не менее, полно надежды. Эту надежду даёт, по его мнению, повесть А.П. Чехова «Скучная история», появившаяся как раз в новую эпоху, когда «пессимизм и отчаянная безнадёжность конца 80-х годов сменяются мало-помалу призывами – критически разобраться в этом пессимизме» [14, с. 108].

О характерных чертах переживаемого писателями периода рассуждал и Протопопов, вступив в полемику со Скабичевским по поводу его статьи об А.П. Чехове и его повести «Жена», опубликованной в «Северном вестнике» (январь, 1892 г.). Отметив общее настроение в литературе, характерное для данного периода, Протопопов писал: «Повесть г. Чехова тем для наших целей и удобна, что тенденция её широка и, в то же время, фальшива. Это не личная ошибка писателя, не об-

молвка, – это некоторым образом знамение времени: равнодушие, вменяемое в достоинство, отсутствие определённых воззрений, поставляемое мудростью, беспринципность, возводимая в принцип» [8, с. 215].

Высказанные точки зрения с совершенной очевидностью указывают на то, что в рассуждениях критиков явственно ощущается конец одной эпохи в истории русской литературы и начало другой. Наступившая жесточайшая реакция после первомартовских событий 1881 года наложила характерный отпечаток на всю духовную жизнь России, вызвала кризис идей, волну отчаяния и пессимизма в сознании многих писателей и литературных критиков. Поэтому литература данного периода представляла в истории русского реализма сложный переходный характер, и, как справедливо заметил И.Н. Сухих, «привычные клише последующих историков литературы о времени, которое назовут чеховским, рождаются уже в рамках самой эпохи» [15, с. 21].

Отсутствие определяющей цели «трагически» переживалось целым поколением прогрессивных писателей той поры: В.Г. Короленко, В.М. Гаршиным, П.В. Засодимским, Н.Е. Карониным-Петропавловским, Н.И. Наумовым, А.И. Эртелем и, конечно же, А.П. Чеховым.

Например, в сознании Засодимского заметны были следы разочарования в прежних идеалах и того отчаяния, о чём в письме Ф.Ф Павленкову от 6 июня 1887 года он сообщал так: «О себе писать нечего. Живу плохо – с думами о будущем, а думы эти невесёлые»[1].

Наибольший интерес вызывают письма Чехова к своим друзьям и знакомым. Так, в письме А.С. Суворину 25 ноября 1892 года он, в частности, заметил, что «наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рождать только гуттаперчивых мальчиков…» [16, с. 133].

Чуть позже Чехов вновь будет сожалеть, что «у позднейшего поколения писателей и художников нет целей в творчестве», что это «явление вполне законное, последовательное и любопытное», но он «никогда не пишет того, что ему не по душе» (П 5, с. 137). Чехов считал, что цели для него необходимы, и он «охотно бы пошёл искать их». «А кто искренно думает, что высшие и отдалённые цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остаётся кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука» – читаем мы в письме Суворину 3 декабря 1892 года (П 5, с. 138).

Не раз говоря о своей идейной слабости, размышляя об «идейной бескрылости писателей восьмидесятых годов», Чехов «склонен был и самого себя причислять к этой же бесславной когорте». Ему приходилось, по мысли Г.А. Бердникова, «рассчитывать на самого себя», когда «опереться сколько-нибудь серьёзно, как ему казалось, было не на кого» [1, с. 98].

Однако Чехов, раздумывая в этот момент о смысле жизни, оставался, по нашему мнению, сыном своего века, он, как и многие писатели, приходил к убеждению, что необходимо какое-то время, чтобы прийти к определённым выводам и высказать свои суждения о литературе и современниках. В многочисленных письмах Чехова конца 80-х – начале 90-х годов к Короленко, Киселёвой, Суворину, Михайловскому и другим мы находим тому подтверждение.

Одним из тех, кто остро почувствовал перемены в жизни русского общества после разгрома революционного народничества, был публицист Михайловский, заметивший появление новой волны русской интеллигенции, растерявшейся в социально-политической обстановке 80-х годов и утратившей прежние идеалы старшего поколения. Это относилось и к русским писателям, которых критик либо хвалил за несомненную близость к народническим воззрениям (Г. Успенский, М. Салтыков-Щедрин, Н. Златовратский), либо отвергал за неопределённость взглядов (Ф. Достоевский, Н. Лесков и др.).

[1] РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 18. Засодимский П.В. Письмо Ф.Ф. Павленкову от 6 июня 1887 г.

Не всегда справедливо оценивая художественные достижения прозаиков, Михайловский, тем не менее, в каждом из них предугадывал большой талант. Так случилось и с Чеховым. Он, по нашему мнению, уверенно выделив Чехова из среды новых писателей, признал, что тот пока единственный талантливый беллетрист, что для него существует только действительность, в которой ему «суждено жить», и что «идеалы отцов и дедов над ним бессильны» [11, с. 21].

Заметим, что и Чехов неоднозначно относился к писателям народнического толка: положительно оценивая творчество Н.Н. Златовратского и А.И. Эртеля, он не очень высоко отзывался о рассказах П.В. Засодимского, часто спорил с Г.И. Успенским о задачах и целях русской интеллигенции [6, с. 43-44].

Говоря о когда-то звучавших именах критиков и публицистов конца XIX – начала XX века, мы пытаемся постичь картину ушедшего прошлого. Именно русская литературная критика «давно раздвинула границы литературоведения» и «вышла за пределы своих научных функций, заняла социально-политические позиции, что особенно ощутимо проявилось на рубеже столетий» [9, с. 49]. Отметим также, что газетная пресса 80-90-х годов ставила свои жёсткие, прежде всего идейные, условия писателям, «подчиняла себе их творчество, и далеко не каждый из них мог отстоять свою самостоятельность» [3, с. 91].

Так, В.Л. Кинг в статье «Беседы о литературе» (Книжки «Недели», 1891, № 5), дал оценку не только рассказам Чехова, но и совершенно справедливо, по нашему мнению, охарактеризовал, в отличие от Протопопова, состояние литературы и периодических изданий указанного периода. Вот что он писал по этому поводу: «Старый профессор г-на Чехова чрезвычайно верно судит о современной литературе. Несвобода – это действительно самое главное препятствие к развитию отечественной беллетристики. Профессор мог бы ещё прибавить, что вина ложится не на одних беллетристов. Тот, кто занимался этим ремеслом в последние десять-пятнадцать лет, может рассказать, что все эти «условности» и «контракты» очень часто против воли авторов навязывались им критикой и редакторами».

Указав на сложность этого времени, на отсутствие каких бы то ни было школ и направлений, он продолжал: «Последние десять-пятнадцать лет были мёртвым временем застывших направлений и окаменевших программ. Не подчиниться им, значило ничего не печатать. Сам Толстой должен был окончание «Анны Карениной» выпустить отдельным изданием, потому что автор, – вернее, некоторые герои романа не сошлись с Катковым во взглядах… на сербский вопрос! Если это случилось с Толстым, можете себе представить, как тяжелы были *контракты* для обыкновенных беллетристов. Один журнал обязывал хвалить молодёжь и хулить старое поколение; другой не допускал на свои страницы ничего против мужика; третий обязывал либеральничать; четвёртый был до того консервативен, что даже прокуроров новых судов требовал изображать в революционном виде» [5, с. 95].

Принципиально важен и другой момент, отмеченный Кингом. В беллетристике, – считал он, – «допускались только две краски: чёрная и белая, и горе было тому беллетристу, который выкрасил бы своих героев в серый цвет. Никто не напечатал бы такой повести. Счастлив был тот, кто мог обойтись без литературного заработка; а кто зависел от него, тому приходилось подписывать *контракты*, терять свободу и отучаться от настоящего творчества. В наши дни заметен поворот к лучшему, хотя только ещё поворот. Недавнее же прошлое со временем даст прелюбопытные анекдоты о направленской цензуре, которые немногим уступят в курьёзности анекдотам о чиновничьей цензуре сороковых годов, когда запрещалось дамские глаза называть небесными, а в поваренных книгах употреблять выражение: вольный дух» (5, с. 96).

Кинг вёл полемику с «эпигонской» критикой Михайловского и Гольцева, поднимал

на «щит» «маленьких» писателей, несправедливо третируемых критикой, а Чехов, с которым Кинг был знаком с 1892 года, был для него примером писателя, сумевшего одержать победу над убогим «направленством» критики, и стал «крупным явлением в нашей литературе».

Однако первым, кто, на наш взгляд, вступился за Чехова-писателя ещё в 1887 году, был критик и публицист, постоянный сотрудник «Вестника Европы» К.К. Арсеньев. В самой значительной своей статье «Беллетристы последнего времени» («Вестник Европы», № 12) он рассматривал жанровое разнообразие чеховского творчества, жанровую систему и её эволюцию, подхваченную многими его писателями-современниками (от сценки-анекдота до рассказа и большой повести). «Не в объёме рассказов Чехова нужно искать разгадку тому, что о них мало говорили наши журналы и газеты, – веско считает Арсеньев. – Ещё меньше это зависит от места первоначального их напечатания. Появляясь в газете, мало читаемой или просматриваемой второпях, случайный отдельный очерк рискует, иногда, остаться мало замеченным или недостаточно оценённым; но для целого ряда очерков, сколько-нибудь талантливых, этот риск весьма невелик, особенно если газета принадлежит к числу больших и распространённых. Он исчезает совершенно, как только очерки соединяются в *книгу,* для читателей которой совершенно безразлично её происхождение» (5, 45-46).

Акцентируя внимание на том, что «никак нельзя согласиться ни с теми, кто отрицает развитие дарования г-на Чехова и готов видеть в последних его произведениях начало конца, ни с теми, кто одинаково восхищается всем вышедшим из-под его пера», Арсеньев имел в виду чеховские сборники «Пёстрые рассказы» и «В сумерки». Он высказал свой взгляд на рассказы, включенные в эти сборники, и заключил, что талант Чехова «не подлежит, в наших глазах, никакому сомнению» (5, 54). И это было сказано уже тогда, когда творческий путь многих молодых писателей еще только определялся. Дебютировав небольшими рассказами, достигнув известного мастерства, они все переходили на новую дорогу, только «временами возвращаясь к прежней».

Создаётся впечатление, что у Чехова «не было сколько-нибудь ярких литературных ровесников: всё сколько-нибудь ценное в литературе или гораздо старше его, или развернулось значительно позже», – писал Михайловский в статье «Кое-что о Чехове» (впервые – «Русское богатство». 1900. № 4). Он выразил чёткую позицию и своё отношение к нему: «…г. Чехов начал свою литературную деятельность в необыкновенно трудное для начинающего писателя время… таланты, вероятно, рождались – почему бы им не рождаться? – но они быстро глохли, затеривались, задыхались в этой серой плоскости, как чахнут и сохнут растения при недостаточности света и влаги. Г-н Чехов уцелел, хотя долго расплачивался за грехи общества» [10, с. 523]. Поэтому споры, разгоревшиеся вокруг писателей-беллетристов 80-х годов, заслуживают самого пристального внимания в связи с поставленной нами задачей.

Прежде всего, спор в критике по поводу творчества Чехова и его соратников по перу в 1890-1900-е годы со всей очевидностью доказывает, что его имя как писателя было в центре внимания всей русской общественности. Об органичной связи художника с данным периодом «следует судить по той привязанности к дню сегодняшнему, который он описывал, как никто из современных ему писателей, со всей широтой и объективной мудростью» [7, с. 749].

Как отметил в начале XX века Пл. Н. Краснов, «особенно пленяет в г-не Чехове его самобытность и оригинальность. Он не похож ни на одного другого писателя», в русской литературе г-н Чехов стоит совершенно особо…» (5, 255). И вместе с тем, он относит Чехова к натуралистической школе с Л. Толстым во главе.

О литературе «чеховского» направления писали малоизвестные сегодня критики и публицисты, однако имевшие значительный вес в журналистике указанного периода. Так,

в письме Суворину от 24 февраля 1893 года Чехов не очень лестно отозвался о критике «Русской мысли» Протопопове, которого он недолюбливал за резкие порой оценки его рассказов. «Это рассуждающий, тянущий жилы из своего мозга, иногда справедливый, но сухой и бессердечный человек, – отмечал Чехов. – Лично я с ним не знаком и никогда его не видел; он обо мне писал часто, но я ни разу не читал. Я не журналист: у меня физическое отвращение к брани, направленной к кому бы то ни было; говорю – физическое, потому что после чтения Протопопова, Жителя (псевдоним реакционного публициста Дьякова. – А. Н.), Буренина (фельетонист «Нового времени. – А. Н.) и прочих судей человечества у меня всегда остаётся во рту вкус ржавчины, и день мой бывает испорчен. Мне просто больно. Стасов обозвал Жителя клопом; но за что Житель обругал Антокольского? Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачем Скабичевский ругается? Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах? Я не могу и не могу» (П 5, 173).

В письмах М.В. Киселёвой, которую Чехов считал «самой лучшей детской писательницей», встречаем подобные рассуждения о литературе и критиках. «Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном – таков литературный этикет… Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самолюбии»; «Прежде всего, я так же, как и Вы, не люблю литературы того направления, о котором у нас с Вами идёт речь. Как читатель и обыватель я охотно сторонюсь от неё, но если Вы спросите моего честного и искреннего мнения о ней, то я скажу, что вопрос о её праве на существование ещё открыт и не решён никем… У меня, и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу»; «Литераторы – сыны века своего, а потому, как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития. Так, они должны быть безусловно приличны. Только это мы и имеем право требовать от реалистов»; «Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы её отдали на произвол личных взглядов. Это раз. Во-вторых, нет той полиции, которая считала бы себя компетентной в делах литературы. Я согласен, без обуздывания и палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулера, но как ни думайте, лучшей полиции не изобретёте для литературы, как критика и собственная совесть авторов. Ведь с сотворения мира изобретают, но ничего лучшего не изобрели…» (14 января 1887 г.; П 2, 11-12). «Рецензии о себе я читаю почти ежедневно и привык к ним, как Вы, должно быть, уже привыкли к шуму дождя» (28 сентября 1887 г.; П 2, 121-122).

Помогая писательнице советами и рекомендациями, Чехов настоятельно рекомендовал ей продолжать писать: «Я рад за «Ларьку»… Следующий рассказ готовьте к марту, не стесняясь размером, но возможно короче. Теперь уж Ваше дело в шляпе и насчёт «Родника» можете быть покойны… Не забудьте: «Родник» не минуется критикою. Это привилегированный журнал, не чета «Детскому отдыху» (6 января 1888 г.; П 2, 168-169).

Одновременно Чехов, будучи внимательным и тонким критиком и читателем, больше излагает свои «полемические и ироническое» мысли в частной переписке и в личных беседах, хваля или ругая публицистов, нежели отвечая на ту или иную «ругательную» рецензию. Но он так и не нашёл «своего» критика среди современников.

27 октября 1887 года в письме Н.М. Ежову, молодому литератору, сотруднику юмористических журналов и фельетонисту «Нового времени», пользовавшемуся его вниманием и покровительством, Чехов рекомендовал писать как можно больше и не лениться. «Вы «начинающий» в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем составляет капитал будущего. Если теперь не будете приучать свою руку и свой мозг к дисциплине и форсированному маршу, если не будете спешить и подструнивать себя, то

через 3-4 года будет уже поздно. Я думаю, что Вам и Грузинскому следует ежедневно и подолгу гонять себя на корде. Вы оба мало работаете. Надо лупить во всю, направо и налево. Никак не уломаю Грузинского написать субботник! (газета, выходящая по субботам. – А. Н.). Вашу милость тоже никак не убедишь посылать рассказы в «Осколки» непременно к каждому №. Чего Вы оба ждёте, я решительно не понимаю. При скупой и робкой, нерешительной работе Вы дождётесь кукиша с маслом, т. е. испишетесь не писавши…» (П 2, 139).

Адресатами Чехова были также И. Леонтьев (Щеглов), К. Баранцевич, И. Потапенко и другие, но выделил писатель среди них «милого Жана», считая его «величиной». «Вы, не говоря уж о таланте, разнообразны, как актёр старой школы, играющий одинаково хорошо и в трагедии, и в водевиле, и в оперетке, в мелодраме", – писал он Леонтьеву (Щеглову) 22 февраля 1888 года. – «Это разнообразие, которого нет ни у Альбова, ни у Баранцевича, ни Ясинского, ни даже у Короленко, может служить симптомом не распущенности, как думают иные критики, а внутреннего богатства. Салютую Вам от души!» (П 2, 205).

Постепенно обрисовывается круг молодых беллетристов, с которыми Чехов ведёт постоянную переписку и которые всё больше и больше прислушиваются к мудрым советам своего учителя-наставника. Определяя свою творческую позицию в конце 80-х годов как общедемократическую, просветительскую, Чехов напишет об окружавшей его литературной среде в письме Суворину от 3 апреля 1888 года: «Из писателей последнего времени для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов и Маслов. Всё это очень хорошие и не узкие люди. Ясинский непонятен (это или добросовестный мусорщик, или же умный пройдоха), Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потёмках и сырости водосточных труб, все же остальные бездарны и сунулись в литературу только потому, что литература представляет собой широкое поприще для подхалимства, лёгкого заработка и лени» (П 2, 230). Чехов, как видим, очертил тот круг писателей, кого он принимал, а кого нет, к кому проявлял свои симпатии либо антипатию.

Через год Чехов вновь вернётся к этой мысли и убедительно выскажется в адрес своего, как он называет уже «нашего», поколения писателей в письме В.А. Тихонову: «Я, вопреки Вагнеру, верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни «слоном среди нас» и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а «восьмидесятые годы» или «конец XIX столетия». Некоторым образом, артель» (П 3, 174).

О литераторах чеховской эпохи мы находим интересные сведения в ряде статей известного на рубеже веков журналиста, литературного критика и публициста М.О. Меньшикова. Его работы, посвящённые личности Чехова, одновременно были полемически направлены против либерально-консервативных критиков, не понимавших особенностей его таланта и не сумевших в своё время оценить творчество многих русских писателей-беллетристов 80-90-х годов. Его суждения, наиболее полно отражавшие сложный и противоречивый пафос 90-х годов, раскрыты нами ранее в статье «М.О. Меньшиков о литературе и писателях 1890-х годов (из наследия критика)". Оценки, данные критиком, глубже раскрывают ту духовно-нравственную атмосферу, в которой приходилось творить Чехову и его соратникам. Подчеркнём еще раз очень важную мысль, что Меньшиков одним из первых обратил внимание на творческую молодёжь 80-90-х годов и выделил из этой «плеяды» талантливого, неповторимого, сверкающего всеми красками поэзии «корифея молодой беллетристики» – Чехова [12, с. 157].

Таким образом, заключая разговор о спорах, которые вела дореволюционная критика по поводу появления молодого поколения писателей, скажем, что в данный период в литературе начала создаваться чеховская школа. Исторически сложившееся в конце XIX

века разделение русской литературы на два течения («школа Чернышевского» и «школа С.-Щедрина») остаётся весьма ощутимым, тем не менее, уже в 80-е годы это разделение начинает стираться. Несмотря на следы пессимизма и разочарования в «эпоху безвременья», писатели-демократы обратили своё внимание к проблеме положительного героя (нужен был уже «герой своего времени»), к процессу нравственного возрождения личности, отстаивая в своих произведениях, по словам Б.П. Катаева, «законность человеческого стремления к полноте физического и духовного существования» [4, с. 69].

Наконец, принимая точку зрения Б.П. Катаева о «литературных спутниках» Чехова, отметим, что беллетристы связаны, прежде всего, с именем Чехова, с его творчеством. Их объединяли одни жанры, ситуации, типы героев, помогающие конкретнее представить литературную эпоху того времени и творческие личности каждого из них. Констатируя, что достижения Чехова-писателя, его эстетическая программа легли в основу многих произведений талантливой молодёжи, мы выделяем третье течение – «писатели-восьмидесятники». Взгляды некоторых во многом формировались под непосредственным влиянием Чехова в новую эпоху, в новых исторических условиях развития России. Поэтому поиски «героев времени», сюжетов, жанров, новой манеры разговора с читателем, отразившиеся в творчестве целого литературного поколения 80-90-х годов, позволили нам объединить их в «литературную школу Чехова», или «артель». Это – «тот литературный поток, над которым возвышается как вершина чеховское творчество» [4, с. 7].

Не претендуя на исчерпывающие пока сведения о литературных связях Чехова с беллетристами-современниками в данной статье, считаем, что у нас есть та огромная литература «второстепенных», которую нам предстоит ещё изучить.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердников Г.А. А.П. Чехов. Идейные и творческие искания. – М., 1984. – 511 с.
2. Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX-XX века. – М., 1979. – 208 с.
3. Есин Б.И. Чехов-журналист. – М.: МГУ, 1977. – 103 с.
4. Катаев Б.П. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. Б.П. Катаева. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
5. Кинг В.Н. Беседы о литературе // Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX века (1887-1914). Антология. – СПб., 2002. – С. 93-117. Далее в круглых скобках указаны страницы цитируемых текстов критиков по этому изданию.
6. Короленко В.Г. А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 34-46.
7. Кулешов В.И. А.П. Чехов //История русской литературы XIX века /под ред. В.И. Кулешова. – М., 2004. – С. 749-783.
8. Протопопов М.А. Письма о литературе / Русская мысль, 1892. – № 2. П. XIX. – С. 199-215.
9. Ланцева Н.В. В.С. Соловьёв и Д.С. Мережковский: обвинитель и защитник // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1990. – № 12. – С. 49-53.
10. Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе Х1Х – начала XX века. – Л., 1989. – 608 с.
11. Новикова А.А. Н. Михайловский о прозе А.П. Чехова 80-х годов // Поэтика русской и зарубежной прозы. Материалы международной научной конференции. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2001. – С. 21-23.
12. Новикова А.А. М. Меньшиков о литературе и писателях 1890-х годов (из наследия критика) / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М., 2009. – № 4. – С. 153-158.
13. См.: Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи /сост., статьи, подготовка текстов, примеч. А.С. Мелковой. – М., 2005. – С. 480.
14. Созерцатель. Новый поворот в идеях нашей беллетристики / Русское богатство, 1890. – № 1. – С. 95-112.
15. Сухих И.Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова // Pro et Contra.Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-начала XX века (1887-1914). Антология. – СПб., 2002. – С. 7-44.
16. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. – Т. 5. – М., 1977. – С. 678. Далее в круглых скобках указаны том и страницы писем.

УДК 821.161.1– 1

Рамазанова Г.Г.
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

ПОЭЗИЯ В.Г. БЕНЕДИКТОВА В ОЦЕНКЕ МОСКОВСКОЙ И ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРИТИКИ 1830-Х ГОДОВ*

G. Ramazanova
Bashkortostan State Pedagogical University named after M.Akmullah.

V. BENEDIKTOV'S POETRY IN THE MOSCOW'S AND ST. PETERSBURG'S CRITICISM OF 1830s

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые критические отзывы о поэзии В.Г. Бенедиктова, даровитого и оригинального поэта XIX века. В восторженной рецензии С.П. Шевырева, опубликованной в журнале «Московский наблюдатель», в частности, утверждалось, что лишь с приходом Бенедиктова в русской поэзии «явилась мысль». Однако наряду с этой спорной мыслью Шевырев справедливо отметил глубокую духовность, предельную откровенность «покаянной» лирики Бенедиктова. Рецензия вызвала резкий полемический отклик Ф.В. Булгарина, несогласного со столь высокой оценкой творчества начинающего поэта.

Ключевые слова: поэзия В.Г. Бенедиктова. «любомудры», критика С.П. Шевырева, Ф.В. Булгарина, «покаянная лирика».

Abstract. Some critical reviews of V. Benediktov's poetry, the gifted and original poet of the 19th century, are considered in the given article. S. Shevyrev's enthusiastic review in which he declared that Benediktov was the first who 'brought thought' to Russian poetry caused F.V. Bulgarin's polemic response. However, along with this disputable thought S. Shevyrev revealed true spirituality of 'penitential' lyrics of the novice poet and his judgment is represented as justified and fair.

Key words: V. Benediktov's poetry, S. Shevyrev's and F. Bulgarin's criticism, 'penitential lyrics'.

Рецензия С.П. Шевырева на сборник «Стихотворения Владимира Бенедиктова», вышедший в 1835 году, была одним из многочисленных положительных откликов, встретивших появление нового поэта [1]. Его поэзией в свое время увлекся даже В.А. Жуковский. По свидетельству И.И. Панаева, он «до того был поражен и восхищен книжечкою Бенедиктова, что несколько дней сряду не расставался с нею и, гуляя по Царскому саду, оглашал воздух бенедиктовскими звуками» [3, с. 100].

В обширном вступлении статьи Шевырева говорится о весьма скромном значении поэзии в отечественной словесности, анализируются причины охлаждения публики к ней. Ее главную причину автор усматривает в отсутствии мысли в лирических произведениях. Размышляя об эволюции русской поэзии, Шевырев выделяет в ней несколько периодов, первый из которых – период становления литературного поэтического языка, второй – период изящных форм, гармонии, и новый, современный период – период мысли. Критик приходит к выводу: «… Для форм мы уже много сделали, для мысли еще мало, почти ничего. Период форм, период материальный, языческий, одним словом, период стихов и пластицизма уже кончился в нашей литературе сладкозвучною сказкою: пора наступить другому – периоду духовному, периоду мысли!» [7, с. 442].

Оценивая состояние лирики, Шевырев руководствовался положениями выработанной

[8] © Рамазанова Г.Г.

«любомудрами» теории поэзии. Исследователь творчества Шевырева М. Аронсон говорит о теоретических воззрениях поэтов-философов следующее: «"Любомудры", в свою очередь, осознавая себя зачинателями новой поэзии, противопоставляли себя поэзии Пушкина и его сверстников. В книге Г. Кенига "Очерки русской литературы", написанной, как известно, при ближайшем участии Н. Мельгунова и отразившей литературные взгляды "любомудров", различаются три эпохи русской литературы XIX века. К первой отнесены Жуковский, Батюшков и Вяземский. Ко второй – Пушкин, Баратынский, Дельвиг, Языков, Козлов и даже Подолинский. Третью группу составляют "любомудры": Веневитинов, Шевырев, Хомяков – «и другие, еще не определившиеся». «Любомудры» не только не смешивали себя с пушкинскими эпигонами, но и прямо противопоставляли себя им…» [1, с. 13-14]. Принципиальный момент эстетики «любомудров» заключался в убежденности, что настоящей поэзии *мысли* «противопоказана» тщательность *отделки*, поскольку одно другому противоречит. По их мнению, стихотворение, «тяжелое» мыслями, должно быть нарочито неотделанным, грубым по форме, даже эпатирующим эстетическое восприятие. В «Послании к Пушкину», написанном в 1830 г., Шевырев рассуждал о неспособности русского языка служить поэзии мысли:

Так наш язык: от слова ль праздный слог
Чуть отогнешь, небрежно ль вынешь.
Теснее ль в речь мысль новую водвинешь, –
Уж болен он, не вынесет, кряхтит.
И мысль на нем, как груз какой, лежит!
Лишь песенки ему да брани милы [8].

Стихотворный сборник Бенедиктова, по мнению автора, кардинально меняет ситуацию. Критик говорит о начинающем поэте: «Вдруг, сегодня, нечаянно, является в нашей литературе новый поэт, с высоким порывом неподдельного вдохновения, со стихом могучим и полным, с грацией образов, но что всего важнее: с глубокою мыслию на челе, с чувством нравственного целомудрия и даже с некоторым опытом жизни… …Совершенно неожиданно раздаются его песни, в такое время, когда мы, погрузясь в мир прозы, уже отчаялись за нашу поэзию…» [7, с. 439-440].

Таким образом, творчество В. Бенедиктова, увлекшее и покорившее Шевырева, противопоставлено всему потоку российской лирики. По мнению критика, оно отличается двумя качествами, первое из которых особенно значимо: «Первая черта, которая выдается на физиогномии нового поэта – глубокий след мысли на челе его» [7, с. 442]. Надо заметить, что именно это утверждение вызвало абсолютное несогласие других критиков. Вторая черта лирики, проницательно подмеченная Шевыревым, – «могучее нравственное чувство добра, слитое с чувством целомудрия» [7, с. 446].

На первый взгляд это суждение о поэзии Бенедиктова представляется парадоксальным, особенно если иметь в виду, что больше всего упреков современников вызывала именно балансирующая на грани приличия эротичность его лирики. Шевырева, как становится понятно из контекста статьи, в лирике молодого автора привлекает беспощадная рефлексия, то, что он публично раскаивается в своих многочисленных пороках, не стесняясь обнажить глубоко скрытые, затаенные переживания. Смелость и откровенность самобичевания для Шевырева – показатель способности души к нравственному очищению и перерождению: «Поэт открыто, перед целым светом, не краснея, звучными соблазнительными стихами рассказывал повесть своих чувственных наслаждений… Новый поэт выходит в мир не без грешных признаний, не без воспоминаний виновных, но он выносит с ними или чувство какого-то чистого покаяния, или чувство первой, незабвенной любви, – и, наконец, выносит из жизни чувство веры и чувство благородного рвения за добро и правду» [7, с. 446-447].

В качестве иллюстрации своих мыслей Шевырев приводит стихотворение «К Н-му» (в статье перепечатано множество произведений целиком), сопровождая следующим

комментарием: «Еще обращу внимание на одно стихотворение, в котором кроме глубокого нравственного чувства выражается вопрос весьма важный, касающийся современных понятий супружества. Здесь этот вопрос разрешен со всею чистотою чувства; здесь поэзия целомудренна, непорочна, здесь Поэзия – добродетель» [7, с. 451].

Второе издание стихотворений молодого автора также было встречено многочисленными отзывами, один из которых – рецензия Ф.В. Булгарина, напечатанная в «Северной пчеле» [5]. Новый сборник стал не только поводом к оценке поэзии Бенедиктова, но одновременно – к заочной полемике с неизменным оппонентом – Шевыревым. Нет нужды напоминать, что Ф. Булгарин был беспринципным человеком, одиозной фигурой. Однако нельзя отрицать очевидного – он обладал эстетическим чутьем критика. Статья не имеет заглавия, подписана псевдонимом – Р. М. (Фаддей Булгарин или Родственник Магомета). Не называя имени Шевырева, автор говорит о ничем не оправданной восторженности, с которою им был встречен первый сборник поэта, порицает излишнюю щедрость авансов, которые выдал маститый критик молодому дарованию. Нельзя не согласиться со справедливыми упреками к Шевыреву, поскольку его рецензия явно отличалась некорректным отношением к другим русским поэтам. Руководствуясь своей внутренней логикой, движимый желанием подчеркнуть значение творческого вклада Бенедиктова, Шевырев несколько предвзято оценил ситуацию в отечественной поэзии. Булгарин указывает на это: «Между тем, известный Московский критик, печатающий свои статьи в Московском Наблюдателе, встретил стихотворения Бенедиктова неумеренною похвалою, очень похожими на шутку или насмешку. По его мнению, Г. Бенедиктов – ни больше, ни меньше – первый поэт Руси. Глубокомысленный критик забыл, на этот раз и Державина, и Пушкина, и Жуковского, и Батюшкова, и Богдановича. Мы не говорим уже о наших второстепенных поэтах, которые все выше господина Бенедиктова. Г. Шевырев, в припадке лирического восторга, забыл, что всякая похвала должна иметь границы, что 48 стихотворений, каждое в полторы страницы длиною, не могут создать огромной репутации поэта» [5, с. 1-2].

Столь восторженное отношение к творчеству молодого поэта, по мнению Булгарина, крайне вредно для него самого: «С таким талантом, г. Бенедиктов наживет многих врагов и многих приятелей. За врагов мы не боимся… да сохранит его Аполлон от приятелей, *ласковых хвалителей*, которые *безотчетною лестью* иногда убивают дарование, поселяя в них самонадеянность, недоверчивость к строгому совету, и презрение к дельному замечанию» [5, с. 2].

Рецензент отмечает неприличную двусмысленность эротических стихов Бенедиктова. В этой связи он пишет: «Жаль, что почтенный автор не заблагорассудил выключить из второго издания некоторые соблазнительные и не совсем пристойные картины, о которых ему говорила критика. … Идеалы его слишком телесны. Его Матильды и Адели хороши только *грудными волнами, глазками* и пр. Как будто в женщине ничего быть не может, кроме наружности! Это самое прозаическое понятие о прекрасной половине человеческого рода» [5, с. 2]. Чтобы доказать свою мысль, Булгарин выписывает строки, кажущиеся ему абсолютно неприличными: «К числу их (непристойных картин. – Г. Р.) мы причислим картину, как *девушка видит лукавый сон, как магнитные перси притягивают железные сердца и, как от верховой езды*… Ну да говорить нельзя: см. стр. 25» [5, с. 2]. Критик даже не решается сделать полную выписку из текста, настолько грубо-непристойными кажутся ему стихи начинающего поэта.

Творческие промахи, неудачные поэтические образы – следствие смелого экспериментирования, упорной работы со словом. Бенедиктов декларировал свое поэтическое кредо в стихотворении «Отрывки» (1837): «Изобретай неслыханные звуки, / Выдумывай неведомый язык!» «Неведомый язык», действительно, мог шокировать публику, привыкшую к эстетической безупречности

и выверенности словесного высказывания в лирике пушкинского периода.

Булгарин соглашается с Шевыревым только в высокой оценке пейзажной лирики поэта: «Его *Утес, Степь и Могила* истинно прекрасны. Эти три стихотворения как будто писаны другим человеком; их сравнивать нельзя с остальными стишками о глазах, бровях и прочем. В этих трех стихотворениях есть мысль, стих силен, выражение точно и правильно; нет изысканности, нет изнеженности, которые проглядывают в остальных пьесах» [5, с. 3]. Абсолютное несогласие критика вызывает главная идея Шевырева, утверждавшего, что Бенедиктов по преимуществу «поэт мысли», он безоговорочно относит Бенедиктова к поэтам «выражения», заодно высказывает свои собственные взгляды на современную поэзию. Булгарин определяет «ниши» для наиболее заметных лириков своего времени: «Прилежное изучение стихотворений Бенедиктова убедило нас, что он будет замечательным стихотворцем, но не поэтом; что он будет удачно рисовать картины, как Баратынский, как Языков, как Подолинский, но он не будет поэтом мысли, как Пушкин, как Жуковский, как Федор Глинка. Его пластическое направление много повредит его прекрасному дарованию. Кто раз прилепится к вещественности, тому трудно от нее оторваться. Пластический поэт получает, как древний гигант, всю силу от земли; в небесах ему тесно и душно! Кто предался поэзии косынок, дымки и помады, тот не вознесется в высшую сферу бытия, где живет душа» [5, с. 4]. Можно констатировать, что, в отличие от Шевырева, увидевшего философское начало в лирике Бенедиктова, Булгарин нашел в ней лишь сугубо «земное» – упоение красотой женщины, природы. Близость пафоса, поэтики стихотворений Бенедиктова и Языкова не вызывают сомнений, но включение в этот ряд Баратынского представляется не просто сомнительным, но абсолютно неоправданным.

Неумеренность похвал Шевырева действительно нанесла репутации Бенедиктова вред. Годы спустя Чернышевский в статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855-1856) тоже вспомнил о комплиментарной рецензии Шевырева, считая ее очевидным промахом критика [6]. Категоричное утверждение, что лишь с его приходом в русской поэзии «явилась мысль» было справедливо воспринято критикой как недопустимое преувеличение, насмешка над здравым смыслом. Некоторые проницательные современники Бенедиктова разглядели псевдофилософский характер размышлений молодого поэта. Исследователь творчества Бенедиктова, которого трудно заподозрить в недооценке значения его поэзии, отмечал: «Куда хуже обстояло дело с упорным желанием Бенедиктова размышлять в своих стихах о судьбах мира и человека, кометах и звездах, золотом веке и геологических переворотах. В полном соответствии с теорией “поэзии мысли” Шевырева он вдохновенно философствовал, что весьма нравилось ученому кружку любомудров из журнала “Московский наблюдатель” …. Однако самобытный мыслитель Иван Киреевский скоро понял, что речь идет о мнимо глубоком философствовании на мелких местах: “Наша публика и шевыревская партия восхищаются Бенедиктовым и прочими рифмоплетеньями, где поэты без мыслей притворяются мыслящими потому только, что прочли несколько немцев, не понимая, может быть, половины”. И был прав» [4].

Но не все оценки Шевырева можно и нужно подвергать беспощадной критике. Некорректно оформленное суждение о «поэзии мысли», явившейся в русскую словесность только с приходом Бенедиктова, заслонило собой другую важную идею Шевырева. Он, кроме всего прочего, давал справедливо высокую оценку «покаянной» лирике молодого поэта. Критики, вступившие с ним в полемику, на эту мысль Шевырева попросту не обратили внимания. Между тем, Шевырев пророчески предсказал, чем именно будет дорога поэзия Бенедиктова читателям. Показательно суждение М.М. Дунаева, которое в основных моментах совпадает с оценкой С.П. Шевырева, подтверждая ее правоту: «Из

глубины времени обращая к нам жёсткие вопросы, поэт указывает каждому его собственную вину в собственных же бедах. Поэт полностью бездарный и неоригинальный никогда не сумеет одолеть жёстких границ своего времени, а если и ответит сочувственно настроениям и потребностям душевным какого-то круга читателей, то ненадолго. Поэзия Бенедиктова в лучших, хоть и немногих образцах своих одухотворена искренней верой и исконно православным стремлением к смирению и покаянию, – а это верный признак истинной духовности высших проявлений его поэтического мироосмысления» [2].

Между ученических, рассчитанных на эпатирующий эффект строк, Шевырев увидел емкое содержание, заметил глубокую духовность лирики начинающего поэта. Бенедиктов творчески эволюционировал, и с годами он не только не растратил своего самобытного дарования, а многое приобрел. Произведения шестидесятых-семидесятых годов, такие как «Желания» (1866), «Поздно» (1866), «Бессонница» и другие свидетельствуют о творческой зрелости Бенедиктова. Они просты по форме, лишены каких-либо образных «излишеств», емки по содержанию. Несколько строк из стихотворения «Поздно»:

Время шло. Время шло. Не считали мы дней.
Нас надежда все вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей,
А она между тем утекала.
. . . . . .
Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,
Изнуряли сердца, напрягали умы,
Да о будущем все рассуждали [4, с. 237].

Но эти достижения – дело далекого будущего, современники судили тот поэтический материал, который им был предоставлен, и, критикуя его за вычурность образов и непривычный «фигурный язык», все-таки разглядели много достоинств в лирике Бенедиктова. Можно констатировать, что творческое наследие поэта сейчас вновь привлекает внимание, переосмысливается критическое отношение к «бенедиктовщине», во многом предопределенное строгими оценками В.Г. Белинского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аронсон М. Поэзия С.П. Шевырева // С.П. Шевырев. Стихотворения. – Л., 1939.
2. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие в русской литературе XVII-XX вв. Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. URL:http:www.bogoslov.ru/text/1097177/index.html (дата обращения 6.12.2010).
3. Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М., 1988. – 420 с.
4. Сахаров В.И. В.Г. Бенедиктов: Поэзия и судьба // В.Г. Бенедиктов. Стихотворения. – М., 1991. – 295 с.
5. Северная пчела, 1836, № 144, с. 1-4.
6. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полное собрание сочинений: В 15-ти тт. – М., 1948, т. III. – С. 92-93.
7. Шевырев С.П. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» // Московский наблюдатель, 1835, часть III. – С. 439-459.
8. Шевырев С.П. Стихотворения. “Библиотека поэта” (Б. с), 1939.URL: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0190.shtml (дата обращения 9.12.2010).

УДК 82.0

Солдаткина Я.В.
Московский педагогический государственный университет

МИФОПОЭТИКА РОМАНА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ*

Y. Soldatkina
Moscow Pedagogical State University

MYTHOPOETICS IN B. PASTERNAK'S NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO": CULTURAL-HISTORICAL AND UNIVERSAL THEMES

Аннотация. Статья посвящена особенностям мифопоэтики итогового романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Показано, что мифопоэтическая система романа не исчерпывается христианскими мотивами, которые к тому же выступают у Пастернака в трансформированном виде. Отмечено то влияние, которую оказали на мифопоэтическую семантику романа идеи русской религиозной философии. Механизм мифопоэтизации, выработанный Пастернаком, строится на придании конкретным явлениям и фигурам обобщенно-символического значения; а также на вторичной мифологизации литературно-поэтических и ряда христианских образов. Мифопоэтика романа ориентирована на воссоздание целостного образа отечественной культуры («культурологический миф»), осмысляемой в историческом и в мистическом контекстах.

Ключевые слова: мифопоэтика, символика, мотив, аллюзия, семантика, композиция, культурологический миф, русская религиозная философия.

Abstract. The article describes the characteristics of the mythopoetical structure of the final novel of B. Pasternak "Doctor Zhivago". The article demonstrates that the mythopoetical structure of the novel is not limited to Christian themes which are also being transformed by the author. The article further analyzes the influence of the Russian religious philosophy on the mythopoetical semantics of the novel. The mechanism of mythopoetical structure presented by Pasternak is being created by means of attributing a general symbolic significance to specific events and characters and also by secondary mythologization of literary-poetic and Christian themes. Mythopoetics of the novel intends to recreate the concept of the author's native culture in its entirety ("cultorological myth"), which is being portrayed in historical and mystical contests.

Key words: mythopoetic, symbolism, motive, allusion, semantics, composition, culturological myth, Russian religious philosophy.

Роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» подводит итог авторским размышлениям об истории и человеческом предназначении, о нравственном долге личности, о судьбах отечества и революционного поколения. В эстетическом плане пастернаковский текст вступает в диалог с классической русской литературой XIX века и с литературой и культурой рубежа веков, что позволяет говорить о специфическом «обобщающем» характере повествования. Эта «итоговая» семантика проявляется на всех уровнях проблематики и поэтики романа, предметом же данной статьи станет мифопоэтическая система романа и те ее особенности, которые позволяют Б.Л. Пастернаку воссоздать символический обобщенный образ поколения и всей России первой половины XX века.

Отметим, что мифопоэтические мотивы и образы пастернаковского романа неоднократно попадали в фокус исследовательского внимания. Самые очевидные и популярные сопоставления проведены между образом Юрия Живаго и образом Христа, Лары и Марии

* © Солдаткина Я.В.

Магдалины, между треугольником Комаровский-Лара-Живаго и сюжетом о змееборце Св. Георгии (см. [6], [9]). В таком ракурсе мифопоэтический сюжет романа определяется как реализация «центральной для мифологического моделирования современности <…> мифологемы умирающего и воскресающего богочеловека» [7, с. 218]. Безусловно соглашаясь с этим заключением, заметим, что оно не учитывает свойственной «Доктору Живаго» тенденции к созданию многопланового повествования не только о личности, но и обо всей стране в контексте как историческом (революции и войны), так и мистическом (путь от Христова воскресения к будущему концу истории – Страшному суду). Мифопоэтическая система романа не исчерпывается только христианскими аллюзиями, поскольку, помимо «сакральной», роман наделен и национальной символикой, выражаемой во многом через посредство мифопоэтических образов культурологического генезиса.

Укажем на наиболее значимые, с нашей точки зрения, из мифопоэтических мотивов и тем, предварительно классифицировав их. Многочисленны примеры пастернаковских аллюзий на классические произведения русской прозы XIX века: здесь и пушкинская «Капитанская дочка», и толстовская «Анна Каренина», и романы Ф.М. Достоевского. Типологическое сходство Лары с Настасьей Филипповной подчеркивается, по принципу метонимической связи, именем ее брата Родиона, уход Живаго из партизанского отряда синонимичен «дезертирству» Гринева, о толстовском романе «напоминают» «железнодорожная» смерть отца главного героя и собственная смерть Живаго на трамвайных рельсах, близкая отцовскому прыжку с поезда. Тем самым в пространство оригинального пастернаковского текста включаются узнаваемые сюжеты и коллизии, становясь своеобразным «фундаментом», на котором Пастернак «выстраивает» здание своего романа. Воспроизводимые Пастернаком ситуации и черты персонажей приобретают в романе статус «архетипа», превращаясь в своего рода культурные «гены», зримым образом указывающие на осознанную Пастернаком преемственность создаваемого им текста по отношению к русской прозе XIX века.

Следующий уровень литературных аллюзий, наделенных повышенным мифопоэтическим смыслом, связан со знаменитыми образами западно-европейской литературы, к XX веку приобретших статус «литературного мифа». Таковы в романе упоминания доктора Фауста, обращение к образу Гамлета. В данном случае для нас значима не столько трактовка гамлетианской темы в «Докторе Живаго» [1], сколько несомненное стремление Пастернака переосмыслить шекспировского героя в соответствии с собственными художественными задачами – и тем самым отдать дань мифологизации Гамлета. Тем более, что в самом тексте стихотворения нет ни одной прямой отсылки к собственно шекспировскому тексту; а имя Гамлета в заглавии еще яснее указывает не на «интертекстуальное», но именно на мифологизированное обращение к образу принца Датского, в котором педалируются не столько конкретные «шекспировские» смыслы и обертона, но, скорее, различные «мифологические» традиции восприятия Гамлета. Прежде всего, конечно, рецепция Гамлета в русской литературе: и знаменитое блоковское «Я Гамлет. Холодеет кровь…», и тургеневское эссе «Гамлет и Дон Кихот», главный конфликт которого «безволие/деятельность» будет по-своему переосмыслен Пастернаком в противопоставлении Живаго и Стрельникова. К этим литературным ассоциациям Пастернак прибавляет и христианскую, заставляя лирического героя стихотворения цитировать евангельское моление о чаше. Литературные «образы-мифы» дополнительно мифопоэтизируются Пастернаком, участвуя в создании общей мифопоэтической структуры романа и сообщая повествованию универсальный характер.

Особую категорию составляют в романе имена великих предшественников Пастернака, в частности, А.А. Блока и А.С. Пушкина. Выше уже указывалось, что сюжеты и герои предшествующей русской литературы выполняют в романе функцию некоего архе-

типа, подвергаясь мифопоэтическому переосмыслению. Но следует отметить, что сами художники – поэты и прозаики – приобретают в романе мифологические черты. Не останавливаясь подробно на «блоковской» теме в романе «Доктор Живаго», напомним, что в сознании Живаго возникает желание написать статью о Блоке, которое затем отвергается героем. Действительно, статья предполагает исследовательско-фактографический подход к объекту рассмотрения, тогда как для Живаго Блок представляется органическим явлением русской культуры, символом своей эпохи – как в социокультурном, так и в литературно-философском планах: *Вдруг Юра подумал, что Блок – это явления Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом* [3, с. 82]. Характерно, что тот семантический ряд, в котором употреблено имя Блока, связан не только с собственно литературой; наоборот, Пастернак всячески подчеркивает мифологическую всеобъятность «явления Блока», чтобы затем уровнять его в правах с подлинно мифологическим сюжетом – Рождеством и поклонением волхвов.

Не менее символично в самом прямом смысле этого слова в романе и имя Пушкина. Он не просто обозначает для Живаго определенный тип творческого поведения, отношения к жизни («русская детскость» [3, с. 390], «славословие честному труду, долгу, обычаям повседневности!» [3, с. 390]) и противопоставляется по этому признаку «Гоголю, Толстому, Достоевскому» (само однородное перечисление подобных фамилий говорит о том, что для Пастернака в данном случае эти авторы важны не как творческие индивидуальности, но как носители и выразители некой жизненной позиции, символы «правдоискательской», «учительской» линии русской литературы). Для Пастернака Пушкин, как и Блок, мыслится «плотью от плоти» русской жизни, ее наиболее ярким самовыражением, способным объять и воспроизвести в своем творчестве самое жизнь: *Точно этот, знаменитый впоследствии, Пушкинский четырехстопник явился какой-то измерительной единицей русской жизни, ее линейной мерой, точно он был меркой, снятой со всего русского существования подобно тому, как обрисовывают форму ноги для сапожной выкройки, или называют номер перчатки для приискивания ее по руке, впору* [3, с. 389]. В этом рассуждении литература не просто предстает «проекцией жизни», но, скорее, ее максимально ясным и четким образом. Но при этом сами писательские фигуры лишаются конкретных черт, переходя в разряд культурологических символов-«мифов», в свернутом виде «кода» аккумулирующих в себе информацию о России. В «Докторе Живаго» имена Блока, Пушкина, в меньшей степени Толстого Достоевского, Чехова, Маяковского, несут в себе специфический мифопоэтический смысл, участвуя в воссоздании образа России, ее культуры, истории ее духа, которая, по мысли автора, и есть подлинная история страны.

Тем самым, мы можем утверждать следующее: различные аллюзии и реминисценции, «литературные» по своему происхождению, обретают в пастернаковском романе статус «культурного мифа», который, во-первых, вписывает события романа в общекультурный контекст российской жизни последних столетий; во-вторых, способствует воссозданию духовного портрета поколения; в-третьих, соотносит революционную эпоху с общеевропейским и общемировым культурно-философским развитием.

Не менее значительный пласт ассоциаций связан в романе с христианскими образами, ритуалами, идеями. Общеизвестны слова Б.Л. Пастернака из письма к О. Фрейденберг: «Атмосфера вещи – мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское или толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным» [4, с. 655]. Обращает внимание то, что Пастернак

особо подчеркивает «личностный», окказиональный и при этом внеконфессиональный характер того христианства, которое отражается в романе. Христианские сюжеты и образы в «Докторе Живаго» подвергаются значительной трансформации, становясь истоком для построения собственных авторских мифопоэтических образов. На наш взгляд, данная тенденция несет на себе следы влияния такого культурного феномена, как русский религиозный ренессанс, отразивший потребность в «культурной реформации» канонического православия, в «сближении» религии и культуры и в какой-то мере обосновавший возможность «творческих» трактовок евангельских идей, образов, метафор. Фигура Николая Веденяпина, яркого христианского философа и духовного «воспитателя» Юрия Живаго, проговаривающего авторские взгляды на историю и христианство, немыслима вне контекста русского религиозного ренессанса. При этом значимо в ней и то, что Пастернак в первом же эпизоде, посвященном Веденяпину, выводит священника, расстриженного по собственному желанию, из узких рамок канона в «живую жизнь», которая не будет сковывать и ограничивать философскую мысль. Одновременно образ Веденяпина становится своего рода символом определенного умонастроения эпохи, той культурной атмосферы, которую стремится воссоздать Пастернак.

О рецепции Пастернаком различных идей и тем русской религиозной философии написано достаточно (см., например, [5], [8]), но для избранной нами темы важнее не столько установить самый факт рецепции основных идей русского религиозного ренессанса («всеединство», «творческое бессмертие») но показать, что указанные идеи «воплощаются» в тексте на художественном уровне, реализуясь, в частности, в плане мифопоэтическом. Концепции и отдельные философемы обретают в пастернаковском романе свою «плоть и кровь», философская доктрина трансформируется в своего рода художественный миф.

Рассмотрим данный тезис на примере мотива «вечной памяти», сопряженного в русском религиозном ренессансе с идеями бессмертия и творчества (см. [2], [10]), а в романе Пастернака наделенного специфическим мифопоэтическим значением. Напомним, что роман открывается провозглашением «вечной памяти» усопшей матери главного героя*: Шли, и шли, и пели «Вечную память…», «Кого хоронят?... «Живаго». «Вот оно что. Тогда понятно.» – «Да не его. Ее.» – «Все равно. Царствие небесное. Похороны богатые* [3, с. 6]. Семантическое поле отрывка соединяет в себе понятия вечной памяти (как церковного ритуала), памяти как причастности царствию небесному и оксюморонное подтекстное утверждение жизни умершего «живого». Это крайне близко, в частности, концепции о. П.А. Флоренского, утверждавшего, что трижды возглашаемая при отпевании «Вечная память» уже есть «победа над смертью» [10, с. 195], поскольку «быть в раю» это и значит быть бытием в вечной памяти, и как следствие этого, иметь вечное существование» [10, с. 194].

Развиваясь из точки похорон к точке конечного символического воскресения Живаго, мотив вечной памяти аккумулирует в себе религиозный и философский смыслы. Напомним знаменитые слова Живаго о человеческой памяти: *Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душою, вашим бессмертием, вашей жизнью в других. И что же? В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего* [3, с. 69].

Самого Живаго по-церковному не отпевают. И дело тут, думается, не только в атмосфере антирелигиозной пропаганды конца 1920-х годов. С нашей точки зрения, для Пастернака истинное воскресение Живаго внецерковно, оно лежит в иной, неканонической плоскости. И в данном случае композиционное кольцо, соединяющее начальные похороны Марии Живаго и финальные похороны ее сына, призвано подчеркнуть эту мысль. При

этом необходимо особо отметить, что, отказываясь от церковного канона, Пастернак создает эпилог, в котором и совершается подлинное, с точки зрения автора, воскресение героя. Автор раскрывает это воскресение через творчески переосмысленные в русле русского религиозного ренессанса идеи творчества как бессмертия.

По мысли уже цитированного нами о. Павла Флоренского, «творчество жизни осуществляет память о творившем» [10, с. 196-197]. По сути, эта доктрина типологически близка семантике эпилога романа «Доктор Живаго», в котором символическое поминовение о творившем совершается, в первую очередь, в чудесным образом обретенной дочери Татьяне и, во вторую, в читаемых друзьями Живаго его стихах. Так на втором этапе композиционного кольца провозглашается «вечная память»/воскресение по-пастернаковски.

В третьем же финале романа – в последнем стихе из цикла «Стихотворений Юрия Живаго» – о непременном будущем воскресении и вечной жизни, уподобленной течению реки, говорит сам Иисус. Между строк возникает там и образ Царствия Божия, в которое к Христу *на суд, как баржи каравана, // Столетья поплывут из темноты* [3, с. 548]. Так роман, с одной стороны, оказывается полностью ограничен смысловым кольцом решения темы памяти/бессмертия, но, с другой, Пастернак преодолевает это кольцо, последовательно разрушая церковный ритуал и заменяя его своим – творчески пропущенным через личное восприятие христианством. Подчеркнем, что все стадии трехчастного финала наделены мифопоэтическим значением. Первый финал: отказ от церковных похорон, известие о потере ребенка, перекликающееся с ранним сиротством самого Живаго; второй финал (эпилог): символическое воскресение Живаго в дочери и в творчестве; третий финал («Стихи Юрия Живаго»): утверждение будущего воскресения Христа как залога всеобщего воскресения, как осевого события всей мировой истории (пастернаковский эскиз Царствия Божия). Через привлечение мифопоэтической символики, рожденной при переосмыслении философем русского религиозного ренессанса, автор развивает в тексте собственную художественную трактовку творческого бессмертия личности. С этой точки зрения принципиально важно, что мифопоэтика христианских мотивов и тем у Пастернака носит не только универсальный общечеловеческий, но – за счет обращения к русской религиозной философии – специфически российский, национальный характер.

Обобщая вышесказанное, резюмируем: мифопоэтическая система романа «Доктор Живаго» строится двояким образом. С одной стороны, Б.Л. Пастернак обращается к ведущим христианским образам и героям, которых при этом переосмысляет в соответствии с собственными представлениями (из образов «мифологических» они становятся мифопоэтическими); с другой, аллюзии на литературные сюжеты и коллизии, литературных героев, фигуры русских поэтов и писателей существенно мифопоэтизируются автором, принимая участие в создании целостного образа России и российской культуры. Механизм мифопоэтизации, выработанный Пастернаком, основан на переведении конкретного в обобщенно-символический план; а также на «вторичной мифологизации» литературно-поэтических и ряда христианских образов. Такое построение мифопоэтической системы романа позволяет мифопоэтике выполнять связующую функцию между конкретно-историческими и общечеловеческим аспектами повествования, осмыслить описываемые в романе события с точки зрения как истории российской культуры и общества, так и с христиански-сакральной, общемировой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимова А.С. Английская тема в прозе Б.Л. Пастернака: Дисс… канд. филол. наук. – М., 2007.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Он же. Философия творчества, культуры, искусства. – Т. 1. – М., 1994. – С. 37-341.
3. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. – Т. IV. – М., 2004.

4. Пастернак Б.Л. Письма // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 3. М., 1990.
5. Семенова С.Г. Федоров и русская литература XX века. Б.Пастернак // Семенова С.Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М., 1990. С. 373-381.
6. Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. М., 2002.
7. Скороспелова Е.Б. Русская проза советской эпохи (1920 – 1950-ые годы). М., 2002.
8. Суриков В. Тайная свобода Юрия Живаго // Московский вестник, 1990. № 3. С. 216-238.
9. Фатеева Н. А. Поэт и проза. М., 2003.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Полутом I. М., 1990.

Публикации аспирантов

УДК 82-96

Жаворонок И.А.
Тверской государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦВЕТОВОЙ ДЕТАЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.Е. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»)*

I. Zhavoronok
Tver State University

PECULIARITIES OF USING OF COLORFUL DETAIL IN MODERN PROSE (ON EXAMPLE OF THE NOVEL BY L. ULITSKAYA "DANIEL SCHTEIN, THE INTERPRETER")

Аннотация. Автор статьи анализирует использование цветовой детали в романе современной писательницы Л.Е. Улицкой. Доказывает, что цветовая художественная деталь служит для характеристики литературных героев, построения сюжета произведения. Автор классифицирует героев в соответствии с характеристикой через использование ими цвета. Особое внимание уделено соотнесению белого и черного цветов, а также световой характеристике персонажей.

Ключевые слова: символ, герой, художественная деталь, характер, цвет.

Abstract. The author of the article draws attention to the depiction of colour in the novel by a contemporary writer Lyudmila Ulitskaya, and proves that the depiction of colour is of great importance since it explains the characters' personalities and predetermines several events in the story. The author classifies the characters with accordance to description through their usage of a colour. The special attention is given to correlation of white and black, and light classification of characters.

Key words: symbol, character, artistic detail, personality, colour.

Роман Улицкой – многоступенчатая конструкция, сложно организованная сюжетно и композиционно. Художественный мир романа, несмотря на большое количество персонажей, сюжетных линий, сложную пространственно-временную организацию, отличается стройностью и логикой, точностью словоупотребления, выверенностью каждой детали.

На более чем пятистах страницах романа «Даниэль Штайн, переводчик» цветовые детали встречаются всего 121 раз. Белый – 20 раз, черный – 25, красный – 25, золотой – 14, зеленый – 7, синий (голубой) – 10, коричневый – 6, рыжий – 7, серый – 7 раз. Это обусловлено жанром романа, в котором «принципиально стёрты грани между подлинной и художественной реальностью» [5], использован приём художественной стилизации документальной прозы, снабжённой псевдодокументами и свидетельствами очевидцев. Но эта «скудость» цвета имеет свою четкую систему, помогающую понять идею романа, его образный мир.

По отношению к миру, определению жизненных принципов и самого смысла жизни геро-

* © Жаворонок И.А.

ев легко разделить на три группы. Первая – самая многочисленная – люди, живущие в «чёрно-белом» мире.

Совсем не обязательно проявление негибкости мышления через белый и чёрный цвет. Цвета могут меняться: белый и красный (русская революция), красный и коричневый (война с фашистами), жёлтый и зелёный (звезда Давида и мусульманское знамя). Главное, что герои ощущают себя частью строго поляризованного мира, в котором есть приверженцы их взгляда на мир и враги (то есть все остальные). Важным для автора является принцип создания цветообозначений, которые «маркируют принадлежность героев к различным уровням бытия» [3, с. 4].

Черный цвет не является в данном романе контрастом белого, а входит в единый ряд. Используется он в тексте 25 раз, и восемь из них – в описании одежды людей глубоко верующих: черная шляпа хасида, которого Даниэль везет в своем мотоцикле. Черное одеяние матери Аурелии, настоятельницы монастыря «Сестры Воскресения». Жаль только, что вера их иногда приводит к фанатизму, люди утрачивают способность мыслить здраво, идеи для них становятся важнее истины и доброты. Эва в письме к Эстер рассказывая о посещении Гроба Господня, пишет о толпе «чёрных старух», туристов, служащих, выстраивавшихся в очередь. Их присутствие мешает откровенной «беседе» с Богом. Гершон Шимес присоединяется к группе бородатых евреев в черном, ведущих страшную церемонию проклятия «пульсе денура» [4, с. 495]. Заложниками его фанатизма становится семья: погиб один сын, покончил жизнь самоубийством второй.

Жизнерадостная, свежая, дающая человеческой душе успокоение, веру, радость жизни природа эмблематично передаётся зелёным цветом. Гете в «Трактате о цвете» писал, что зеленый лечит глаза и душу человека [2, с. 343].

Хильда пишет в своем дневнике об арабской деревне, в которую они пришли с Даниэлем: «Чудесная долина между мрачных гор, все зелено, и даже живой ручеек течет» [4, с. 231]. В одном из писем Хильда приглашает мать в Израиль, мечтая, что та приедет весной: «И хорошо бы, чтобы это было весной, когда все зелено, в полевых цветах – маках, диких ирисах и дикой горчице» [4, с. 348].

Сама Л. Улицкая в письме Елене Костюкович, являющемся частью романа, тоже использует зеленый цвет: «Смотрю на зеленое – зелень еще свежая и блестящая – и глаз лечится» [4, с. 469].

Даже этот спокойный и лечащий цвет может наполниться значением тревоги и даже болезненности. Когда Даниэль участвует в богослужении в городе Эмске, в Белоруссии, возле храма к нему подходит старушка, «сует … зеленое большое яблоко – прими, батюшка, наше ядовитое яблочко… Скажи своему Богу, чтоб простил нас и на нас более не гневался. Он на нас за тех безвинно загубленных евреев Полынь-звезду свою наслал» [4, с. 434].

И ничего не понимающему Даниэлю немецкий журналист объясняет, «…что в народе Чернобыльскую аварию на атомной станции связывают с апокалиптическим сказанием о «Полынь-звезде», которая падет на землю и отравит её» [4, с. 434]. Таким образом, через цветообозначение «в смыслообразовании эксплицируется механизм эмблемы» [3, с. 5].

Во вторую категорию человек может перейти, если не озабочен теоретизированием и «узким» взглядом на окружающих, а просто радуется жизни, относясь к людям сердечно. Такой человек уже не будет отыскивать в постороннем примет того, что они «одной крови», то есть одной религии, одной нации. Он сердцем оценивает. Мир его многоцветен.

Часто такой прорыв не становится постоянным, ему способствует чувство любви и счастья, гармонии с окружающим миром. Сочетание розового и зеленого используется в описании сна Терезы, который она видит незадолго до долгожданной беременности: «А вчера приснился странный… сон. Как будто у меня раскрывается живот… и из сердцевины вылетает дракон… с цветными

и шелковыми крыльями в зеленых и розовых разводах» [4, с. 380]. Терезе и раньше снились причудливые и странные сны, и окружающие её люди, а особенно муж Ефим, считали, что это связано с особенностями её психики. Но, что удивительно, Ефим увидел такой же сон: «…приснилось, что у него распался живот на четыре части и вышел разноцветный большой пузырь…» [4, с. 380].

Разноцветье – символ радости жизни. Ведь скоро у этих людей появится ребенок. Он родится с синдромом Дауна, но принесёт счастье родителям. Выход Терезы и Ефима в другую категорию недолговечен, он завершится «сотворением кумира»: они будут считать своего сына отмеченным свыше. Ефим начнёт писать доносы на Даниэля, забыв, как тот помогал его семье и учил мыслить широко, принимать мир во всём многообразии.

Во время поездки в Рим Даниэль встречает двух молодых людей, которые приглашают его, совсем незнакомого человека, укрыться от дождя с ними в телефонной будке, делятся нехитрой едой: «…совсем молоденькие хиппи, мальчик и девочка, обвешанные ожерельями и браслетами из ракушек и цветных (выделено мной. – И. Ж.) камушков» [4, с. 361]. Такие люди не святые, но они научились «…жить по законам, которые всем известны, но которые каждый должен открыть заново, своим сердцем…» [4, с. 295].

В развитии дан образ Эвы Манукян. В начале романа она максималистка, которая не понимает и не принимает мать, нетрадиционную сексуальную ориентацию сына. В её описании используется сочетание чёрного цвета и огня: «…тяжёлые чёрные волосы, лицо сухое, без излишеств, глаза очень восточные, но без всякой поволоки, а с огнём» [4, с. 19]. После общения с Эстер, с Даниэлем героиня постепенно отказывается от своей нетерпимости, переходит на второй уровень понимания жизни и начинает видеть красоту. «А само место уютное, домашнее – травка яркая, в ней мелкие маки и какие-то белые цветы, вроде маргариток», – пишет она Эстер о часовне Плача Господня [4, с. 191].

Хильде, другой героине, дано видеть красоту природы и человеческой души. Она способна оценить любовь Мусы, хотя он мусульманин, принять мать, несмотря на то, что та вышла замуж за бывшего фашиста. Яркость её мировосприятия символизирует подаренный Даниэлем красный свитер. Хильда, Муса, Эва, майор Рейнгольд, Дина – люди, понявшие, что мир велик и многообразен, что Бог дал это многоцветье и большего не нужно.

Третья группа – праведники. Она самая немногочисленная. Автор устами своей героини, матери Иоанны, говорит о таких людях: «Святой – существо тихое, незаметное, спит под лестницей, одет неприметно. Надо долго смотреть, чтоб разглядеть» [4, с. 415]. В их мировосприятии цвета и кроющиеся за ними мировоззрения людей несущественны. Поэтому, характеризуя их, Улицкая использует световую деталь. Человек, несущий добро, светлый. Об одном из них пишет отец Михаил: «…из породы праведников, светится» [4, с. 313]. Свет появляется в романе 79 раз, тьма – 23 раза, на границе этих символов – 6 раз возникает огонь и пламя.

Все персонажи расположены в романе вокруг главного героя – Даниэля Штайна, несущего и олицетворяющего собой свет. Все цвета, используемые автором в его описании, восходят к категории света. Солнечный, золотой, зеленый, черный и, безусловно, белый соотносятся с категорией света как разновидности цвета, традиционно связанные в разных религиях с образом Бога.

Л. Улицкая так передаёт свои ощущения от встречи с прототипом героя Даниэлем Руфайзеном: «Очень приветливый, очень обыкновенный. Но при этом я чувствую, что-то происходит – то ли кровлю разобрали, то ли шаровая молния под потолком стоит» [4, с. 497].

Темноте писательница дает право появиться 9 раз в эпизоде последней поездки Даниэля, на границе жизни и смерти. Чуть раньше, на семейном празднике, устроенном в честь Даниэля, все долго его ждали: «Появился он только к десяти, уже была полная тьма, но дети по всему саду развесили фонари и зажгли факелы» [4, с. 369]. Даниэль, не-

сущий собой свет и примирение, из тьмы выходит в свет, который символизируют дети.

Даниэль после прощания с Нойгаузом размышляет о своей жизни. И это диалог с Богом и с самим собой. Духовная высота, с которой ведется этот разговор, говорит нам, читателям, о том, что перед нами герой – праведник, часть того света, который всегда побеждает тьму мира. Постоянным фоном этого разговора и нашего читательского открытия является чередование света и тьмы. Отсюда указание автора на то, что, когда он выехал, «стемнело». Чуть позже монолог прерывается описанием дороги: «Дорога была почти пустая – будний день, вечер, с работы уже вернулись, цепочки и скопления огней сменялись темнотами, прорезанными блуждающими световыми иглами прожекторов» [4, с. 505]. Далее опять строгие вопросы к себе: «С кем я всю жизнь воюю? За что? Против кого? Кажется, я вносил много страсти, много личного. Наверное, я ревнив не по разуму… Может, я слишком еврей…» [4, с. 506]. В текст снова входит описание дороги, и в этом эпизоде нет борьбы, нет контраста и конфликта, даже чередование огней и темнот системно.

Автор настойчиво чередует свет и тьму: «… и вот он открылся темным простором с далекими огнями и береговой полосой, окантованной двойной цепью фонарей» [4, с. 507]. Затем мы читаем описание аварии, главным цветом в которой является огонь: 4 раза употребляется слово «огонь», словосочетание «красный шлейф», «огненный клин», который был «ярко-алый, светлый и живой» [4, с. 507].

Слово «огонь» является связующей нитью. Такой же, как и огонь, светлый и «живой» был Даниэль Штайн, о котором автор пишет: «У существа, развернувшегося в целый мир, был и меч, и глаза, и пламя, но в нем заключался и весь Даниэль, непроглоченный, как Иона китом, а включенный в состав этого мира» [4, с. 515].

В изображении святых автор использует цвет в его символическом значении. При описании другого праведника, Рафаила, появляется эпитет «бесцветный», «прозрачный», «…в выгоревшей до бесцветности среднеазиатской тюбетейке» [4, с. 231]. Свет, прозрачность – символ святости, праведничества, некой избранности и отмеченности свыше. Эстер Гартман, увиденная глазами Эвы Манукян, «прелестная прозрачная старуха, очень белая, с высиненной сединой» [4, с. 9]. Эстер, женщина, пережившая множество темных моментов, была абсолютной праведницей, терпимой, мудрой, умеющей прощать, принимать и, главное, любить. А «высиненная седина» и чуть дальше появляющиеся «голубая прическа» и «синие туфли» [4, с. 9] не выпадают из ряда символа святости, а гармонично входят в него. Главное значение синего и голубого цветов – небо, Матерь Божия.

«Белый голубь» на «картине» Благовещения, о которой пишет Хильда своей матери, – это традиционный христианский символ. «Белые носки» и «белая сутана» Папы, с которым встречается Даниэль, – это и цвет одежды, и одновременно отличительные знаки главного католика Мира, человека, принявшего широту взглядов Даниэля. Таким же «белым» предстает в свои последние минуты профессор Нойгауз, пожелавший перед смертью увидеть Даниэля. Человек, проживший светло и чисто, и уйти хочет достойно. Разговор их, казалось бы, далекий от серьезных философских размышлений, без подготовки переходит к самой высшей инстанции. Нойгауз говорит: «Видишь, ухожу… ухожу к моему учителю, к твоему Богу» [4, с. 503].

Близки белому по своему значению золотой и рыжий цвета. Эва, вспоминая детство, говорит об истинной вере, живущей в ее душе. Однажды в церкви после страстных молитв она «поднесла венец золотистому епископу и услышала ангельское пение» [4, с. 67]. Единение маленькой девочки с Богом происходит в ореоле золотистого сияния. Тем же символом божественного просветления является «золотой дождь» на картине «Благовещение». Иоанна, обретшая после операции утраченное зрение, радуется величию и красоте Бога: «В воскресенье в церковь пришла – все сияет!

Свету полно! И все мне кажется золотым – и иконостас, и окна. Ох, как же грустно было без солнца жить» [4, с. 414].

«Золотой венчик», который видел Нойгауз над своей женой и Даниэль над Марысей, – божественное провидение, подсказка с небес об избранницах – не просто женщинах, живущих рядом, а именно сподвижницах, живущих с Богом в душе.

Золотистый цвет используется в описании Мусы. Хильда, влюбленная в Мусу и чувствующая такую же глубокую влюбленность, исходящую от него, пишет: «Он весь был золотистым и коричневым, как скорлупа лесного ореха, но тело его не было жестким, оно было мягким и плотным, и он умел плакать от любви» [4, с. 150]. Родство двух душ на фоне абсолютной веры в Бога, на фоне чудесной природы земли обетованной, слияние их тел – это, по Улицкой, тоже проявление Бога, оно прекрасно и возвышенно.

Одной из основных стилистических особенностей текста является то, что все письма, дневники, воспоминания написаны нарочито нейтральным, как бы усреднённым и упрощённым языком, как перевод, сделанный автором с разных языков. Оттого и утрачено значение собственно цвета как элемента мира вещей. Но огромную значимость приобретает символика цвета как части художественного мира произведения, что характерно для современного романа. «Автор не столько следует правде жизни, сколько добивается зрительной выразительности, художественной эффективности детали… Цветовая деталь делает описываемое не только зримым, но и броским, несколько неожиданно-непривычным, а потому воздействующим на воображение»[1].

Л. Шорина пишет о «явленном свидетельстве удивительной стройности» [5] развития таланта Л.Е. Улицкой. «Словно всё, что так долго нащупывалось, прояснялось на страницах рассказов и повестей, обрело здесь отчётливые формы – и темы, и герои, и художественные приёмы» [5].

Можно говорить и о цельности системы цветовой детализации в романе. Модель мира, созданная автором, построена на символическом использовании цвета. Улицкая стремится воздействовать на чувства и воображение читателей не каким-то определённым цветом, а гаммой цветов, вступающих во взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веллер М. Технология рассказа [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Семендяева [2001] URL: http://semend.narod.ru/texts/storytech.htm Интернет-ресурс (дата обращения 17.06.2009)
2. Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: Из-во АН СССР, 1957. – 555 с.
3. Ивлева Т. Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. – Тверь, 2001. – 131 с.
4. Улицкая Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик. Роман. – М.: Эксмо, 2007. – 704 с.
5. Шорина Л. Под боком у Бога. Размышления над последним романом Людмилы Улицкой [Электронный ресурс] // Интерфакс-религия [сайт] [1991] URL http://www.interfax-religion.ru/cis.php?act=analysis&div=79 Интернет-ресурс (дата обращения 28.11.2008)

УДК 82.09

Зайидова А.В.
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

СТАТЬИ В.Г. КОРОЛЕНКО О Л.Н. ТОЛСТОМ: СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЙ*

A. Zayidova
Dagestan State University

ARTICLES BY V. KOROLENKO ABOUT L. TOLSTOY: A CLASH OF WORLD VIEWS

Аннотация. В настоящей работе исследуются статьи писателя и публициста Владимира Короленко о Льве Толстом, рассматриваются факты биографий писателей: личные встречи, переписка. Короленко оценивает Толстого с разных позиций: как критика, как поклонника, отдающего дань могучему таланту Толстого, и, наконец, как антагониста многих идей Толстого. В статьях Короленко становится видна огромная разница между мировоззрениями двух писателей. Эти же статьи обнаруживают и сходство писателей. Оба они служат делу правды. Ценность данных статей Короленко не только в том, что он обрисовывает сложную и противоречивую фигуру Толстого, но и в том, что статьи дают нам понятие и о творческом методе и взглядах самого Владимира Короленко, великого писателя и публициста.

Ключевые слова: критика, биография, переписка, мировоззрение.

Abstract. In the present paper the author analyzes articles by the writer and essayist Vladimir Korolenko about Leo Tolstoy, considers the facts of biographies of both writers: personal meetings, correspondence. Korolenko appreciates Tolstoy from different perspectives: as a critic, as a fan of the great talent of Tolstoy, and, finally, as an antagonist of many Tolstoy's ideas. The huge difference between the world views of these two writers is obvious in the articles by Korolenko. The same articles reveal the similarities between writers. They both serve the cause of truth. The value of these articles in not only in description of Tolstoy as controversial person, but also in the concept and the creative method, and the views of Vladimir Korolenko, the great writer and publicist.

Key words: criticism, biography, correspondence, world view.

Лев Толстой и Владимир Короленко – две ярчайшие фигуры нашего литературного наследия. Сила их таланта и актуальность их произведений вновь и вновь заставляют литературоведов обращаться к творчеству этих великих писателей. Большой интерес представляют критические суждения В.Г. Короленко о Л.Н. Толстом. В них Короленко не только дает оценку сложной и подчас противоречивой фигуре Толстого, но и раскрывает собственное эстетическо-этическое восприятие мира с позиций писателя и публициста. В этой связи хотелось бы отметить следующие работы российских литературоведов: Я.С. Лурье "После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века" (издательство "Дмитрий Буланин", 1993), И.Б. Гайдукова "В.Г. Короленко о человеке и обществе" (издательство Союз, 2002), "Лев Толстой и его современники. Энциклопедия" (издательство "Парад", 2008), Ю.Г. Гущин. Творчество В.Г. Короленко (традиции и новаторство) (Глазовский государственный педагогический институт, 1996). Тема взаимоотношений Льва Толстого и Владимира Короленко, столь разных в своей философии, и близких в служении правде, необыкновенно интересна и нуждается в более детальном освещении.

Интерес к творчеству Толстого, по праву названного одним из титанов русской литерату-

* © Зайидова А.В.

ры, Короленко пронес через всю жизнь. Об этом говорят его многочисленные заметки в записных книжках, а также переписка с Толстым. Одна из последних статей Короленко, помеченная 20 ноября 1920 года (Короленко умер в 1921 году), также посвящена анализу творчества Толстого. Короленко и Толстой были лично знакомы, трижды встречались. Короленко был верным другом, но он был и отличным критиком. Ведь эти два писателя при том, что оба принадлежали к реалистическому лагерю литературы, были совершенно разными в восприятии мира. Так, толстовцу Ю. Якубовскому, который прислал в редакцию «Русского богатства» хвалебный отзыв о Толстом, Короленко ответил: «Мы все, конечно, преклоняемся перед Толстым-художником и перед его неутомимым исканием истины. Но многие из его выводов не наши, во многом мы идейные противники» [1, VIII, 476]. Это очень ярко подчеркивается в статьях Короленко о Льве Николаевиче. Статья «Лев Николаевич Толстой» была написана к 80-летию писателя в 1908 году и напечатана в журнале «Русское Богатство». Интересно, что некоторые положения статьи были разработаны Короленко еще до ее написания. Так, в своем дневнике за 1887 год Короленко, как бы готовясь написать статью о Толстом, анализирует его мировоззрение и мироощущение. Не принимая восхищения Толстого христианскими идеями, Короленко объясняет последнее присущей натуре Толстого увлеченностью какой-то конкретной идеей, причем увлеченностью настолько сильной, что автор, не в силах разрешить противоречия, просто отбрасывает их. Короленко пишет о Толстом: «… ему так жаль любимого и поселившегося в душе цельного образа, что он отделывается от назойливых напоминаний о действительности кое-как, а сам закрывает глаза, машет руками и кричит: пустяки, пустяки» [1, VIII, 472]. Анализируя творческий метод Толстого, Короленко словно ведет скрытую полемику с ним. Но в своей статье Короленко говорит читателю, что пишет не панегирик, а «характеристику гениального художника» [1, VIII, 113]. Чувствуется, что он высоко ценит и уважает творчество Толстого, любит его могучий талант, но мировоззрение Толстого слишком противоречит мировоззрению Короленко. По мнению Короленко, теория Толстого о непротивлении злу насилием не выдерживает проверки действительностью. Сама действительность диктует необходимость борьбы. Короленко приводит пример, когда в голодном 1881-ом один «петербуржский житель» пишет Толстому письмо, спрашивая, как помочь голодающему населению. Ведь Толстой проповедовал, что деньги – зло, а значит, их нельзя раздать людям. На это маленькое обращение Толстой, как пишет Короленко, отвечает большой статьей, путанной и неубедительной.

Анализируя «Войну и мир», Короленко упрекает Толстого в отсутствии образа «интеллигента», и, как считает публицист, в романе обнаруживается главный промах, «роковое значение» [1, VIII, 103]. Мыслитель Толстой, увлекшись идеей простоты и цельности, принимает за духовное богатство духовную бедность – и в этом, по мнению Короленко, главное заблуждение Толстого. Для Короленко Толстой – вечный искатель. Говоря о Толстом, Короленко отстаивает идею не яви, сна, подкрепленного воображением. Короленко постоянно подчеркивает слово «воображение» и, пытаясь представить себе мир Толстого, приходит к выводу, что это простая русская деревня. Критикуя Толстого, Короленко фактически излагает свою литературную программу. С помощью образа «зеркала» он описывает процесс рождения замысла художника и при этом подчеркивает несомненную ценность художественного произведения как такового: «Художник – зеркало, но зеркало живое. Он воспринимает из мира явлений то, что подлежит непосредственному восприятию. Но затем в живой глубине его воображения воспринятые впечатления вступают в известное взаимодействие, сочетаются в новые комбинации, соответственно с лежащей в душе художника общей концепцией мира. (…) Тогда и только тогда, мы чувствуем в «вымысле» художника живую

художественную правду» [1, VIII, 96]. Анализируя этапы творчества Толстого, Короленко утверждает, что художник не может вечно оставаться в плену какой-то одной гипотезы, не может быть увлечен вечно одной и той же идеей. Сама суть художника – искать правду, его удел – вечный поиск.

Другая статья, «Л.Н. Толстой», также написанная к 80-летию Толстого, напечатана в газете «Русские ведомости». Статья являет собою продолжение исследования мировоззрения Толстого как художника, и, говоря о его художественном методе в частности, Короленко называет Толстого «зыбким противоречием» [1, VIII, 113]. Интересно, что для статьи Короленко использовал выдержки из своей заметки 1898 года «Юбилей Толстого». Примечательно также то, что эта статья содержит в себе намек на дальнейшее, более подробное исследование творчества Толстого. Короленко действительно задумывал написать большую работу о Толстом, но, к сожалению, эта мечта так и осталась неосуществленной.

Анализ сложной фигуры Толстого-художника Короленко продолжает в статье «Разговор с Толстым. Максимализм и государственность». Эта статья – отрывок из очерков «Земли! Земли!», написанных Короленко в 1917-1919 годах. Короленко анализирует личность Толстого в контексте эпохи. «Теперь, когда в России происходили события, выдвигавшие предчувствие непосредственных массовых настроений, – мне было чрезвычайно интересно подметить и новые уклоны в этой великой душе, тоскующей о правде жизни» [2, с. 75]. Так, например, разговаривая с Толстым, он узнает мнение последнего о терроре как форме борьбы. И оказывается, что непротивленец Толстой называет террор целесообразным. Короленко называет Толстого максималистом и на примере Толстого развивает идею о разнице мышления интеллигенции и крестьянства. Заблуждения Толстого Короленко объясняет присущей последнему «тоской о непосредственности» [1, VIII, 138].

Смерть Толстого стала большим потрясением для Короленко. Как настоящий публицист, он сразу же откликается заметкой «Умер», короткой, но емкой, яркой, пронзительной. Она написана в день получения известия о смерти Толстого и передана по телеграфу в газету «Речь». В тот же день Короленко выезжает в «Ясную Поляну» на похороны… Свои воспоминания о писателе под названием «Великий пилигрим» Короленко так и не окончил. Они появились в печати уже после смерти Короленко в журнале «Голос минувшего» в 1922 году. Предполагалось, что в «Великом пилигриме» будут отражены воспоминания трех встреч с Толстым. То, что этих встреч могло бы быть четыре, отражает сложный характер взаимоотношений писателей: будучи еще в ссылке, Короленко имел случай посетить Толстого, но, обостренно чувствуя противоположность их убеждений, Короленко посчитал себя не вправе встретиться с ним. Ведь Толстой ждал его и, очевидно, видел в Короленко возможного единомышленника. Короленко пишет, что прийти к Толстому и вступить в спор о правильности толстовской теории «непротивления злу насилием» помешало уважение к великому писателю. В своих воспоминаниях Короленко говорит о том, что первая встреча со Львом Николаевиче состоялась только тогда, когда Короленко поручили пригласить Толстого для участия в сборнике. Статья обрывается на описании спора о литературе и деньгах.

Короленко пишет: «Я видел Льва Николаевича только три раза. В первый раз это было в 1886 году, второй, в 1902-м и в последний – за три месяца до смерти. (…) И когда я оглядываюсь на них, то впечатление у меня такое, как будто на длинном пути, загроможденном всякого рода жизненными впечатлениями... три раза весь этот житейский туман раздвигается, и на расчищенном месте является яркий образ крупного замечательного человека» [1, VIII, 124]. Последняя встреча Толстого и Короленко произошла в 1910 году, за несколько месяцев до смерти Толстого. Это не было встречей двух антагонистов, писателя и его критика. Это была встреча двух друзей. В окружении Толстого отмечали, что Короленко при том, что никогда не был толстовцем, сумел вовлечь

Толстого в интересный литературный диспут и, быть может, ближе других подошел к отгадке литературного феномена Толстого. Присутствовавший там же В. Булгаков отмечает: "Короленко, кроме того, что сосредоточил общее внимание на своих бытовых рассказах и вообще разных "случаях" из своей жизни, но еще и ухитрился вызвать Льва Николаевича на чисто литературный разговор, что редко кому бы то ни было удается [3]. Визиту Короленко предшествовали выход статьи «Бытовое явление», переписка с Толстым. В одном из писем по поводу «Бытового явления» Толстой пишет: «Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное по чувству – превосходную статью» [4, с. 699].

Короленко пишет, что главная заслуга Толстого – то, что он заставил уважать печать, сделав ее действительно грозным орудием против бесправия и произвола. Они оба свято верили в торжество справедливости. Эта вера объединяла крупнейших деятелей литературы того времени. Ведь во имя справедливости они творили, писали, боролись.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Короленко В.Г. Собрание сочинений в 10 томах. – М., 1955. – Т. 8. – 512 с.
2. Короленко В.Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. – М.: Советский писатель, 1991. – 224 с.
3. Медникова Т.В. Лев Толстой: Летопись последнего года жизни. Август 1910-го [Электронный ресурс] // НГ Ex libris: [сайт]. [1997]. URL: http://exlibris.ng.ru/izdat/2000-08-24/8_tolstoy.html(дата обращения: 23.12.2010).
4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 20. – 878 с.

УДК 1751

Исаева Н.А.
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО: АНАЛИЗ БАЛЛАДЫ «УЛЛИН И ЕГО ДОЧЬ»*

N. Isaeva
Russian State University for the Humanities

CURRENT APPROACHES TO V. ZHUKOVSKY'S TRANSLATIONS: THE ANALYSIS OF THE BALLAD "ULLIN I EGO DOCH'"

Аннотация. В статье рассматривается перевод баллады Томаса Кэмпбелла "Lord Ullin's Daughter" («Дочь лорда Уллина», 1809), выполненный в 1833 году В.А. Жуковским. Опираясь на дескриптивный подход в переводоведении и его ключевую категорию «переводческой нормы», автор статьи в ходе сопоставительного анализа отмечает переводческие решения Жуковского и выявляет его стратегию по видоизменению подлинника в соответствии со своей идейно-эстетической системой, что обусловило не только формальные трансформации оригинала, но и «перекодирование» сюжетно-содержательных аспектов баллады и введение в нее дополнительных мотивов.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, поэтический перевод, баллада, дескриптивное переводоведение, переводческая норма.

* © Исаева Н.А.

Abstract. The article focuses on Zhukovsky's translation of Thomas Campbell's ballad "Lord Ullin's Daughter" (1809), which was written in 1833. Using the methodology of descriptive translation studies and its key concept of "translation norm" to conduct a comparative analysis of the translation and its original, the author highlights Zhukovsky's translation strategy aimed at modifying the original in accordance with his own poetic system. This strategy resulted in transforming both formal elements of Campbell's ballad, its content and language, as well as in introducing new motifs to the original.

Key words: V. Zhukovsky, poetic translation, a ballad, descriptive translation studies, translation norms.

Переводческое наследие В.А. Жуковского и его вклад в развитие национальной литературы на сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений. Создав в России поэтический перевод как «законный и в принципе равноправный с другими жанр литературы» [14, с. 14], Жуковский сыграл ключевую роль в обновлении русской литературы – причем сделал это почти исключительно переводными творениями. Творческое кредо Жуковского-переводчика – «у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое» [6, с. 544] и «переводчик в *прозе* есть раб, переводчик в *стихах* – соперник» [5, с. 189] – обозначило парадокс «гения переимчивости и гения субъективности» [1, с. 147], объяснить который пытались многие исследователи, начиная с В.Г. Белинского. В попытке «схватить как бы ускользающую, двойственную сущность творческой личности Жуковского» [16, с. 141] многие пытались отнести переводные произведения Жуковского к образцам точного [1, с. 143] или вольного перевода [4, с. 8; 3, с. 69; 19, с. 92], либо представить его наследие как движение от свободного переложения подлинника к его более точному воспроизведению [11, с. 228; 15, с. 206].

Следует отметить, что, благодаря виднейшим исследователям Томской филологической школы, все большую перспективность стал приобретать эволюционный подход, согласно которому творчество Жуковского рассматривается как динамическая, претерпевающая определенные изменения система, которая требует пересмотра и уточнения творческой биографии поэта и одновременно позволяет открыть ее новые грани, более четко обозначить роль Жуковского в историко-литературном процессе [10; 20]. Важной вехой на данном этапе стал выход Полного собрания сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 томах, начатого в 1999 году и насчитывающего 8 вышедших из печати томов [7] – событие, которое предлагает «новое и наконец доведенное до полноты знание об его (Жуковского. – Н. И.) многостороннем творческом наследии» [9, с. 265-266]. На этом фоне особую актуальность приобретают попытки переосмыслить и объяснить феномен Жуковского-переводчика, избегая при этом нормативных представлений о «вольном» или «точном» переводе, которые заведомо сужают представление о многогранности и противоречивости процесса перевода.

Раскрыть многообразие Жуковского-переводчика позволяет, по нашему мнению, дескриптивный, или историко-функциональный, подход и ключевая категория «переводческой нормы», понимаемая как переводческие решения, которые образуют подвижную, исторически меняющуюся и обусловленную социокультурным контекстом систему и формируют «стратегию» переводчика в отношении перевода [22; 23]. Эта стратегия определяется установкой переводчика либо на нормы родного языка и культуры, что свидетельствует о его стремлении к «приемлемости» перевода, либо на нормы иноязычного произведения и, следовательно, на «адекватность» перевода [23, с. 10]. В отношении переводов Жуковского такой подход выглядит продуктивно, поскольку позволяет оценить его переводческую деятельность как своего рода творческую лабораторию по освоению «чужого» материала и созданию на его основе «своего» репертуара, который впоследствии приживается на национальной почве как оригинальное творение.

Баллада Жуковского «Уллин и его дочь» [8, с. 217-218] является переводом баллады «Lord Ullin's Daughter» (1809) известного шотландского поэта Томаса Кэмпбелла (1777–1844), ко-

торый опирался на шотландскую народную балладу «The Douglas Tragedy» («Трагедия Дугласов») о древнем обычае кражи невесты из враждебного клана или племени [2, с. 18-20, 35-39, 453; 18, с. 45-47].

Перевод Жуковского появился в «Библиотеке для чтения» в 1834 году с заголовком «Уллин и его дочь», с датой «Верне. 1833. 10 (22) Генваря» и подписью «В. Жуковский». Отсутствие указания на оригинал баллады в некоторой степени предваряет стратегию переводчика по отношению к исходному тексту, в который Жуковский вносит немало изменений.

Переводческие трансформации очевидны уже при сопоставлении формальных признаков исходного текста (далее – ИТ) и текста перевода (далее – ТП). Жуковский сокращает текст подлинника на 3 строфы (в переводе их 11, в оригинале – 14), а также использует 4-стопный ямб с перекрестными мужскими и женскими окончаниями взамен чередующихся мужского 4-стопного ямба с женским 3-стопным [13, с. 249]. Он также наделяет безымянных героем именами – Рино и Мальвина.

Первые строки оригинала бросают читателя в самую гущу событий: повествование начинается с прямой речи, где некий вождь просит лодочника немедленно переправить его и спутника (*us*) на тот берег, за что обещает ему серебряный фунт:

A chieftain, to the Highlands bound,
Cries, "Boatman, do not tarry!
And I'll give thee a silver pound,
To row us o'er the ferry".

(Вождь, направляющийся к шотландскому высокогорью, // Кричит, «Лодочник, не медли! // И я дам тебе серебряный фунт, // Чтобы ты переправил нас на лодке на тот берег»).

Первая строфа перевода открывается своеобразной экспозицией, которая, с одной стороны, вводит в действие главных героев, а с другой – задает тональность всей балладе за счет описания бушующей природы:

Был сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко брегу Рино, горный вождь,
Примчался с дочерью Уллина.

Локализация действия – шотландское высокогорье (*the Highlands)* – опускается Жуковским и компенсируется пейзажной зарисовкой. Более того, если в ТП герои вводятся повествователем, то в ИТ мы узнаем о них из уст вождя одного из шотландских островов (строфа 2):

"Now, who be ye, would cross Lochgyle,
This dark and stormy water?"
"O, I'm the chief of Ulva's isle,
And this Lord Ullin's daughter".

(«Так, кто вы есть, кто хочет пересечь озеро Лохгайл, // Эти темные и бурные воды?» // «О, я вождь острова Улва, // А это – дочь лорда Уллина»).

Таким образом, в переводе вождь острова становится горным вождем, а географические названия, создающие шотландский колорит, озеро Лохгайл и остров Улва, опускаются переводчиком.

У Жуковского «лодочник» становится случайно оказавшимся на береге рыбаком, которого горный вождь Рино просит спасти его и его возлюбленную от погони разъяренного Уллина:

«Рыбак, прими нас в свой челнок;
Рыбак, спаси нас от погони;
Уллин с дружиной недалек:
Нам слышны крики; мчатся кони».

Эта строфа (2) объединяет в себе следующие строфы оригинала (3 и 4) –

And fast before her father's men
Three days we've fled together,
For should he find us in the glen,
My blood would stain the heather.

(И быстро от людей ее отца // Три дня мы убегаем вместе, // Стоит ему нас найти в долине,// Моя кровь обагрит вереск).

His horsemen hard behind us ride;
Should they our steps discover,
Then who will cheer my bonny bride
When they have slain her lover? –

(Его всадники изо всех сил за нами едут;// Стоит им наши следы обнаружить,// Тогда кто будет радовать мою красивую невесту, // Когда они убьют ее возлюбленного?).

В переводе не упоминается о том, что герои уже три дня спасаются бегством от Уллина. Более того, Жуковский ретуширует местный колорит подлинника, созданный за счет типично шотландских топосов – «долины» (*glen*) и «вереска» (*heather*), а также опускает эпизод, в котором говорится о неминуемой смерти героя, если его догонят люди Уллина (*my blood would stain the heather*; *when they have slain her lover*).

Отсутствие в переводе предложенной вождем сделки («серебряный фунт») приводит к тому, что Жуковский опускает 5-ю строфу подлинника, в которой лодочник высказывает готовность помочь вождю, но не ради денег, а ради его красивой возлюбленной:

Out spoke the hardy Highland wight,
"I'll go, my chief – I'm ready: -
It is not for your silver bright;
But for your winsome lady."

(Сказал стойкий храбрец Шотландского высокогорья,// «Я поеду, мой вождь – я готов:// Это не ради вашего серебра яркого;// Но ради вашей милой девушки»).

Взамен Жуковский добавляет строфу, в которой сгущает краски и обостряет чувство драматизма до предела; ссылаясь на непогоду, рыбак отказывается помочь беглецам:

«Ты видишь ли, как зла вода?
Ты слышишь ли, как волны громки?
Пускаться плыть теперь беда:
Мой челн не крепок, весла ломки».

В ИТ лодочник сразу же соглашается помочь героям, вопреки разгулу стихии:

"So though the waves are raging white
I'll row you o'er the ferry."

(«Поэтому, несмотря на то, что неистовствуют волны,//Я переправлю вас на тот берег»).

При описании природных катаклизмов Жуковский не жалеет красок, и вместо того, чтобы изображать, как усиливается ветер и сгущается мрак, -

But still as wilder blew the wind,
And as the night grew drearer,
Adown the glen rode armed men,
Their trampling sounded nearer.

(Но все же, чем сильнее дул ветер,//А ночь становилась все мрачнее,// Вниз по долине мчались вооруженные люди,// Их приближение слышалось все отчетливее) – он показывает, что над героями со всех сторон нависла смертельная угроза, тем самым эксплицируя смыслы, заложенные в подлиннике:

И смерть отвсюду им: открыт
Пред ними зев пучины жадный;
За ними с берега грозит
Уллин, как буря беспощадный.

Таким образом, в оригинале природа является лишь фоном для действия, она вторит тем драматическим событиям, которые разворачиваются на наших глазах. У Жуковского природа не просто символизирует драматизм происходящего – она сама становится участником событий, во всем препятствуя героям. Этот эффект усиливается за счет персонификации природных явлений. При этом, если в подлиннике они наделяются «физическими» свойствами (*the waves are raging white*, *the storm grew loud*, *the water wrath was shrieking*, *in the scowl of heaven*), то в переводе акцентируется эмоциональная составляющая стихии («*ярилася* пучина», «*зла* вода», «пучина *злей*», «зев пучины *жадный*», «*грозно* раздалась пучина» и пр.).

Показательно, что, в отличие от оригинала, бушующая стихия отождествляется у Жуковского с разгневанным Уллином. Так, в ИТ

безымянная героиня поторапливает лодочника, потому что боится «злого отца»:

"O haste thee, haste!" the lady cries,
"Though tempests round us gather;
I'll meet the raging of the skies,
But not an angry father".

(«О торопись, ты, торопись!» девушка кричит,// «Невзирая на собирающийся вокруг нас шторм;// Я лучше встречу гнев небес,// Но не злого отца»).

В этой строфе мы узнаем об отношении героини ко всему происходящему: она осознает свой проступок и вместе с тем она остается непреклонной и не желает уступать отцу – уж лучше ее покарают небеса, а не собственный отец.

Жуковский ставит равенство между стихией и грозным Уллином: «Уллин, как буря беспощадный». Такое отождествление достигается в переводе и за счет построения рифмы. Так, в ТП трижды (1-я, 4-я и последняя строфы) появляется рифма-рефрен *пучина – Уллина*, указывающая на основную коллизию баллады и прогнозирующая ее трагический финал: Уллин, воплощающий пучину гнева, становится виновником гибели дочери в пучине волн.

Помимо этого, Жуковский по-своему интерпретируют поведение дочери Уллина. Вместо твердости не повиноваться отцу ("I'll meet the raging of the skies, / But not an angry father") в переводе Мальвина испытывает чувство сожаления и раскаяния, о чем свидетельствует ее предсмертный жест:

Сквозь пену их он видит дочь
С простертыми к нему руками.

В ИТ, напротив, подчеркивается желание героини остаться со своим возлюбленным:

One lonely hand she stretch'd for aid,
And one was round her lover.

При этом ответственность за «бегство» дочери в ИТ возлагается на горного вождя, а потому, обращаясь к дочери, Уллин обещает простить ее возлюбленного –

"And I'll forgive your Highland chief,
My daughter! – oh my daughter!"

(«И я прощу твоего вождя высокогорья,// Моя дочь! О дочь моя!») –

в то время как в переводе прощение адресовано самой дочери, а стало быть, на нее возложена вина за проступок:

«Мое дитя, назад, назад, назад!
Прощенье! возвратись, Мальвина!»

Финал баллады предстает у Жуковского в более трагичных тонах. В оригинале указывается, как бурные воды накрывают лодку, в которой герои спасаются бегством:

'Twas vain: the loud waves lash'd the shore,
Return or aid preventing:-
The waters wild went o'er his child.
And he was left lamenting.

В переводе усилена «кровожадность» стихии, на которую возлагается право вершить суд, – наказывать героев за их прежние проступки:

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, чёлн пожрав, слились
При крике жалобном Уллина.

В этой строфе показана вся трагичность ситуации: и отец, и его дочь получают возмездие за свои грехи: он – за то, что, возможно, проклял дочь, а она – за то, что ослушалась отца. Каждый расплатился по-своему: Мальвина – жизнью, Уллин – родной дочерью.

Таким образом, при сюжетном сходстве оригинал и перевод представляют собой разные баллады. Каждый автор предлагает свою трактовку происходящего, окрашивая при этом повествование в созвучную его умонастроению тональность и подчеркивая драматизм различными способами. Так, у Кэмпбелла драматизм создается благодаря

фабульным «деталям»: герои на протяжении трех дней спасаются бегством от Уллина, а героя ждет жестокая смерть, в случае если их настигнет погоня. Жуковский, сократив количество строф, несколько видоизменяет оригинал за счет привнесения в сюжет новых коллизий – отказ рыбака переправить героев на тот берег – и усиления параллелизма между описаниями природы, которая выступает в роли главного карателя, и самим Уллином. Более того, с помощью пейзажных зарисовок подготавливаются ключевые моменты баллады и сюжетные сдвиги в повествовании, которые описываются в ТП гораздо более эмоционально окрашенными эпитетами, нежели в оригинале.

Переводчик также вводит назидательный мотив в свою «версию» баллады. Так, у Кэмпбелла герои становятся жертвами роковых обстоятельств (Lord Ullin reach'd that *fatal* shore,/ His wrath was changed to wailing). В этом смысле, неминуемость наказания героев от бушующей водной стихии диктуется свойственным англо-шотландской балладе хронотопом: герои, пересекающие водное пространство, в финале баллады неизбежно погибают [12]. Однако Жуковский вводит отсутствующую в оригинале нравственную проблематику, подчеркивая неизбежность наказания и тем самым усиливая трагизм: несмотря на раскаяние Мальвины (с ее простертыми к отцу руками) и прощение отца, она гибнет. В то же время ее смерть становится возмездием для самого Уллина, который вздумал вершить собственное правосудие, за то, что возомнил себя Высшим Судьей (недаром он сравнивается с «бурей беспощадной»). Таким образом, в этой балладе сюжет об обреченной любви усложняется другим излюбленным мотивом балладного мира Жуковского – мотивом наказания грешника, даже несмотря на его «прозрение» в финале баллады [17, с. 104].

Таким образом, перевод Жуковского баллады Томаса Кэмпбелла является своего рода интерпретацией заданной в оригинале темы о несчастной, запрещенной любви, – тема, которая особо интересовала Жуковского в самом начале его балладного творчества (см. баллады «Эльвина и Эдвин», «Алина и Альсим»). Вместе с тем «Уллин и его дочь» обрастает нравственной проблематикой «преступления и наказания» и составляет своеобразную «антологию баллады судьбы» [21, с. 187]. Переводчик не только изменяет структурные элементы подлинника, но и «перекраивает» сюжет и художественное обрамление баллады, чтобы поведать свое видение данной истории. При этом ретуширование шотландского колорита, наряду с использованием архаичной лексики (*вихорь*, *ярилася*, *пучина*, *брег*, *отвсюду*, *чёлн*) и «доместифицированных» слов и выражений (*дружина*, *дитя*, *в добрый час*), апеллирует к русскому читателю. В этом смысле переводческие нормы Жуковского обусловлены стремлением сделать перевод «приемлемым» с точки зрения не только норм русской литературы и языка, но и собственной идейно-художественной системы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Размышления над переводами В.А. Жуковского // Аверинцев С.С. Поэты. – М., 1996. – С. 137-164.
2. Английская и шотландская народная баллада: Сборник. – М., 1988. – 512 с.
3. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. – М., 1965. – 356 с.
4. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе // Жирмунский В.М. Избранные труды. – Л., 1981. – 558 с.
5. Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В.А. Эстетика и критика. – М., 1985. – С. 181-196.
6. Жуковский В.А. Письмо Н.В. Гоголю от 6 (18) февраля 1847 // Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.; Л., 1960. – Т. 4. – С. 543-545.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – М., 1999.
8. Жуковский В.А. Уллин и его дочь // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – М., 2008. – Т. 3. – С. 217-218.
9. Канунова Ф.З., Прозоров Ю.М. В.А. Жуковский в исследованиях и изданиях Томской филологической школы // Русская литература. Вып. 1. – М., 2008. – С. 263-269.
10. Киселева Л.Н. К проблеме пересмотра роли Жуковского в русской литературе первой половины

XIX в. // Жуковский и время: Сб. статей. Томск, 2007. – С. 209-216.
11. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л., 1985. – 299 с.
12. Подробнее о хронотопичности баллады и ее сюжетообразующей роли см.: Левченко О.А. Жанр русской романтической баллады 1820 – 1830-ч гг.: Автореф. канд. дисс. – Тарту, 1990. – 22 с.
13. Матяш С.А. Стих баллад В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – М., 2008. – Т. 3. – С. 241-262.
14. Ратгауз Г.И. Немецкая поэзия в России // Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах, 1812 – 1970. М., 1974. С. 5-55.
15. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. – М.: Худ. лит.,1975. – 255 с.
16. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М., 2000. – 254 с.
17. Фрайман (Степанищева) Т.Н. Баллады Жуковского: границы и возможности жанра // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Проблемы границы в культуре. – Тарту, 1998. – С. 97-110.
18. Чудесный рог: Народные баллады. – М., 1985. – 431 с.
19. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. – Л., 1973. – 248 с.
20. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М., 2006. – 524 с.
21. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск: Издательство Томского университета, 1985. – 285 с.
22. Holmes, James S. The Name and Nature of Translation Studies. // James S. Holmes. Translated Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam: Rodopi (1972/1988), pp. 67-80.
23. Toury, Gideon. Descriptive Translational Studies and Beyond. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. viii + 311 pp.

УДК 82-1/9

Назаралиева Ф.С.
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ФЁДОРА АБРАМОВА*

F. Nazaralieva
Dagestan State University

GENRE VARIETIES OF LITERARY PORTRAIT IN THE PUBLICISM OF FEDOR ABRAMOV

Аннотация. В статье анализируется авторская манера Федора Абрамова как публициста при создании литературного портрета. По результатам исследования выяснилось, что писатель в своем творчестве затронул практически все разновидности жанра: некролог, юбилейную статью, собственно литературный портрет и критико-биографический очерк. К созданию портретов известных современников автор подходит с позиций критика и писателя одновременно. В статье реализуется конкретная цель – определить художественный метод, примененный Фёдором Абрамовым в жанре литературного портрета. Он сочетает достоверное изображение окружающей действительности, стремление интуитивно проникнуть в глубину внутреннего мира человека и попытку осмыслить каждую судьбу в неразрывной связи с жизнью своего времени. Сходные приемы используются Фёдором Абрамовым во всех случаях, когда он создает образ своего героя.

Ключевые слова: литературный портрет, некролог, юбилейная статья, собственно литературный портрет, критико-биографический очерк, внутренний монолог.

* © Назаралиева Ф.С.

Abstract. In the article the manner of writing of Fedor Abramov as a publicist is analyzed in the creation of a literary portrait. In the course of the research it cleared out that the writer in his creative work touched upon almost every genre variety: obituary, an aniversary article, a proper literary portrait, and the critical biographical essay. Creating the portrait of famous persons, the author takes the places of the critic and the writer at once. In the article the creation aim finds its realization – to defermine an artistic style, which is applied by Fedor Abramov in the genre of the literary portrait. It combines the true-to-life image of the objective world, the desire of the penetration into the depth of the inner world of a person and the attemp to understand each fate within the unchained connection with the life of his time.

The same methods are used by Feodor Abramov in all cases, when he creates the image of his character.

Key words: the literary portrait, obituary, the aniversary article, the proper literary portrait, the critical biographical essay, the interiror monologue.

Из всей пестроты разнообразия публицистических жанров творчества Абрамова наибольший интерес для нас представляет литературный портрет. Именно потому, что Фёдор Александрович так полно жил в этом жанре, вкладывал в него столько своих заветных убеждений и писательских мыслей, нам особенно интересно и поучительно наблюдать его публицистическую работу. «Это была та его пашня, на которой он трудился в поте лица, покрывая создавшийся в стране дефицит на черный хлеб истины» [9, с. 155-175].

Итак, что такое литературный портрет? В критической литературе встречаются непохожие друг на друга определения этой разновидности очерка. И хотя до настоящего времени среди литературоведов еще не сложилась общая точка зрения на жанр литературного портрета, все сходятся в одном, что в центре портрета человек, определения даются исходя из данного рационального зерна.

«В портретном очерке воссоздается документальный образ известного человека или «выдумывается» обобщенный образ-тип, вызывающий большой общественный интерес»[5, с. 169]. Можно определить четыре его разновидности: юбилейная статья, некролог, собственно литературный портрет, критико-биографический очерк.

Для выявления особенностей жанрового разнообразия в качестве объекта исследования мы берем литературные портреты, написанные Абрамовым в 70-х, 80-х годах, вошедшие в пятый том полного собрания сочинений писателя. Все вышеуказанные вариации литературного портрета встречаются в публицистике Фёдора Абрамова. Остановимся на них подробнее.

Согласно данной классификации, портрет «Ольга Берггольц», вышедший в свет 18 ноября 1975 года, можно отнести к жанру некролога. Статья написана на основе воспоминаний автора об Ольге Берггольц. Специфика жанра и повода написания данного некролога не исключает объективности оценки личности и творчества скончавшегося писателя.

Статья начинается с описания места, как пишет автор, «места последнего прощания с нашими товарищами». «Ольга Берггольц – великая дочь нашего города, первый поэт блокадного Ленинграда. И сегодня над ее гробом в последнем низком поклоне склонились все: и живые, и мертвые, и герои, и жертвы, все участники великой битвы за город на Неве» [3, с. 331].

Для данного некролога характерна высокая эмоциональная окраска и яркая описательность. Это связано с тем, что Абрамов сам лично был знаком с Ольгой Берггольц, и, более того, он был непосредственным участником борьбы за город на Неве и непонаслышке знал все тяготы и ужасы блокады.

Как правило, некрологи не отличаются большим объемом. В эту небольшую форму автор стремится заложить максимум содержания. Описывая образ Ольги Берггольц, автор использует эпитеты, метафоры и тропы. «Ей выпало великое счастье стать поэтической музой,

поэтическим знаменем блокадного Ленинграда»[3, с. 334].

Эмоциальная оценка, присущая жанру портрета-некролога, здесь реализуется автором сполна. И, по словам Абрамова, О. Берггольц умерла, чтобы жить в веках.

«Умение найти такие черты, эпизоды, случаи из жизни, в которых особо отчетливо было бы видно, что делает этого человека героем, как проявляется этот героизм, зависит от наблюдательности автора, от знания им людей, от глубины его мировоззрения»[8, ***с.*** 68].

В частном образе Ольги Берггольц портретист выявляет такие черты, которые восходят к общему, социальному. Как пишут критики, выразительность литературного портрета зависит, таким образом, от умения найти в облике того или иного человека характерные черты целой категории людей, создать своего рода общественный тип.

На протяжении 70-х, 80-х годов Абрамов написал около тридцати литературных портретов. И среди них прочное место занимает такая разновидность этой жанровой формы, как юбилейная статья. Как признавался сам автор, он не очень любил юбилеи. Юбилейный жанр в то время переживал явный кризис. Но, тем не менее, Абрамов очень часто выступал на юбилеях с торжественной речью. Очередная его статья так и называется «К 60-летию Ю. Любимова»[3, с. 349].

Он рассказывает о театре Юрия Любимова, о величайшей любви молодежи к ней. Ф. Абрамов опровергает несправедливые, на его взгляд, суждения о Любимове и театре на Таганке. «Приходилось встречаться – давайте уж говорить совершенно откровенно – и еще с одной версией небывалого успеха Таганки: Любимов, дескать, заигрывает с теми, которые оттуда, с тех краев, с той стороны, где закатывается солнце» [3, с. 349]. Но, тем не менее, театр Любимова посещали все: и молодые, кто хотел скандалов, и иностранцы, и весь ученый мир во главе с академиками. В завершении выступления Ф. Абрамов говорит: «Наш юбиляр в завидном расцвете своих творческих сил, своего огромного дарования. Но юбилей – это не только время сбора урожая, но время и закладки будущего урожая. Юбилей – это еще время, чтобы хорошенько и трезво поразмыслить о пройденном пути, о своих промахах и упущениях, о будущем» [3, с. 352].

Главным средством воплощения художественной идеи автора является язык. Основной элемент повествования здесь – общая характеристика, текст изобилует фактами, используется достоверная информация, ибо важно указание на образ Юрия Любимова. Это было характерно для творческой манеры Ф. Абрамова. «Когда действия, изображаемые в очерке, соответствуют природе характеров, а не навязываются ими, произведение звучит убедительно» [8, с. 49].

Данная юбилейная статья носит характер воспоминаний. Здесь органично сочетается юбилейный портрет, очерк творчества и собственно портрет, передающий общее впечатление от творчества Юрия Любимова.

В портретах писателя присутствует явно выраженное отношение автора к герою. Он зачастую считает судьбы своих героев трагичными. Почти все герои портретов Абрамова прожили сложную, яркую и очень нелегкую жизнь. Так, например, и Александр Хазин, герой портрета «Слово о друге». Автор пишет о Хазине как о человеке всесторонне развитом. «Все было в его жизни. Была молодость комсомольская на крутой революционной волне 20-30-х годов, было ученье (техникум, институт), была работа на заводе, в рабочем коллективе, была война: он добровольцем ушел на фронт» [3, с. 345].

Но тут же Абрамов добавляет, что главное в жизни Александра Хазина – литературная работа. Этот очерк можно отнести к циклу очерков о русских писателях, а жанровую принадлежность определить как собственно литературный портрет.

Тщательная работа Фёдора Абрамова над портретно-психологическими характеристиками заметно выделяет его среди современных ему прозаиков. Теперь выясним, как писатель добивается того, что мы слышим его героев. Думается, секрет здесь прежде всего в искусном владении внутренним монологом героев.

Внутренний монолог Александра Твардовского знаком Абрамову как ничей другой. Критико-биографический очерк публицист посвятил жизни и творчеству Твардовского. «Портрет – не биография, хотя и строится на материале биографии. Портретный очерк имеет дело с целостным показом человека. Трудности при создании портрета состоят в том, что перед очеркистом стоит задача рассказать о человеке больше, чем он сам знает. Этим стимулируется его развитие в нужном направлении»[10, с. 13].

Начинается портрет с оригинального сравнения Твардовского с северной сосной. «Когда я думаю об Александре Трифоновиче, о его богатырской мощи, о том колоссальном влиянии, которое он оказал на жизнь, на писателей, мне всегда приходит на память образ северной сосны» [3, с. 411]. Автор восхищается талантом великого русского писателя, широтой его души и человечностью. Он был не только великим поэтом. Он был еще и великим человеком. Это писатель, в котором впервые в русской литературе объединились почвенничество и интеллигентность, крестьянин и интеллигент.

О ком бы ни писал Абрамов: о выдающихся ученых, писателях, актерах или рядовом плотнике, – он доказывал, как много может сделать человек, как он противостоит пагубным обстоятельствам, сохраняет живую душу, достойно живет и работает. Вместе с тем Абрамов не утаивал всех сложностей и противоречий, присущих большинству людей, в том числе и незаурядным натурам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов Ф. А. Деревеньку зовут Тимониха: К 50-летию писателя В. Белова // Север. – 1982, № 10. – С. 91-95.
2. Абрамов Ф. А. Слово в ядерный век // Современник. – 1987, № 10. – С. 45.
3. Абрамов Ф. А. Собр. Соч.: В 6 т. – Т. 5. – СПб.: Худ. литература, 1993. – 616 с.
4. Архипов С.В. Современная советская публицистика. (Актуальные проблемы). – Владикавказ, 1991. – 64 с.
5. Глушков Н.И. Очерковые формы в советской литературе.– Издательство Ростовского университета, 1969. – 222 с.
6. Ершов Л.Ф. История русской советской литературы. – М.: «Высшая школа»,1988. – 343 с.
7. Калинин М. И. Об искусстве и литературе. – М.: 1957. – 300 с.
8. Колосов Г. В. Поэтика очерка. – М.: Издательство Московского университета, 1977. – 77 с.
9. Оклянский Ю.М. Мужество // Вопросы литературы. – 1988, № 4. – С. 155-175.
10. Перцов. В.О. Заметки о портрете // Наши достижения. – 1934, № 6. – С. 13.
11. Ханбеков Л.В. Веленьем совести и долга. – М., 1989. – 222 с.

УДК 82.0; 82.09

Савинич С.С.
Московский городской педагогический университет

ОБРАЗ ДОМА КАК СИМВОЛА МЕЧТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭДГАРА ПО И ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА*

S. Savinich
The Moscow City Pedagogical University

THE IMAGE OF A HOUSE AS SYMBOL OF A DREAM IN THE SHORT STORIES OF EDGAR ALLAN POE AND HERMAN MELVILLE

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы символического соотнесения образа дома в произведениях литературы США эпохи романтизма с мечтой литературного героя, поиском личного счастья и стремлением к идеальному. Раскрываются особенности авторской интерпретации стремления личности к совершенству и красоте в произведениях Э. По и Г. Мелвилла. На примере цитат из текста произведений этих авторов подтверждается наличие символической связи между образом дома и мечтой об идеальном устройстве пространства, окружающего человека. В статье также определяется место, занимаемое образом дома в национальной системе представлений о личном и общественном благополучии.

Ключевые слова: дом, мечта, символ, идеал, романтизм, По, Мелвилл.

Abstract. This article is dealing with the problems of symbolic correlation between the image of the house and the dream of a character, his pursuit of happiness and yearning for the ideal, in the selected works of American writers of Romantic period. The author reveals some special traits of author's interpretation of a person's yearning for the perfect and beautiful in the works of E.A. Poe and H. Melville. Basing on the quotations from the works of these authors the symbolic correspondence between the image of the house and the dream of a perfect arrangement of environment is endorsed. The article is also revealing the role of the image of the House in the national system of personal and social well-being standards.

Key words: House, Dream, Symbol, Ideal, Romanticism, Poe, Melville.

Для американского менталитета дом является одной из наиболее важных категорий национального сознания. Именно с образом Дома связаны надежды отдельно взятого человека на возможность создания счастливой семьи, продолжения рода и достижения социального благополучия. Уже в конце XVII века в американской литературе устанавливается прочная связь между образом дома и личным благополучием [8]. А к началу XIX века в произведениях писателей-романтиков образуется устойчивая символическая связь между образом дома и стремлением литературного героя к осуществлению своей мечты.

Наиболее яркие примеры подобной связи в литературе США XIX века находим в рассказах Э.А. По и Г. Мелвилла. Мы обращаемся к творчеству этих двух писателей, прежде всего, потому, что в их произведениях образ дома приобретает наиболее ярко выраженное философско-символическое наполнение. И еще одна связь, которую нельзя упускать из виду, – это литературная традиция, у истоков которой стоял Э. По, получившая дальнейшее развитие в произведениях Г. Мелвилла. По мнению современной исследовательницы творчества По, Э.Ф. Осиповой, своеобразие его произведений объясняется тем, что «эстетика писателя вырабатывалась в борьбе со стереотипами. Он расшатывал устои, ломал рамки, которые, как позже осознают Готорн и Мелвилл, ограничивали возможности художественного отражения жизни» [3, с. 371].

* © Савинич С.С.

В своих рассказах Э. По всегда делает попытку философского осмысления природы вещей и понятий. Так, в рассказе «Поместье Аргейм» автор задается вопросом, что следует называть «искусством»: какие-то конкретные виды человеческой деятельности или любое стремление личности к совершенству и красоте? Что есть красота или, вернее, что мы называем красотой в природе и можно ли создать ее искусственно? В этом произведении По описывает своего воображаемого друга Эллисона, который, будучи сказочно богатым, употребляет свое состояние необычным образом. Он начинает создавать поместье, являющееся воплощением совершенства.

Следует отметить, что во многих рассказах Э. По встречается мотив обращения к творчеству для преображения действительности или создания иллюзии действительности, особенно когда окружающая реальность становится неблагоприятной, пугающей или вовсе начинает угрожать жизни людей. Так происходит, например, в рассказе «Маска Красной Смерти», где за стенами замка люди умирают от моровой язвы, а в замке принца Просперо устраивается маскарад для увеселения гостей. Придумывая веселые, неожиданные костюмы, герои забывают о происходящем за стенами замка. В «Падении дома Ашеров» главный герой, Родерик Ашер, страдает оттого, что все его чувства болезненно обострены. Он обращается к живописи, литературе, музыке, чтобы создать искусственную действительность, которая бы не доставляла ему страданий. В «Поместье Аргейм» Эллисон, разочаровавшийся во внешнем мире, также обращается к творчеству, чтобы создать искусственный мир своей мечты.

Э. По называет своего героя поэтом, поскольку Эллисон, по словам автора, сумел понять истинную природу и высший смысл поэтического чувства, который заключается в том, чтобы создавать прекрасное, совершенное. И, заранее не надеясь изменить весь окружающий его мир, сделать его лучше и справедливее, он принимает решение сделать прекрасным и совершенным то место, в котором живет, – свое поместье, свой дом. Для этого, выбрав соответствующую местность, он полностью изменяет ее ландшафт. Это объясняется тем, что «природа вначале тщилась создать поверхность земли в полном согласии с человеческими понятиями о совершенной степени прекрасного, высокого или живописного, но что это начальное стремление не было выполнено ввиду известных геологических нарушений – нарушений форм и цветовых сочетаний, подлинный же смысл искусства состоит в исправлении и сглаживании подобных нарушений» [4, с. 364].

Так, гармонизируя окружающее пространство, организуя его усилием воли и подчиняя его силе интеллекта, Эллисон создает свой дом, свое поместье, свой маленький мир, тем самым пытаясь исполнить мечту об идеальной среде обитания. Читая этот рассказ, мы чувствуем: герой надеется, что в этом упорядоченном мире не останется места случайности. Все здесь будет спланировано, упорядочено, а следовательно, предсказуемо. Более того, в своем произведении автор создает миф о том, что человек был задуман бессмертным, но катаклизмы, произошедшие на Земле, изменили это, и человек стал подверженным болезням и смерти. Но если изначально задуманный порядок Земли вернуть к первозданному состоянию, то счастье и бессмертие будут также заново обретены человеком. Эта авторская позиция представлена в словах героя-рассказчика: «Вначале на долю человека предназначалось бессмертие. Тогда первоначальный вид земной поверхности, отвечающий блаженному состоянию человека, не просто существовал, но был сотворен по расчету. Геологические же нарушения предвещали смертность, приуготовленную человеку в дальнейшем» [4, с. 364].

Действия героя рассказа, могут быть интерпретированы как попытка вернуть человеку бессмертие, что на протяжении веков остается наиболее смелой мечтой множества ученых. Фактически Эллисон мечтает увековечить себя в своем творении. В расска-

зе сообщается о том, что после его смерти владения были открыты для посещений, и далее повествователь описывает само поместье Аргейм. В своей книге «Поэтика тела в рассказах Эдгара Аллана По» исследователь А.П. Уракова обращает внимание на довольно важную деталь: «Безымянный посетитель Аргейма попадает в полную зависимость от чужого зрения. «Правильное» восприятие пейзажа заранее навязано ему художественным видением мира Эллисона и повествователя» [6, с. 364]. Получается, что даже после смерти героя рассказа, посетители поместья смотрят на окружающий мир его глазами, так, как он запланировал это еще при жизни. В этом и кроется тайная, символически выраженная мечта о бессмертии, воплощенная в поместье Аргейм.

Задуманный как продолжение «Поместья Аргейм», рассказ «Домик Лэндора» также символически соотнесен с мечтой о совершенном устройстве пространства, окружающего человека. В начале этого рассказа есть эпизод, когда повествователь останавливается полюбоваться дорогой, ведущей к домику Лэндора. Его поражает то, с какой тщательностью убраны с дороги камни, и то, насколько незаметным осталось здесь человеческое вмешательство. Автор называет это искусством, и поясняет, что его особенно поразило сочетание искусственно достигнутой аккуратности и естественной живописности этой дороги. Понимание красоты, как сохранение естественного, данного природой, типично для литературы этого периода. Для Э. По, как и для всех представителей эпохи романтизма, природа имела особое значение: «В ней видели отражение высшей субстанции; а ее нерукотворная красота считалась идеалом гармонии и совершенства» [3, с. 94].

Давая развернутое описание, писатель, возможно, пытается выразить мысль, что именно скромный деревенский домик будет в наибольшей степени соответствовать красоте окружающей местности. Дом, приковывающий к себе внимание рассказчика, поразил его «сочетанием новизны и скромности – одним словом, поэтичностью (ибо только употребленными словами я бы мог дать наиболее строгое определение поэтичного в отвлеченном смысле)» [4, с. 684]. Внешняя гармония строения, красота окружающих его растений, находят живой отклик в его душе.

Спустившись к Дому, повествователь стучится в дверь, и его встречает на пороге женщина, обворожительно красивая, по мнению автора, который заметил в ее облике, прежде всего, «возвышенность или чуждость низменным интересам». Внутри дом обставлен скромно, но во всей обстановке чувствуется тонкий вкус владельца, мистера Лэндора, про которого в рассказе упоминается только то, что он был «приветлив и даже сердечен». В основном же внимание автора сосредоточено на описании окружающей местности, самого дома и женщины, встретившей его на пороге. Здесь повествователь несколько лукавит, утверждая, что цель рассказа состоит лишь в том, чтобы «дать подробное описание жилища мистера Лэндора, каким я его нашел» [4, с. 688]. Скорее всего, он выражает здесь свои представления об идеальном месте, где, как ему кажется, он мог бы быть счастлив.

Домик Лэндора – собирательный образ, включающий в себя описание реально существовавших людей и предметов. В предисловии к сборнику рассказов Э.А. По, изданному в 2008 г. в США, автор-составитель сборника, Эндрю Барджер, указывает на автобиографический характер рассказа: «Домик располагался неподалеку от железнодорожных путей и сдавался в аренду человеком по имени Джон Вэлентайн за 100 долларов в год. В этом доме 30 января 1847 года умерла Вирджиния после продолжительной борьбы с туберкулезом. В рассказе «Домик Лэндора» По описывает именно этот домик в Фордхэме, где жила его семья» [7, с. 238]. В описании женщины, встретившей рассказчика, мы находим много схожего с образом Энни Ричмонд, которая не раз поддерживала писателя после смерти его жены, Вирджинии.

В этот период Э. По часто ездил с лекциями по северо-восточным штатам, возможно, поэтому в описании местности в рассказе так отчетливо угадывается природа Новой Анг-

лии. Не следует забывать, что рассказ этот был написан в 1849 году. Это последний год жизни По, год, когда ему исполнилось сорок лет. Возможно, понимая, что большая часть его жизни уже осталась позади, По размышлял над тем, что в жизни представлялось ему наиболее ценным. Каким должно быть то место, где бы ему хотелось провести остаток дней? И мысли автора о том, что могло бы составить его счастье применительно именно к этому периоду его жизни, нашли отражение в этом рассказе.

Многие романтики были убеждены, что прекрасное внешне не может быть уродливо внутренне, а внешность человека отражает его душевное состояние. Так и для Э. По красота – понятие универсальное, оно относится ко всем аспектам действительности. Представления По об идеале женской красоты, об идеале красоты окружающего пейзажа, об идеальном образе Дома, – все это составляет мечту автора о той гармонии, которая должна сделать человека счастливым. Описываемый в этом рассказе дом – это сумма представлений автора о слагаемых счастья, необходимых ему в данный период жизни. В образе этого дома отразились как стремление автора к идеальному, так и его представления о совершенном, что позволяет утверждать, что в рассказе «Домик Лэндора» дом приобретает символическое значение мечты.

Несколько иная связь между образом дома и мечтой наблюдается в рассказе Г. Мелвилла «Веранда». Герой рассказа покупает дом в горной местности и строит веранду для того, чтобы любоваться пейзажем. Помимо этого, веранда напоминает ему палубу корабля, а ветер, пробегающий волнами по полевой траве, подходящей вплотную к дому, естественно напоминает о волнах. Таким образом, герой, который в прошлом, по-видимому, был как-то связан с морем, и на суше чувствует себя как на корабле. Именно с веранды ему открывается отличный вид на гору Грейлок, возвышающуюся над всеми остальными горами. И именно на этой горе после дождя ему удается разглядеть сверкающую точку, которую он принимает за место, где обитают феи. Его догадку можно считать вполне естественной, учитывая то, что он развлекает себя чтением комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь». Именно книга, выбранная им, разжигает его воображение и позволяет ему дать волю своей фантазии. Герой рассказа продолжает наблюдать за этим местом и однажды снова замечает отблеск на одном из пологих склонов горы. Тогда он размышляет про себя: «…подобный отблеск, как подсказывал опыт, могла отбрасывать только крыша, недавно крытая гонтом. Тут уж я окончательно уверился в том, что далекая хижина в волшебной стране с недавних пор сделалась обитаема» [2, с. 11].

Однажды, дождавшись благоприятной погоды, герой рассказа предпринимает попытку добраться до замеченного им домика в горах. Поднимаясь все выше в горы, он добирается до склона, где стоит этот дом и заходит внутрь, где находит девушку по имени Марианна, занятую шитьем. Марианна рассказывает нашему повествователю о своей судьбе и между прочим сообщает, что ее внимание поглощено видением прекрасного дома на равнине, в котором наверняка живут феи. Рассказчик оборачивается и с удивлением узнает свой дом: «Он сверкал точно так же, как и эта горная хижина, когда я смотрел на нее со своей веранды. Голубая дымка преображала скромный фермерский домик в замок зачарованного короля» [2, с. 17].

Что же заставило этого человека отправиться на поиски горного домика? Это путешествие в страну фей может быть символически соотнесено с поиском личного счастья. Из окна его дома дом Марианны кажется сказочным местом, где наверняка должен жить счастливый человек. Но из хижины, где живет Марианна, его собственный дом представляется таким же сказочным обиталищем неземных существ. Это приводит нас к выводу, что в рассказе образ далекого, почти недостижимого дома в сознании героя произведения символически соотнесен с личным счастьем. И герой отправляется на поиски Дома лишь для того, чтобы приблизить свое счастье. Но, достигнув цели своего путешест-

вия, он понимает, что оттуда *его собственный дом* предстает как символ будущего счастья. Идея этой философской притчи созвучна идее пьесы бельгийского драматурга, Мориса Метерлинка «Синяя птица».

Герой произведения «Веранда» в своих мечтах обращается к образу сказочного дома в горах, связывая его в своем воображении с прекрасным миром фей. Но, достигнув дома, и обнаружив там такую же действительность как и в долине, герой понимает, что искал невозможного, недостижимого, того, что является лишь продуктом его воображения. Таким образом, мы приходим к выводу, что Дом в этом рассказе также есть не что иное, как Мечта и основную идею рассказа можно определить как желание автора показать, что объект устремлений человека кажется ему привлекательным лишь потому, что за «голубой дымкой» расстояния и времени он не может правильно оценить то, к чему стремится. Но, достигнув предмета своих устремлений, он с жалостью оборачивается к прошлому, вполне оценив потерю лишь после того, как она станет необратимой.

Следует отметить, что между мечтой, связанной с образом дома в произведениях Э. По и Г. Мелвилла есть существенное различие. В рассказе Мелвилла это недостижимая мечта, осуществить которую невозможно, поскольку ее предмет лежит за пределами действительности. В рассказах По это потенциально осуществимая мечта, описанная во всех деталях, практически готовая к воплощению. Но есть и нечто общее между образами дома в произведениях этих двух авторов. Вне зависимости от того, насколько осуществимой является связанная с домом мечта, она ставит перед героем некую цель, изменяет его представления о действительности, делая его существование исполненным смысла и надежды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Краткая Литературная Энциклопедия, в 9-ти тт. – Т. 6. – М.: Советская Энциклопедия, 1962. – 1040 с.
2. Мелвилл Герман, Собрание сочинений. – Т. 3. Повести и рассказы. Стихотворения. – Л.: Художественная литература, 1988. – 478 с.
3. Осипова Э.Ф., Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 169 с.
4. По Эдгар Алан. Полное собрание рассказов, М., Наука, 1970, 793с.
5. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий (Гл. научн. ред. Н.Д.Тамарченко), М., Intrada, 2008, 358с.
6. Уракова А.П., Поэтика тела в рассказах Эдгара Аллана По, М.: ИМЛИ РАН, 2009, 250 с.
7. Edgar Allan Poe's Annotated Short Stories, edited and introduced by Andrew Barger, Bottletree Books, 2008, 648p.
8. Rowlandson M., Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson, Filiquarian Publishing, LLC., 2008, 60p.

УДК 82-94

Симбирцева Н.Ю.
Институт научной информации по общественным наукам РАН

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕМУАРОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

N. Simbirtseva
The Institute of Scientific Information in Social Sciences, Russian Academy of Sciences

GENRE OF RUSSIAN EMIGRANT MEMOIRS OF THE "FIRST WAVE"

Аннотация. Мемуары русского зарубежья представляют особую форму словесного творчества, особенный пласт культуры. Не только старшее поколение писателей-эмигрантов, большую часть жизни связанное с Россией, но и молодые, начинавшие в эмиграции, обращались в произведениях к исторической памяти, подчеркивали свою причастность к истории своей родины. В статье представлено многообразие жанровых форм мемуаристики первой волны русского зарубежья. Важной их чертой является приверженность традициям русской литературы и присутствие «авторского я». Автор выделяет жанр литературного портрета, автобиографии, дневниковые записи, эпистолярий, жанр путешествия. Эти формы получили широкое распространение в литературе русского зарубежья, стремившейся восстановить утраченную связь поколений.

Ключевые слова: автобиография, дневник, жанр, интонация, литературный портрет, мемуары, очерк, повествование, эпистолярий, жанр путешествия.

Abstract. The memoires of Russian writers in exile represent the peculiar form of literary works, the special stratum of culture. Not only the older generation of the emigrant writers, connected with Russian culture through most of their lives, but also the literary youth turned their attention to Russian historical memory, expressing their involvement in the history of their motherland. The article represents genre variations of memoirs in Russian emigrant literature of the "first wave", and their important features: the commitment to traditions of the Russian literature and the presence of the author's self. The author of the article distinguishes genres of a literary portrait, an autobiography, a diary, a letter, a genre of a voyage. These forms are very popular in Russian literature in exile, as writers were striving to restore a losing connection of generations.

Key words: autobiography, diary, journal, genre, intonation, literary portrait, memoirs, essay, sketch, narration, genre of a voyage, letters.

Мемуаристика писателей-эмигрантов «первой волны» – художественное явление, органично воплотившее настроения, идеалы, дух русского рассеянья. Она составляет весомую часть созданного писателями в эмиграции. Развиваясь в рамках традиционных жанров, воспоминания русского зарубежья восстанавливают картины переломных лет, оставляют свидетельства о жизни изгнанников. Жанр этих произведений различен, в форме литературных портретов, автобиографий, дневниковых записей, медитативных очерков, эпистолярия писатели передают атмосферу литературной жизни эмиграции.

Важным становится вопрос жанровой специфики мемуаров и вопрос их достоверности. Можно разделить мемуары на те, в которых описывается культурная жизнь России и биографические (в том числе исторические различных политических деятелей), большое значение приобретают мемуары деятелей культуры, лиц, связанных с искусством: А.А. Плещеева «Что вспомнилось: За 50 лет. Театральные воспоминания» (Париж, 1931), его же «Под сенью ку-

* © Симбирцева Н.Ю.

лис» (Париж, 1936), «Сергей Лифарь. От старого к новому» (Париж, 1938), «Мое время» (Париж, 1939), К.А. Коровина "Константин Коровин вспоминает... "(М., 1971), Ю.П. Анненкова «Дневник моих встреч» (Нью-Йорк, 1965-66), А.Н. Бенуа «Жизнь художника: Воспоминания» (Нью-Йорк,1955), Тенишевой, Шаляпина, М. Фокина, др. Необходимо упомянуть военные мемуары П.Н. Краснова и А.И. Деникина, в которых восстанавливаются события гражданской войны.

Необходимо отличать мемуарную прозу от исторической и научной биографии, а также от тех произведений, где мемуарная форма выступает как литературный прием, т. е. художественной прозы. В мемуарах неполнота фактов и почти неизбежная односторонность искупаются живым и непосредственным выражением личности их автора.

Жанровое многообразие мемуаров обосновано психологически. В воспоминания русских зарубежных писателей нередко входили письма, дневниковые записи. Л. Гинзбург писала: «Образ человека строится в самой жизни, и житейская психология откладывается следами писем, дневников, исповедей и других человеческих документов, в которых эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанности… Мемуары, автобиографии, исповеди – это уже почти всегда литература, предполагающая читателя в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека: тогда как письма или дневники закрепляют еще не предрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой. Динамика поступательная сменяется динамикой ретроспективной. Мемуарные жанры сближаются таким образом с романом, с ним не отождествляясь».[4, с. 10] Именно такой представляется роль писем в воспоминаниях З. Шаховской «Отражения» (Париж, 1975) и «В поисках Набокова» (Париж, 1979). Портреты писателей-эмигрантов, рассказ о встречах, общении, нелегкой, а подчас трагической судьбе завершается подборкой писем, в которых авторы их предстают в своей жизненности и обыденности существования вдали от родины. Повествование становится более интимным, личностным и одновременно более документальным. В предисловии к книге «В поисках Набокова» автор писала: «Письма – чудные островки для причала памяти, и я задумала построить мою книгу о Набокове вокруг его писем, напечатав их целиком и снабдив их моими воспоминаниями и примечаниями» [11, с. 12]. Замысел этот относительно книги о Набокове оказался невыполнимым, однако в «Отражениях» писательница с успехом осуществила свою идею. В книге представлены наряду с воспоминаниями письма А. Ремизова, И. Бунина, Г. Адамовича, Б. Зайцева, Н. Тэффи и многих других.

Использовал письма в книге «По памяти, по записям» А. Бахрах. В мемуарах он приводит письма И.А. Бунина: «Пачка его писем… сохранилась и в моем архиве. Всех его писем и записок не опубликовать, многие из них не имеют историко-литературного интереса, но кое-какие, как мне кажется, напечатать стоит, хотя бы в отрывках. Будущему биографу Бунина они могут дать какой-то новый материал». И в другом случае, с отрывками из писем А. Белого, он руководствовался тем, что опубликовано к тому времени их было немного. Говоря о письмах И.А. Бунина, мемуарист отметил: «Он был редчайшим среди литераторов, который действительно писал свои письма без оглядки на их посмертное обнародование. Слишком часто он писал свои письма, не обдумавши их, под влиянием мгновенных импульсов и на следующий день жалея об отсылке» [3, с. 189-190]. Дневниковые записи часто являются основой для создания мемуаров, творческой лабораторией писателя. В литературе русского зарубежья этот жанр мемуарной прозы представлен «Грасским дневником» Г. Кузнецовой (Вашингтон, 1967), записками молодой писательницы о жизни на вилле Бунина в Грассе. В своем дневнике Г. Кузнецова очень тактично представила жизнь старшего современника и его окружения. Эта книга не о быте и творчестве писателя, а скорее, впечатления жизни от встреч с различными людьми, история

общения с Буниным, заметки о природе южной Франции. Несмотря на общее для большинства книг о русской эмиграции чувство тоски по утраченному, ощущение скудости эмигрантского существования, книгу о Грассе пронизывает счастье встречи со знаменитым писателем, радость творчества. Р. Гуль выделял не только «бунинский» язык «Грасского дневника», но и присущую ему фактографичность. 0н писал: «По страницам проходят кроме «хозяина» Ивана Алексеевича и Веры Николаевны многие видные представители русского искусства и литературы за рубежом… Но, конечно, основная ценность книги – в ее главном действующем лице – в И.А. Бунине. Он дан и как человек, и как художник, с характерными для него чертами (приятными и неприятными), с его рассказами… Мы видим Бунина необычайного рассказчика, чьи рассказы за «чайным столом» в записях Г. Кузнецовой иногда воспринимаются как обрывки художественных произведений» [5].

Наиболее изученным жанром мемуарной прозы является литературный портрет, самая популярная форма в мемуаристике русского зарубежья. В.С. Барахов [2] выделяет следующие его разновидности: литературный портрет в мемуарной литературе, документально-биографическом повествовании, жанре критической прозы, жанре научно-монографического исследования.

Жанр литературного портрета характеризуется большой устойчивостью в литературе русского зарубежья. Очерки из книг Б.К. Зайцева «Москва», «Далекое», «Мои современники» посвящены многим выдающимся писателям, художникам, общественным деятелям, с кем автор был близко знаком (Бунин, Горький. Луначарский, Каменев, Немирович-Данченко, Мережковский, Ахматова, Алданов, Осоргин, Ремизов, Шмелев, Солженицын). «Зайцевские портретные рисунки… передают не только портреты отдельных лиц, но… и саму атмосферу эпохи, навсегда от нас ушедшую» [6, с. 11].

Излюбленным жанром Г. Адамовича в книге «Одиночество и свобода» и очерков Ю. Терапиано, включенных в книгу «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974)» (Париж – Нью-Йорк. 1987), становится эссе. Этому жанру присуща обращенность в прошлое, к тем литературным явлениям, которые, по мнению авторов, имеют общекультурную ценность и насыщены особым чувством причастности к лучшим образцам искусства. В очерках осмысливается творчество М. Цветаевой, К. Бальмонта, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Бунина и др. Эти произведения содержат субъективное отношение к предмету, которое обусловливает новый неожиданный подход, оригинальный взгляд на творчество портретируемого. Им свойственны «игра» словом, разговорная интонация. В разных гранях рассматривает творчество и личность З.Н. Гиппиус в книге «Одиночество и свобода» ее автор. В очерке можно увидеть и субъективность писателя в некоторых оценках, и новизну подхода к творчеству героини очерка. Так, по мнению автора, написанному Гиппиус недостает непринужденности, непосредственности. Как бы сомневаясь в правильности избранной жанровой схемы, он продолжал: «Не схематизирую ли я живой облик, «живое лицо» Зинаиды Гиппиус. А главное, не оказываюсь ли... в какой-то мере предателем по отношению к этой удивительной женщине, с которой, повторяю, был дружен и которая оставила в памяти моей неизгладимый след. Пытаясь объяснить ее, не подчеркиваю ли ее слабости, не слишком ли поверхностно говорю о ее заслугах и достоинствах?» [1, с. 159-160].

Свою точку зрения на каждого портретируемого обозначает Ю. Терапиано в очерках, посвященных молодым поэтам и писателям старшего поколения. В любом из них – свое собственное понимание судьбы и значения художественного наследия того или иного писателя, связанное с взглядами автора на предназначение искусства и жизни. Особенно ценилось им как влияние, оказанное на поэтов «парижской нотой», – тяготение к внутреннему, тема одиночества, усталости от «странствияземного»,такиотрицаниенастро-

ений, рожденных этим направлением, – ощущение «умирания» и «безысходности» [10, с. 127]. «Непримиримость», «напряженную философски-религиозную ноту» выделял писатель в творчестве И. Бунина, Б. Зайцева, в произведениях А. Ремизова – «адский хаос», «ощущение путаницы, безысходности, боли, одиночества и оставленности». Автор подчеркивал те качества творчества своих современников, которые были близки и понятны ему самому – связь судеб героев произведений и «религиозную подоснову всякой человеческой жизни, всякого вовне совершавшегося явления» [10, с. 280, 289]. Таким образом, жанр эссе становится самым результативным средством для высказывания своего взгляда на культуру, творчество.

Автобиография и мемуарно-биографический роман составляют биографическую разновидность мемуаров. В автобиографии писатель преимущественно рассказывает о себе, об основных вехах собственной жизни. В произведения такого рода часто входит бытовая конкретика, определено авторское отношение к описываемому.

К жанру автобиографического романа относятся воспоминания В. Набокова «Другие берега». Как писал автор в «Предисловии к русскому изданию», цель книги – «описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе» [7, с. 7]. Как романист Набоков восстает против «навязываемой» жанром точности и спорит с читателем, привыкшим к стереотипу, и «решительно восстает» против ограничения своей свободы в осмыслении прошлого. «Чтобы правильно расставить во времени некоторые мои ранние воспоминания, мне приходится равняться по кометам и затмениям, как делает историк, датирующий обрывки саг», – подшучивает он над читателем, требующим фактов. В. Набоков обращается к пробуждению самосознания – младенчеству, к повышенной восприимчивости юности, прослеживает все этапы человеческой жизни.

К жанру философской автобиографии относятся мемуары Н.О. Лосского, С. Булгакова. Н.А. Бердяев в книге «Самопознание» (Париж, 1949) сочетал этот жанр с философским осмыслением собственного жизненного опыта. Некоторые исследователи[1] трактуют мемуары Бердяева как своеобразное путешествие по окружавшему писателя миру. Жанр путешествия используется как стилевой прием и происходит как бы в сознании автора, который вспоминает детство, истоки и основные вехи творческого пути и пр.

Актуальность жанра путешествия для мемуаристов русского зарубежья обусловлена избранной темой, по законам жанра им приходилось осуществлять мысленное перемещение в далекую, недосягаемую для них Россию. Но такое перемещение было не только мысленным. В 30-х годах А. Седых удалось побывать в бывшей России, в Прибалтике, тогда отделенной от большевицкой страны границей. Результатом поездки стали путевые очерки, опубликованные сначала в газете «Последние новости», а затем вышедшие отдельной книгой «Там, где была Россия» (Париж, 1930). Кн. С. Волконский так писал о ней: «Что захватывающего в этой небольшой книге? Как определить, в чем сущность того чувства, которым она дышит... маленькими, незначительными подробностями автор втягивает нас в густую, насыщенную картину русского быта, которая оказывается написанной на наших глазах, казалось бы, из ничего» [8]. Временная перспектива, авторское «я», документальность – отличительные признаки этого жанра – сочетаются в нём с непосредственностью впечатлений. В таких произведениях ретроспективное видение событий приближает их к мемуарам. К жанру путешествия обращались Н.А. Тэффи в книге «Воспоминания» (Париж. 1931), в которой описала свою поездку на юг России во время

[1] Я.Г. Кротов писал: «Бердяев сознательно или невольно описал свою жизнь как путешествие из одного мира в другой… Только вера делает прохождение сквозь земной мир… не завоеванием, а именно путешествием к подлинному миру». Автор статьи проводит слова Бердяева: «Я изначально чувствовал себя попавшим в чуждый мне мир. Я всегда был лишь прохожим»(«Самопознание: Опыт философской автобиографии», Париж, 1949). Цит. по кн. Литературная энциклопедия русского зарубежья. – Т. 3. Книги. – М., 2002. – С. 92-93.

гражданской войны и отъезд на Запад; Б.К. Зайцев в книге «Далекое» (Вашингтон, 1960) в части, посвященной Италии. Для воспоминаний Б.К. Зайцева характерны эмоциональная приподнятость, лирический тон повествования, личностное видение событий – черты, присущие этому жанру.

В мемуарах можно увидеть сосредоточенность на проблемах духовных, нравственных, культурных, революция рассматривалась как главное бедствие, а гражданская война предъявила особые требования к русским людям. И пусть надежда на осуществление заветного была невелика, в мемуарах сохранилась вера в будущее благоустройство мира, в человеческую и свою душу, и веру в Бога. В июле 1925 в докладе «Россия, эмиграция, православие» С. Булгаков сказал: «Все вещи в мире можно и должно видеть на своем месте, где они предстоят нам в своем истинном значении и соотношениях: только тогда они прекрасны и красивы: безобразные развалины – когда они освещены заходящим солнцем или осеребрены луной – и кажутся прекрасными и являют собой не мираж, не иллюзию, но подлинную истину о заключающейся в них красоте» [9, с. 110]. Положение беженцев было бы иным, если бы не сознание эмигрантов, что и на чужбине «мы в России», «что есть только один способ спасать ее – в себе и через себя» [9, с. 110].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост. послесл. и примеч. О.А. Коростелева. – СПб., 2002. – 476 с.
2. Барахов В.С. Литературный портрет. – Л.: Наука, 1985. – 311 с.
3. Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. – М., 2005. – 592 с.
4. Гинзбург Л.Н. О психологической прозе. – М., 1999. – 410 с.
5. Гуль Р. Галина Кузнецова. Грасский дневник // НЖ. – 1958. – № 92. – С. 290-291.
6. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1999-2001. Т. 6 (доп.). Мои современники: воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – 1999. – 553 с.
7. Набоков В. Другие берега. – М.-Харьков: Фолио, 1999. – 464 с.
8. Последние Новости // Волконский С. «Там, где была Россия». – 1930. – 15 мая. – № 3350.
9. Русские философы (конец XIX–середина XX века): Антология. – Вып. 1. – М., 1993. – 368 с.
10. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974). – Париж-Нью-Йорк, 1987. – 352 с.
11. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. – М., 1991. – 318 с.

УДК 821.1

Тюрморезова С.А.
Сургутский государственный педагогический университет

ЛИРИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ «ТИХОГО ДОНА» М. А. ШОЛОХОВА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ*

S. Tyurmorezova
Surgut State Pedagogical University

LYRICAL PERCEPTION OF SHOLOKHOV`S "THE SILENT DON" IN THE EYES OF CONTEMPORARIES

Аннотация. Предметом настоящей статьи является эмоционально-чувственное воздействие донской эпопеи на лирическое сознание читателей «Тихого Дона». Работа проиллюстрирована свидетельствами современников М.А. Шолохова. Среди них высказывания известных деятелей литературы и искусства: кинорежиссёров, писателей, поэтов, художников, композиторов и музыкантов. Эти высказывания говорят о том, что известный писатель являлся стимулятором художественной энергии для многих своих современников. На основании вышеизложенного автор работы приходит к выводу, что М.А. Шолохов был самобытным и полнокровным лириком, оказавшим мощное воздействие на чувственное восприятие мира современниками.

Ключевые слова: лиризм, лирическое начало, приёмы лирического письма, эмоционально-образное содержание романа.

Abstract. The subject of this article is the emotional impact of Sholokhov`s novel "The Silent Don" on the lyrical perception of his contemporaries. The author presents several testimonies of Sholokhov`s contemporaries (film directors, writers, poets, artists, composers and musicians) that prove that the author of "The Silent Don" was an original and genuine lyricist, who had a powerful influence on his contemporaries` perceptional world view.

Key words: lyricism, lyrical source, lyrical letter writing techniques, emotional-imaginative contents of a novel.

«Тихий Дон» М.А. Шолохова является одним из вершинных созданий отечественной и мировой эпической литературы, а его автор по праву считается крупнейшим в истории художественной словесности писателем-эпиком. Американский литературовед Дэвид Стюарт в статье «Эпическое построение и смысл в «Тихом Доне»» (1960) утверждал, что «Тихий Дон» – «это эпос в самом прямом значении слова», который «так же, как и эпос Гомера, являет собой воплощение жизни народа и его культуры» [10, с. 268].

В контексте этого безусловно всеобщего убеждения может показаться странным, если не надуманным суждение о том, что Шолохов является одним из наиболее ярких и в определенном смысле непревзойдённых лириков XX-го столетия. Между тем все более углубляющееся исследование центрального создания писателя – эпопеи «Тихий Дон» – вызывает потребность в постижении и этой – лирической – составляющей художественной плоти произведения и поэтической природы дарования его автора.

Речь идёт об активном присутствии в его сочинениях лирического начала, характерного для всего творчества Шолохова в целом, и в особенности для романа «Тихий Дон», который представляет собой особенное явление с точки зрения исследуемой проблемы и является выдающимся образцом литературы, где лирическое начало выступает одним из несущих пластов художественного произведения.

* © Тюрморезова С.А.

Всенародная любовь к роману Шолохова, восхищение и душевная потрясённость первых читателей «Тихого Дона» его страницами были основаны, прежде всего, на чувственном восприятии произведения.

Ю.А. Дворяшин справедливо заметил, что «…на первых порах суждения критиков о естественно-природной основе «Тихого Дона» и «Поднятой целины» имели характер непосредственной эмоциональной реакции…» [7, с. 19].

Ещё не осознавая в полной мере в силу разных причин центральной идеи «Тихого Дона», всей глубины и сложности его содержания, читатели уже в конце 20-х годов испытали на себе потрясающее эмоциональное воздействие донской эпопеи, необыкновенную притягательную силу её страниц.

Русский писатель Е. Пермитин признавался: «Я не просто восхищаюсь творчеством Михаила Шолохова, – я живу им. При чтении шолоховских книг я не видел ни целых страниц, ни отдельных строк и слов – они бесследно исчезали. Перед глазами стояли живые люди во всей их трепетной плоти с большой, яркой любовью и жгучей ненавистью, со страданиями и радостями… Душа неистовой страстности и иступлённой правдивости, большая душа, в которой находили чуткий отклик все боли и радости, думы и чаяния родного народа, раскрылась мне во всём её величии» [20, с. 396-397].

Читателей романа-эпопеи поражало не столько рациональное содержание романа, смысл его идейно-художественной концепции, сколько то, что чувствовалось и угадывалось ими между строк и то, что А. Хватов выразил следующими словами: «Сердце человека верховенствует в романе…» [24, с. 8].

Н. Фортунатов в статье «Образы чувства» в прозе Толстого и Шолохова» пишет, что Толстой ещё в начале своего творчества задумывался о самом трудном в искусстве, о том, чтобы «как-нибудь перелить чувства в другого», чтобы «высказать себя так, чтобы другой понял тебя, как ты сам себя понимаешь» [23, с. 143].

Размышлял над этим и автор «Тихого Дона»: «Больше всего нужно для писателя, – ему самому нужно, – передать движение души человека» [13, с. 4].

В этом отношении – по глубине искренности и человечности переживаний – Шолохов, по словам Фортунатова, «ярчайший мастер» [15, с. 143].

Не удивительно, что на «сердце человека» в романе первые читатели «Тихого Дона» откликнулись именно сердцем, прежде всего эмоционально-чувственно. Ю.А. Дворяшин в своей книге «М. Шолохов: грани судьбы и творчества» приводит яркие свидетельства современников Шолохова, подтверждающих эту мысль: писателя А. Калинина, известного прозаика И. Шухова и одного из главных руководителей Вёшенского восстания Павла Кудинова.

«Я прочитал первую книгу «Тихого Дона», когда мне было 13 лет. И это было, как ожог на сердце», – писал А. Калинин [7, с. 10].

«Шолохова читал и перечитывал, как говорится, запоем, не отрываясь, без сна и отдыха. Откровенно скажу – читал даже с завистью: вот так бы писать!.. Надо же, такой силищи талант!» – свидетельствовал И. Шухов [7, с. 12].

А вот признание П. Кудинова: «Читал я «Тихий Дон» взахлёб, рыдал, горевал над ним и радовался – до чего же красиво и влюбленно всё описано…» [7, с. 26].

В 1941 году М.А. Шолохову за роман «Тихий Дон» была присуждена Сталинская премия 1 степени. Как свидетельствует стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, все участники обсуждения, независимо от своих политических убеждений, идеологических представлений, от своего жизненного опыта, который нередко противоречил сокровенным идеям, воплощенным в произведении, «были покорены художественной силой романа Шолохова» [7, с. 160].

Присутствующие говорили о потрясающей силе его воздействия на читателя. Характерным, отличающимся своей эмоциональной непосредственностью суждением о «Тихом Доне» явилось высказывание члена

Комитета поэта Н. Асеева, который назвал «Тихий Дон» «порочным, но любимым произведением Шолохова» [7, с. 160].

Но подобные чувства испытывали тогда, как и по прошествии десятилетий, миллионы рядовых читателей нашей страны.

«Книга «Тихий Дон» произвела на меня сильное впечатление. Во-первых, это замечательное произведение, которое заставило меня проливать слезы. В начале этой книги есть такие сильные места, что от волнения и слез нельзя было читать. Например: смерть Натальи. Какую грустную и правдивую картину нарисовал нам т. Шолохов! Сколько здесь прекрасного и волнующего, правдивого и скорбного, что женщина не может не плакать. Если бы т. Шолохов собрал все слезы, то он понял бы, какой художественной силы он достиг в этом месте. Я спрашивала у других женщин, которые читали роман, и они признавали, что плакали. Да, тов. Шолохов большой художник!», – писала читательница романа Людмила Николаевна Певецкая в 1938 году [11, с. 255].

По словам Н. Корниенко, для читателя «…без преувеличения, встреча с героями "Тихого Дона" стала сердечным событием и частью его жизни» [11, с. 218].

В работе «…Душою плачешь и смеёшься от души». Письма читателей Михаилу Шолохову, 1933-1938» она пишет: «…основной массив читательских писем о романах Шолохова (нами просмотрено несколько тысяч)… свидетельствует о небывалом по масштабу интересе народного читателя к «Тихому Дону…» [11, с. 218].

Такой же феноменальной силы чувства испытывали читатели «Тихого Дона» не только в нашей стране, но и далеко за её пределами.

О невероятной популярности донской эпопеи, обладающей удивительной силой притяжения в её стране свидетельствует японский литератор Ясуэ Миякава: «Роман «Тихий Дон» переходил из рук в руки. К нему тянулись тысячи и тысячи людей, передавали читать знакомым, товарищам, друзьям – так и зачитали принадлежащий мне экземпляр…» [15, с. 359].

«Если автору удалось объединить, – размышлял над этим феноменом Н. Фортунатов, – огромную, пёструю, многоязычную толпу читателей, как это удалось сделать Шолохову, – этих неповторимых индивидуальностей, разных по характерам, своему воспитанию, развитию, вкусам, идеям, которые они исповедуют, – в **единый порыв увлечения книгой** (выделено мною. – С. Т.), значит, поэтическая мысль, высказанная художником, живёт по каким-то общим, единым для всех объективным эстетическим законам, по внутренним законам формы, соответствующим особенностям художественного восприятия, живёт благодаря значительности нравственного содержания, становящегося явлением высокого искусства, потому что мысль автора всякий раз облекается в поэтическую, законченную форму, вызывающую ответный отклик читателя… Художественная ткань рассказов Шолохова поражает… интенсивностью выражения эмоционально-образного содержания, сотканного у него из контрастирующих друг с другом ярких экспрессивных оттенков и красок» [23, с. 145].

Размышляя над секретом обаяния шолоховской прозы – писатель А. Первенцев пишет о том, что она «отвечает глубоким и тонким, органически возникающим под магическим действием писательского мастерства переживаниям» [19, с. 395].

То, что слово Шолохова способно проникнуть в таинственный процесс внутренней жизни человека, при котором и «невыразимое» «подвластно выраженью», и «душу можно рассказать», подтверждают потрясённые талантом чудотворца слова и другие современники писателя, оставившие свои многочисленные отзывы об эмоционально-чувственном воздействии на них его произведений.

Уже первые исследователи «Тихого Дона» отмечали мощное дыхание лирического начала, подчеркивали, что лиризм является одной из главных стихий творчества писателя. Так, Ю.Б. Лукин констатировал, что «Шолохов сочетает эпический строй своего романа с удивительной лиричностью повествования,

передавая тончайшие интимные переживания людей, раскрывая самые сокровенные эмоции» [2, с. 76].

К. Прийма отмечал: «Читая Шолохова, мы не знаем, чем более восхищаться – поэтичностью языка или экспрессией повествования» [21, с. 283].

«Эпос Шолохова, как Бетховен, затронет неизведанные чувства, как Моцарт, изумит, как Верди, взволнует и вызовет восторг, как Шопен, превратит в колосса, будь ты самый немощный человек, как Бизе, выведет на людную площадь, чтоб опьянить любовью, как Чайковский, обласкает и согреет лиризмом, как Палиашвили, очарует и внушит мысль, что прозе, как и музыке, доступно всё…», – восхищался Г. Джибладзе [8, с. 564].

Поразительная поэтическая ёмкость прозы писателя являет собой пример блистательного владения художником слова приёмами лирического письма, что предопределило воздействие его художественного мышления на поэтов-современников.

О влиянии шолоховского слова на их поэтическое мастерство упоминали К. Кулиев, Б. Примеров, Н. Грибачёв, К. Симонов. Балкарский поэт Кайсын Кулиев, которого связывала с М.А. Шолоховым многолетняя и плодотворная дружба, писал о непосредственном влиянии писателя на его поэтическое творчество: «Ни один из писавших о моих скромных книгах… никогда не упоминал о влиянии Шолохова. Это лишь потому, что я писал стихи, а не романы. Однако хочу сегодня с благодарностью признаться, что я много и старательно учился у Михаила Александровича. … Мне очень понятны и духовно близки горячие натуры Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой, их порывы, заблуждения и страдания. Меня поражают могучесть, широта и яркость поэтики несравненной шолоховской эпопеи. … Взрывы изобразительности у Шолохова ошеломляюще прекрасны» [14, с. 112-113].

Борис Примеров, русский поэт, земляк М.А. Шолохова, утверждал: «… намного раньше знакомства с Есениным я был очарован моим земляком Михаилом Александровичем Шолоховым. Я читал и перечитывал «Тихий Дон» запоем. И смею думать, что именно эта книга была моим первым учебником поэзии. Позже меня неоднократно ставили в близость к есенинской традиции, критики видели в «неуёмной образности» и «густой метафоричности» следование «великому песельнику Руси», но догадайся кто-либо из них раскрыть том Шолохова, то увидели бы, как он влиял на меня, как был близок моему мироощущению его захватывающе-стремительный ритм, его самобытно-яростный язык» [22, с. 8].

О силе воздействия произведений Шолохова на его творчество рассказывал Н. Грибачёв: «Такова поразительная сила шолоховского художественного произведения – оно само по себе жило во мне, но жило столь реалистично, что его обязательно хотелось соединить со всем, что видел глаз, до полного совпадения и слияния. Хотя и весьма редко – шли непрерывные бои, времени не хватало и на сон, – однако я всё же пробовал писать стихи, и они тоже окрашивались мотивами романа» [5, с. 177].

В записках Симонова можно прочитать следующее признание: «Мне довелось перечитать «Тихий Дон» в обстоятельствах, врезавшихся в мою память. Шёл август 1941 года. В тот страшный год две книги больше всего дали моей душе. Первой из них была «Война и мир». Второй такой книгой оказался для меня «Тихий Дон». Соединение трагизма его ситуаций с силой выведенных в нём характеров, по преимуществу народных, делало эту трагическую книгу книгой о силе народа, его двухжильной выносливости, бестрепетности перед лицом бед и смертей. Книга, которая оказывается нужной в такие минуты жизни, как тогда, в 1941 году, остаётся потом нужной на всю жизнь как часть тебя самого, сегодняшнего и ещё более тогдашнего».**[17, 309]**

Поэт С. Васильев в стихах признавался: «Сколько раз, читая снова, / перечитывая вновь, / я мечтал постичь основу / властных шолоховских слов!» [3, с. 76].

«Читаю и перечитываю Шолохова, и мне, поэту, становится по-хорошему завидно:

в какие глубокие тайны поэтического мастерства проник великий советский прозаик! Упиваюсь звучанием его слов-самоцветов, причудливой вязью его то разящей, беспощадной, то нежданно нежной фразы», – восхищался Э. Межелайтис [16, с. 356].

В 1958 году в библиотечной серии «Огонька» вышла в свет книжка стихов «Родная земля» русского писателя-академика, поэта С.Н. Сергеева-Ценского. Одно из своих стихотворений, посвящённое русскому языку, он попросил прочитать В. Закруткина. «Прослушав стихотворение, поэт спросил:

- А где сейчас Михаил Александрович Шолохов?» – и добавил:

- Вот кто владеет всеми сокровищами русского языка, как полновластный хозяин» [9, 219].

Писатель Лев Пасынков оставил свои воспоминания об А. Бусыгине, начинающем молодом беллетристе, в котором Шолохов, по его словам, «разбудил поэта» [18, с. 387].

Существуют многочисленные свидетельства того, что самобытные шолоховские образы М.А. Шолохова становились стимулятором художественной энергии для многих современников писателя. Среди них свидетельства известных деятелей литературы и искусства: кинорежиссёров, писателей, поэтов, художников, композиторов и музыкантов. Их волновали и тревожили неповторимая красота донского края, удивительные по силе, глубине и совершенству чувства и «очарование» человека, жизнь человеческая во всей её мощи и полноте, открывшиеся в поэтической красоте слова великого художника современности. Вдохновлённые поэтическим гением писателя, они создавали свои собственные лирические произведения искусства.

Прекрасный русский писатель, светлый лирик В. Лихоносов признавался: “ Читал я в детстве мало… и мне кажется нынче: если бы не очаровали меня эмигрантские страницы И. Бунина, “Тихий Дон” М. Шолохова, стихи С. Есенина, если бы не благословлявший дорожить мечтательностью и печалью своей души К. Паустовский, то я бы не посмел написать и строчки» [2].

Н.В. Корниенко упоминает о том, что роман Шолохова «Тихий Дон» был любимым произведением сына А. Ахматовой Л.Н. Гумилёва, и, как предполагает она, именно это послужило толчком к возникновению 2-ой главы «Реквиема»: «Тихо льётся тихий Дон…» [12, с. 312-314].

По книгам «Тихого Дона» были поставлены два кинофильма «Тихий Дон» (режиссёры О. Преображенская и И. Правов; реж. С. Герасимов), гениально передавшие мир лирических чувств героев Шолохова, весь драматизм шолоховского повествования, ставшие шедеврами отечественного кинематографа.

Когда С. Бондарчук приступил к экранизации романа «Они сражались за Родину», его спросили, почему он второй раз берётся за шолоховскую прозу, чем привлекает его творчество писателя? Режиссёр ответил: «Помню, как меня буквально потряс появившийся на страницах «Правды» шолоховский рассказ «Судьба человека». Ещё не было сценария, ни даже разговоров о фильме, а я уже знал, что отдам все силы души, всё творческое волнение, чтобы воплотить на экране это глубоко человечное повествование о людях, прошедших жестокие испытания и не утративших веру в человека, в свет нашей жизни… В прозе Шолохова такая изобразительная драматическая сила, какой владели Рембрандт, Гойя и Суриков» [1, с. 122].

З. Хорошева, исследуя песенно-фольклорный материал на страницах «Тихого Дона» рассказывает о том, что американский композитор и певец Пит Сигер создавая ныне известнейшую на западе песню «Куда исчезли все цветы?», в основу песни «положил принцип построения казачьей народной колыбельной песни «Колода-дуда», с которой он познакомился, прочитав роман М.А. Шолохова «Тихий Дон». «Пит Сигер, – отметила С.М. Шолохова, дочь писателя, – читал книгу моего отца «Тихий Дон», и она нашла отклик в его сердце, дала импульс для написания прекрасной антивоенной песни, которую пели и поют во всём мире не только барды, но и знаменитые вокальные группы, певцы и актёры» [25, с. 181].

В.В. Гура подчёркивал, что «именно «органическое сочетание драматического напряжения и необыкновенной лиричности в «Тихом Доне» вдохновило советского композитора И.И. Дзержинского на создание одноимённой оперы» [6, с. 96-97].

«Следует заметить, – писала М. Ячнева, – что не один И. Дзержинский писал музыку, вдохновясь шолоховскими произведениями. Композитор М. Магиденко создал оперу «Варина любовь» по мотивам второй книги «Поднятой целины»…

Несколько композиторов написало музыку к фильмам по романам и рассказам Шолохова. А ростовский композитор Л. Клиничев создал музыку балета по мотивам романа «Тихий Дон» [26, с. 240]. Пронзительная лиричность, задушевность, невероятная музыкальность, высокая патетика шолоховского текста вдохновили композитора А. Николаева сочинить симфоническую поэму по рассказу «Судьба человека».

О.Г. Верейский, художник-график, в своей книге “Встречи в пути” описал свою работу над иллюстрациями для книги “Тихий Дон”: “Те годы я как будто жил вместе с героями, созданными Шолоховым, засыпал и просыпался с мыслью о них… Михаил Шолохов так живо описал своих героев, что, зная их, как не знаешь близких знакомых, трудно ли изобразить их на бумаге?.. Более двух лет продолжалась моя работа над “Тихим Доном”. Я закончил ее в 1952 году. Когда я показывал готовые рисунки Михаилу Александровичу, не удержался и рассказал ему об этом охватившем меня ощущении утраты, он признался, что испытал подобное чувство, дописав последние строки “Тихого Дона”. Он сказал: “Оказалось, что уже рассвело. Я погасил лампу и почувствовал такую пустоту, такую беспросветную тоску…”. В последние годы я не раз возвращался к произведениям Шолохова. Я делал рисунки к “Поднятой целине”, “Донским рассказам”, к его книгам, созданным в военные годы. Но моя первая встреча с первой книгой Шолохова – “Тихим Доном”, как первая любовь, не забудется» [4, с. 141].

Вышеизложенные факты говорят о том, что автор «Тихого Дона» был самобытным и полнокровным лириком, оказавшим мощное воздействие на чувственное восприятие мира современниками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарчук С.Ф. «Судьба человеческая – судьба народная» // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. – Кн. 2. – 1941-1984 гг. / сост., вступ. ст., коммент., примеч. В. В. Петелина. – М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2005. – 972 с.
2. Бондаренко В.Г. Очарованный странник Виктор Лихоносов // Завтра, № 41(516), от 08.10. 2003. Режим доступа: http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/03/516/72.html
3. Васильев С.А. Слово редкой красоты // Михаил Александрович Шолохов. – М.: Правда, 1966. – С. 75-77.
4. Верейский О.Г. Встречи в пути. – М., 1988. – С. 141.
5. Грибачёв Н.М. Цельность характера // Слово о Шолохове. – М., Правда. 1973. 543 с. – С. 177.
6. Гура В.В. Жизнь и творчество М. А. Шолохова: пособие для учителей. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1955. – 208 с.
7. Дворяшин Ю.А. М. Шолохов: грани судьбы и творчества. – М.: Синергия, 2005. – 224 с.
8. Джибладзе Г.Н. Дни, проведённые с Шолоховым // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. – Кн. 2. – 1941-1984 гг. / сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. – М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. – 972 с.
9. Закруткин В.А. Цвет лазоревый // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
10. Кожинов В.В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с.
11. Корниенко Н.В. «…Душою плачешь и смеёшься от души». Письма читателей Михаилу Шолохову, 1933-1938. // Наш современник. – 2004. – № 5. – С. 218-256.
12. Корниенко Н.В. «Сказано русским языком…». Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. – М.: ИМЛИ, 2003. – 536 с.
13. Крупин В.Н. В гостях у М. А. Шолохова // Советская Россия. – 1957. – 25 августа. – № 201. – С. 4.
14. Кулиев К.Ш. Так растёт и дерево. – М.: Современник, 1975. – 463 с.
15. Микаява Я. Я была на шолоховской земле // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М.

Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
16. Межелайтис Э.Б. Дон и Неман // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
17. Осипов В.О. Шолохов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 639 с.
18. Пасынков Л.П. Останется! // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
19. Первенцев А.А. Во главе школы // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
20. Пермитин Е.Н. Русский, народный… // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
21. Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. – 2–е изд., испр. и доп. – М.: Сов. Россия, 1975. – 544 с.
22. Примеров Б.Т. Избранное. Стихотворения. Поэмы. – М. : Худож. лит. 1989. – 168 с.
23. Фортунатов Н.М. «Образы чувства» в прозе Толстого и Шолохова (К проблеме выразительной формы) // Яснополянский сборник. – Тула: Приокское книжное издательство, 1968. – С. 138-150.
24. Хватов А.И. По страницам «Тихого Дона» // «Тихий Дон» Шолохова в современном восприятии. Шолоховские чтения. – Ростов – на–Дону: Изд-во Ростовского ун–та, 1992. – С. 5-13.
25. Хорошева З.Я. Песенно-фольклорный материал на страницах романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вёшенский вестник: сборник статей и документов. – № 5.– Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – 288 с.
26. Ячнева М. Произведения М. А. Шолохова в искусстве // Вёшенский вестник: сборник статей и документов – № 5. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – 288 с., с ил. – С. 240.

УДК 821.161.1 Русская литература

Шлома Е.С.
Московский государственный областной университет

ПОЭТИКА ПРИРОДНЫХ МИКРОМИРОВ В ПРОЗЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА*

E. Shloma
Moscow State Regional University

THE POETICS OF NATURAL MICROCOSMS IN VIKTOR ASTAFYEV'S PROSE

Аннотация. Пристальное внимание к малым созданиям природы – отличительная черта творческого метода Виктора Петровича Астафьева. В своих произведениях писатель мастерски создает настоящие «портреты» природных микромиров – растений, животных, птиц и насекомых. Интерес писателя ко всем, даже малейшим проявлениям жизни в окружающем мире обусловлен его образом мыслей, крестьянским по своей сути. Статья посвящена исследованию поэтики природных микромиров. Выявляются и характеризуются выразительные средства, которые использует Астафьев: олицетворения, эпитеты, диалектизмы, ритмизация текста и другие. Прослеживается эволюция поэтики микромиров: от первых подступов автора к их изображению в ранних произведениях до глубокой нагруженности природных образов социальными смыслами в поздней прозе.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, поэтика, изображение природы, олицетворение, лиризм, тропы, выразительность

* © Шлома Е.С.

Abstract. The great attention to the smallest creatures of nature can be called a distinctive feature of the creative method of Viktor Astafyev. The writer skillfully creates real "portraits" of natural micro-worlds: plants, animals, birds and insects. The author's interest in all and even the tiniest manifestations of life in the outer world is conditioned by his peasant way of thinking. The article investigates the poetics of natural microcosms in Astafyev's creative work. It is dedicated to identifying and characterizing means of expression used by the writer, such as personifications, epithets, dialecticisms, rhythmic text and others. Also the evolution of this poetic is retraced from the first author's approaches in his early works, up to strong charging the images of nature with social meanings in the latest prose.

Key words: Victor Astafyev, poetics, depiction of nature, personification, lyricism, tropes, expressiveness.

Природа, неизменный персонаж произведений Виктора Астафьева, а подчас и главное действующее лицо, по-разному представлена в прозе писателя. С упоением рисует он и беспредельное море древней тайги: *А лес все шумел, накатывал волнами, как бескрайнее море-океан, всесильный, неумолчный и вечно живой* [3, с. 169] («Стародуб»), и богатырскую мощь «великой реки» Енисея: *Дивен Енисей, верхний и средний в особенности, ни одна верста не повторяется, величествен, раздумчив и раздолен он в низовье, где берег с берегом не сходится* [1, с. 510] (затесь «Диво дивное»). Порой величие сибирской природы под пером Астафьева достигает космических масштабов: *Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали иль разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались…* [5, с. 58] («Царь-рыба»).

Другой природный образ, очерченный с помощью одной, но яркой и запоминающейся метафоры, мелькнет только раз на страницах астафьевской прозы (*лютый фрукт чеснок* [6, с. 23], *баранчики желтыми ноздрями к весне принюхиваются* [6, с. 40], *тряпично-мягкие цветки гусятника* [6, с. 27] – примеры из «Оды русскому огороду»). В дальнейшем автор может и не вернуться к нему, однако читатель уже покорен меткой и лаконичной его характеристикой.

Даже малым созданиям природного мира – первому весеннему огурцу или тыквенному семечку («Ода русскому огороду»), одинокому северному цветку с ледышкой внутри («Уха на Боганиде» – новелла в составе романа «Царь-рыба»), порхающей бабочке (затесь «Отблеск пламени») Астафьев посвящает целые страницы произведений. Автор пристально вглядывается в изображаемое им природное явление, стремится постичь его тайные законы. Как вдохновленный исследователь, он словно проникает в особый мир этого образа – в микромир малого чуда природы – и рассказывает нам о нем. Это уже не пейзаж, это настоящий портрет, детальный, красочный, выразительный.

Подобные погружения в микромиры при всей своей законченности и относительной самостоятельности часто вплетаются Астафьевым в ткань крупной жанровой формы – повести или романа. Например, истории о цветке, распускающемся на окне избы, и землянике в «Последнем поклоне», о кукурузе в «Оде русскому огороду» и туруханской лилии в повествовании «Царь-рыба». Вот описание старой лиственницы в рассказе «Монах в новых штанах» из цикла «Последний поклон»: *Я остановился под самой толстой лиственницей, задрал голову. Мне показалось, что дерево, на котором где густо, где реденько бусила зеленоватая хвоя, плыло по небу, и соколок, приладившийся к вершине дерева, меж черных, словно обгорелых, прошлогодних шишек, дремал, убаюканный этим медленным и покойным плаванием. <...> Дерево – это целый мир! В стволе его дырки, продолбленные дятлами, в каждой дырке кто-нибудь живет, трекает: то жук какой, то птичка, то ящерка, а выше – и летучие мыши* [4, с. 89-90].

Жизнь отдельных микромиров может стать сюжетом целого произведения, например, затеси «Ягодка», «Первовестник», «Свеча над Енисеем», «Отблеск пламени». В миниатюре «Падение листа» автор зачарован красотой и гармонией, явившимися в ранней примете осе-

ни: *Я подставил руку. Словно учуяв тепло, лист зареял надо мной и недоверчивой бабочкой опустился на ладонь. Растопорщенный зубцами, взъерошенный стерженьком, холодящий кожу почти невесомой плотью, лист все еще боролся за себя, освежая воздух едва уловимой горечью, последней каплей сока, растворенной в его недрах* [1, с. 35].

Природные микромиры Астафьева имеют особую систему изобразительно-выразительных средств, свою собственную поэтику. Под термином «поэтика микромиров» мы понимаем специфические черты языка и богатую палитру поэтических приемов писателя. Первые подступы начинающего прозаика к детальному, красочному воссозданию жизни микромиров средствами художественного слова обнаруживаются уже в ранних произведениях. В рассказе «Земляника» (1952) с помощью колоритных метафор, в которых предугадывается будущая яркая образность «Оды русскому огороду» и «Последнего поклона», он описывает первую весеннюю ягоду: *Неприхотливая красавица, в траве она растет крупная, налитая. Отыщешь кустик, внизу на нем висит, как маленький бочоночек, ягодка на зеленой звездочке, а повыше – другая, остроносая, с белым боком. Еще выше – совсем маленькая и желтенькая ягодка…* [2, с. 90]. Однако в начале творчества подобные «гимны живому» еще не звучат у Астафьева в полную силу и редко выделяются в самостоятельные минисюжеты.

В 1960-е гг. писатель обращается к картинам деревенского детства, счастливым годам, проведенным в семье бабушки Катерины Петровны Потылицыной. Его оригинальная повествовательная манера совершенствуется, оттачивается и в начальных главах «Последнего поклона», и в жанре затесей.

Конец 1960-х – 1970-е гг. – «золотой» период творчества Астафьева, как его называют литературоведы, отмечен философским погружением писателя в микромиры. Это выражается в трепетном, народном по своей сути внимании к малым существам, растениям, насекомым как к части крестьянского космоса.

Крестьянскому отношению к миру свойственно признание за всем, бытующим в природе, равного права на жизнь и на то, чтобы стать предметом изображения в искусстве. Эта философия достигает своего апогея в повести «Ода русскому огороду» (1972), которой писатель дает необычное жанровое определение. Ее маленький герой шаг за шагом постигает живое пространство вокруг дома своей бабушки и знакомится со всеми обитателями небольшого участка земли. «Ода…», написанная Астафьевым в знак уважения к каждому из встретившихся мальчику созданий и преклонения перед природой, подарившей им жизнь, дает богатейший материал для анализа поэтики микромиров.

И «Ода…», и другие произведения, в которых запечатлена самодостаточная, гармоничная жизнь природы, в высшей степени лиричны, эмоционально окрашены. Это было отмечено уже первыми исследователями творчества Астафьева – В.Я. Курбатовым, писавшем об «откровенности, открытости, лиричности» [11, с. 61] сибирского прозаика, и Н.Н. Яновским, утверждавшим, что лиризм пронизывает все произведения [14, с. 449] писателя. Лирическое мироощущение, по мнению Г.М. Шленской, на суждение которой мы опираемся, определяется «умением почувствовать поэзию окружающего нас мира в ее многогранных повседневных, а потому уже ставших привычными и не замечаемых нами проявлениях» [13, с. 11].

Исследователи «лирической прозы» 1950-х-1960-х гг. не раз указывали на сходство принципов этого стилевого течения с художественным методом Астафьева [7, с. 67; 9; 10]. Общность прослеживается и на уровне поэтики микромиров. А. Павловский отмечает характерный для «лирической прозы» «культ живой подробности», когда «частность, мелочь осмысливаются … как еще не познанная или не увиденная нами великая и прекрасная сложность жизни» [12, с. 270]. Создатель «Последнего поклона» и «Царь-рыбы» обладает чудесной, выражаясь словами его героев, способностью «красивое да доброе видеть» [4, с. 385]. Именно она позволяет писателю

разглядеть потаенную красоту ничем не выдающихся, на первый взгляд, природных явлений. В астафьевских произведениях «культ живой подробности» трансформируется в «культ микромиров», в котором особенно ярко проявляется лирическое мироощущение автора. Предельная детализированность картин природы, нежелание писателя упустить какую-либо частность свидетельствуют о стремлении передать красоту и хрупкость чуда, дарованного жизнью.

В представлении Астафьева микромиры во всем их множестве и многообразии – с одной стороны, и огромный макромир, Вселенная, космос – с другой, живут по единым, непреходящим законам вечного умирания и обновления, подчиняются общим канонам гармонии, красоты, заповедям справедливости. Они изоморфны, и именно это представление о внутреннем устройстве микромиров легло в основу его поэтики. Писатель подчеркивает родственную связь всего со всем с помощью многочисленных и разнообразных изобразительных средств. Однако основополагающим приемом в описании природы, среди прочих, является у Астафьева олицетворение: огуречный росток *робеет*, *принюхивается*, *зябко ежится и цепенеет* [6, с. 21], помидорные саженцы *решают, что им делать – сопротивляться или помирать в этой простудной стороне* [6, с. 23] (здесь и далее приводятся примеры из «Оды русскому огороду», если нет специального указания источника). И чаще всего олицетворение выступает в сложной контаминации с другими тропами и фигурами.

Нередко в микромиры малых созданий природы автор переносит свои представления о материнстве и детстве. Вспоминая деревенскую птичку-мухоловку, он называет ее *хозяйственной, смиренной* [6, с. 27], *мамой … писклявого семейства* [6, с. 28]. Рассказывая о ласточке, он акцентирует внимание читателя на материнском начале в этом образе: *не потеряла ласточка голову и помнила о своем назначении, думала о будущих птенцах* [6, с. 28].

Более того, метафоры, связанные с семьей и материнством, художник использует не только для изображения животных или птиц, но и в описании царства растений и, условно говоря, «неживой природы». Цветок, который находит Аким в тундре, закутан *в слабое дитячье перо* [5, с. 214] («Уха на Богаиниде», «Царь-рыба»). В рассказе «Туруханская лилия» («Царь-рыба») автор видит, как из поразившего его цветка-граммофончика *наружу без опаски, с вызовом высовывались семена, не два, не три – целый пучок семян, переполненных грузом плоти, изнемогшей в раскаленном цветочном нутре, спешащих скорее оплодотвориться и пасть на землю* [5, с. 305].

При помощи выразительных метафор и сравнений автор сопоставляет представителей разных природных миров и находит у них много схожих черт. Рисуя искусные «портреты» растений, он активно использует зооморфизмы: огуречный росток всходит *узким кошачьим зрачком* [6, с. 21], бабушка несет первый снятый огурец *словно цыпушку* [6, с. 22], росток тыквы *вылупляется* [6, с. 38] из семечка, а тыквенные плоды автор называет *бледнопузыми поросятами* [6, с. 38]. Встречается в астафьевских текстах и обратное явление – флороморфизмы, служащие для описания животных: мухоловкины яички – *чуть побольше горошин* [6, с. 28].

Микромиры в изображении Виктора Астафьева необычайно красочны. Одним из любимых поэтических средств является цветовой эпитет. Только на страницах «Оды...», посвященных огурцу, мы находим такие образные определения, как *серенькие грибки*, *в черном глазу лунки*, *два бледных листика*, *в зеленом хороводе*, *желтенький цветочек*, *белое рыльце огурца* [6, с. 21-22]… Наиболее часто используются писателем эпитеты, обозначающие зеленый и желтые цвета — оттенки, прочно ассоциирующиеся с солнцем, цветением, весной. В одной из заполненных анкет именно зеленый цвет он назвал своим любимым [8, с. 170].

Не менее распространены у Астафьева и эпитеты, связанные, например, с осязанием: *шершавый листок*, *пупыристый*, *ребристый* огурчишко, *резные, цепкие листы* [6, с. 21], и

с другими чувственными ощущениями, делающие картину жизни микромира яркой, запоминающейся.

Нередко образам микромиров в астафьевских произведениях сопутствует мотив света. Огуречный цветок – это *живая икорка*, он светится *словно огонек бакена*, от *желтых огоньков* на гряде *светлеет*, а созревший огурец *блестит маслянисто* и *сияет* [6, с. 21-22]. Озаряя детство героя, мотив света вступает в «Оде русскому огороду» в конфликт с мотивом тьмы, возникающим в картинах его военных воспоминаний.

Язык Астафьева-повествователя, когда тот ведет свой рассказ о микромирах, отличает повышенная эмоциональность. Она создается благодаря повторам (*лист за листом, лист за листом* [6, с. 21]) и восклицаниям (*ОНО! Взошло! Вот тебе и на!* [6, с. 34]). Порой автор иронически обращается к своему читателю: *Знаете ли вы, добрые люди, что такое окрошка с первым огурцом! Нет, не стану, не буду об этом! Не поймут-с!* [6, с. 22]. Страницы, на которых писатель увлечен «живописанием» природным микромиров, пронизаны фольклорным началом. Он щедро рассыпает по ним присказки (*Кину порохом, встанет городом*) [6, с. 18], – вещает бабушка, высеивая мак), рифмованные эпитеты-прозвища (*огурец-удалец, огурец, белопупый молодец* [6, с. 22]), диалектные и просторечные выражения (*сеючи* [6, с. 18], *чивили* [6, с. 52], *дуреть* [6, с. 23], *фулюганит* [6, с. 38]). Зачастую эпизоды астафьевских произведений, посвященные разным событиям природной жизни, по своей ритмической структуре приближаются к стихотворениям в прозе. Свидетельством тому – цепочки из почти «анапестов» или «амфибрахиев». Например: *Боязли́/вые се́/рые пли́ш/ки, и те промышляя/ли на па́/хоте* [6, 20]; *Выступа́/ли ресни́/чки травы́/ в борозде́/, кралась на гряду́/ повили́ка/* [6, с. 21]; *А му́шки/ упа́ли/ наземь, в капу́сту/* [6, с. 49]. Всё это в совокупности и формирует индивидуальный стиль астафьевской прозы, легко узнаваемый и любимый его читателями.

Нередко образы природы вырастают у Астафьева в символы. Особенно часто встречается символ цветка. В повести «Стародуб» он выражает любовь Култыша к Клавдии; в повествовании «Царь-рыба» туруханская лилия кажется рассказчику похожей на дальнюю, непокоренную реку Нижнюю Тунгуску и северную красавицу-эвенкийку, встреченную им на туруханской пристани; в «Ухе на Боганиде» («Царь-рыба») северный цветок символизирует, по словам автора, жизнь самого Акима: *тот стойкий цветок тундры, приручивший само солнце, жил и цвел в памяти отдельно от всех воспоминаний, потому что где-то и в чем-то оказалась схожей жизнь Акима и северного цветка* [5, с. 248].

В поздних книгах Астафьева возрастает нагруженность образов природных миров социальными смыслами. В творчество писателя вливается мощная публицистическая струя, а в умиротворенное созерцание картин жизни природы вторгаются размышления о злободневных проблемах современности, которые разрушают ощущение гармонии, присущее тем же картинам в произведениях 1960-х – 1970-х гг. Как и почему это происходит – обширная, многогранная тема для специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астафьев В.П. Затеси. – М.: Эксмо, 2008.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. Рассказы. Тают снега: роман. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997.
3. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. – Т. 2. Повести. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997.
4. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. – Т. 4. Последний поклон: Повесть в рассказах. кн. 1-2. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997.
5. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. – Т. 6. Царь-рыба. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997.
6. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8. Произведения 1970–1980-х годов. Ода русскому огороду. Паруня. Очерк. Зрячий посох. Повесть. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997.
7. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990 гг.: Монография. – М.: Высш. школа, 2003.
8. «И открой в себе память…». Вып. 2. Воспоминания о В.П. Астафьеве жителей Овсянки и Дивногорска: материалы к биографии писателя / гл. ред.-сост. Г. Шленская; ред.-сост. Н.Я. Сакова. –

Красноярск: КГУ, Библиотека-музей В.П. Астафьева, 2006.
9. Ивлев Г.А. Особенности лирической прозы 70-х гг. («Царь-рыба» В. Астафьева) // Единство и многообразие. – Казань, 1982. – С. 118-130.
10. Кузьменко Р.Г. "Царь-рыба" В. Астафьева в контексте лирической прозы 50-70-х годов. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Одесса: Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова, 1989.
11. Курбатов В.Я. Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1983.
12. Павловский А.И. О лирической прозе // Время. Пафос. Стиль: художественные течения в современной советской литературе. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 247-271.
13. Шленская Г.М. Лирические повести Владимира Солоухина (Некоторые вопросы мастерства и жанра). Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Барнаул: Барн. гос. пед. универ-т, 1968.
14. Яновский Н.Н. Писатели Сибири: Избранные статьи. – М.: Современник, 1988.

Научная жизнь

ОТЧЕТ
О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.01 В 2010 Г.

Диссертационный совет Д 212.155.01 утвержден в Московском государственном областном университете приказом Высшей аттестационной комиссии от 19 октября 2007 г. № 2007.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям 10.01.01 – русская литература по филологическим наукам и 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки) по филологическим наукам.

В 2010 г. проведено 11 заседаний диссертационного совета.

Защищено 11 диссертаций, из них 4 докторские. В рассмотренных диссертациях изучаются динамика литературной жизни, духовно-нравственные основы творчества, литературные контексты, традиции, новаторство, своеобразие творческих индивидуальностей. В диссертациях привлекаются архивные материалы, старинные книжные публикации, уникальные периодические издания, ранее непереведенные произведения зарубежных писателей.

Результаты, полученные соискателями в процессе исследований, могут быть использованы при создании учебных и научных книг, при подготовке к переизданию литературных сочинений, при чтении лекционных курсов, спецкурсов, при проведении спецсеминаров, факультативных занятий.

Данные о рассмотренных диссертациях на соискание ученой степени доктора наук

	Шифр специальности 10.01.01	Шифр специальности 10.01.03
Работы, снятые с рассмотрения по заявлениям соискателей	–	–
С положительным решением по итогам защиты	2/2	2/2
В том числе из других организаций	2/2	1/1
С отрицательным решением по итогам защиты	–	–
В том числе из других организаций	–	–
Дано дополнительных заключений	_	–
Находятся на рассмотрении на 1 января 2011 г.	0	1

Данные о рассмотренных диссертациях на соискание ученой степени кандидата наук

	Шифр специальности 10.01.01	Шифр специальности 10.01.03
Работы, снятые с рассмотрения по заявлениям соискателей	–	–
С положительным решением по итогам защиты	4/4	3/3
В том числе из других организаций	2/2	1/1
С отрицательным решением по итогам защиты	–	–
В том числе из других организаций	–	–
Дано дополнительных заключений	–	–
Находятся на рассмотрении на 1 января 2011 г.	2/2	–

Председатель диссертационного совета д.ф.н. В.Н. Аношкина
Ученый секретарь диссертационного совета к.ф.н. Т.А. Алпатова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ СЛАВИСТИКА И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА С. Б. БЕРНШТЕЙНА»

15–17 марта 2011 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта Самуила Борисовича Бернштейна. Она проводилась совместно с Институтом славяноведения РАН.

Действительно, эту конференцию с полным правом следует назвать интернациональной. Большинство иностранных ученых было представлено славянскими странами: Болгарией, Чехией, Польшей, Словенией, Белоруссией и др. В качестве рабочих языков были приняты все современные славянские языки. Таким образом, российские исследователи получили уникальную возможность узнать о ведущих направлениях зарубежной славистики из докладов коллег и при общении с ними. О масштабе мероприятия свидетельствуют имена крупнейших ученых, занимающихся проблемами славистики: Ж. Ж. Варбот, Т. И. Вендина, Е. М. Верещагин, В.Б. Крысько, Н. Б. Мечковская, Б. Ю. Норман и многие другие.

Как справедливо отметила проф. Московского университета Н. Е. Ананьева, в конференции были представлены сообщения, в полной мере характеризующие научную деятельность С. Б. Бернштейна. Десять направлений исследования, которые выделил в посвященном ученому некрологе В. Н. Топоров (1997 г.), нашли отражение в секционных сообщениях.

Темы докладов были распределены по 14 секциям. В работах каждого направления отражались важные аспекты исследования славянских языков: характеристика единиц фонетического, грамматического и лексического уровней; сопоставительные исследования; лексикография; межъязыковые контакты. Необходимо отметить значительное количество работ, освещающих вопросы славистики в историческом ключе, что характеризует актуальность проблемы родства славянских языков для современной лингвистики. Так, язык древнейших памятников письменности, представляющих исключительную ценность в пределах всего славянского языкового ареала, послужил предметом исследования в докладах Т. В. Пентковской (Толковое Евангелие и Толковый Апостол XI–XII вв.), А. Ю. Козловой (Толковая Палея XIV в.) и др.

В числе наиболее крупных по количеству участников следует назвать секцию «Этимология. Историческое словообразование», выступления на которой сопровождались оживленными дискуссиями по вопросам восстановления внутренней формы слов.

Много докладов было посвящено также проблемам диалектологии и лингвогеографии славянских языков. Внимание к традиционному для славистики направлению изучения церковнославянского языка и истории славянской книжности было продемонстрировано большим количеством работ в данной секции. Следовательно, интерес современных исследователей к древнейшим памятникам славянской письменности, находящимся на территории всех славянских стран, имеет исключительное значение как свидетельство родственных связей славянских народов.

Наконец, было представлено немало работ социолингвистического характера. По нашему мнению, одним из наиболее интересных сообщений был доклад Н. Б. Мечковской о субстандартных языковых образованиях, возникших в результате воздействия русского языка на близкородственные ему украинский и белорусский, называемых соответственно «суржик» и «трасянка».

Необходимо отдельно остановиться на «мемориальных» сообщениях, посвященных жизни и профессиональной деятельности С. Б. Бернштейна. Помимо секции «История славистики», об ученом рассказывали докладчики на двух пленарных заседаниях.

Н. Е. Ананьева, А. Ф. Журавлев, Т. Бояджиев, М. Ю. Досталь приводили примеры как исследовательской, так и организаторской деятельности Самуила Борисовича, способствовавшей становлению славистики как самостоятельной научной дисциплины. Яркие образцы неутомимого труда этого ученого иллюстрируют его продуктивные начинания по созданию лингвистических атласов славянских языков, а о преданности науке свидетельствуют результаты его постоянной заботы о развитии славистики в непростые годы идеологического давления на лингвистику в советское время. В докладах было названо огромное количество имен учеников С. Б. Бернштейна, ставших академиками и докторами наук. Наконец, много благодарных слов было сказано исследователями из Болгарии о неоценимом вкладе российского ученого в развитие болгаристики. Он, в частности, уделял много внимания изучению болгарских диалектов.

В первый день работы конференции все присутствовавшие имели возможность увидеть торжественное открытие мемориальной доски, установленной у двери одной из учебных аудиторий 1-го гуманитарного корпуса МГУ. С целью сохранения памяти о С.Б. Бернштейне организаторы мероприятия преподнесли каждому участнику в дар книгу «Зигзаги памяти», которая содержит воспоминания и дневниковые записи ученого.

В заключение хотелось бы указать на важность таких мероприятий, как конференция «Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна», поскольку они сохраняют имена выдающихся исследователей для новых поколений лингвистов и тем самым способствуют преемственности в науке, сбережению лучших ее традиций.

В.В. Ротарь,
аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию А.Н. Пашкурова «Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического» (Казань, издательство Казанского государственного университета, 2010)

Рецензируемая монография представляет собой оригинальное, самостоятельное, цельное исследование очень важной проблемы филологической науки. А.Н. Пашкуров трактует феномен «позднего русского сентиментализма» исходя из наиболее современного подхода к литературе как динамической системе, которая не существует в виде законченных форм личного или национального творчества, но постоянно развивается, ее элементы взаимодействуют друг с другом, выходя всякий раз к новым, непредсказуемым художественным открытиям. Именно этот методологический принцип определяет специфику анализа, принятого в рецензируемом исследовании, и именно он в конечном итоге позволяет ученому достичь успеха в достижении поставленной цели – рассмотреть развитие отдельных жанровых форм и мотивов внутри более общей художественной системы, которую А.Н. Пашкуров справедливо именует «поздним русским сентиментализмом» и связывает как с традициями литературы XVIII в., прежде всего классицизма и сентиментализма «раннего», так и с феноменами литературы века XIX, предромантизма и романтизма. Благодаря проведенному исследованию А.Н. Пашкурову удалось решить фундаментальную и очень важную научную задачу – снять традиционно сложившийся ореол «эпигонства» с этапа позднего русского сентиментализма, показать его самостоятельное и чрезвычайно важное значение в истории развития русской литературы рубежа веков.

Книга строится на глубоких методологических основах, заложенных лучшими традициями казанской филологической школы. В обширном историографическом введении и экскурсах в начале каждой из глав, посвященных истории литературоведческих трактовок творчества того или иного писателя, А.Н. Пашкуров многогранно представляет научное наследие отечественного литературоведения, подчеркивает значение сделанного предшественниками и четко определяет собственные методики анализа. Это вызывает уважение; работа может служить ценным пособием не только по истории русской литературы, но и истории русского литературоведения; кроме того, продуманная историографическая часть позволяет исследователю более четко выстроить систему доказательств, подтвердить новизну и оригинальность собственной новаторской концепции.

Безусловный успех предпринятого анализа определяется удачным преломлением принципов исторической поэтики, представленных в книге. А.Н. Пашкуров рассматривает феномен позднего русского сентиментализма сквозь призму двух жанровых модальностей – «идиллического» и «элегического». По справедливому мнению исследователя, для позднего русского сентиментализма это не столько жанры (как нечто более застывшее и четко определенное), сколько именно подвижные формосодержательные комплексы, связанные с жанровой традицией, но тем не менее не укладывающиеся в нее до конца. Таким образом, уже появление «идилличес-

кого» и «элегического» в литературе рубежа веков подтачивало основы жанровой системы классицизма, несло идею авторской свободы, которая станет позднее определяющей для романтизма.

Не вызывает сомнений новизна исследования, предпринятого А.Н. Пашкуровым. Его книга вводит в науку о русской литературе рубежа веков множество новых имен; значительнейшая часть работы посвящена изучению писателей, либо вовсе не привлекавших внимание литературоведения, либо становившихся объектами анализа очень редко. Таковы фигуры Е.П. Люценко, М.А. Поспеловой, Н.Ф. Эмина, А. Турчаниновой, П.И. Шаликова и др. Говоря о творчестве более изученных писателей, А.Н. Пашкуров также сумел найти новые подходы к трактовке их произведений – таковы его исследования идиллического в творчестве А.Т. Болотова, элегики в произведениях В.П. Петрова и В.И. Капниста. К безусловно лучшим страницам книги принадлежат разделы о творчестве М.Н.Муравьева – одного из наиболее оригинальных русских поэтов конца XVIII – начала XIX в., серьезная оценка которого остается одной из наиболее актуальных задач современного литературоведения.

А.Н. Пашкурову удалось создать интересный, имеющий большую филологическую ценность научный труд, новаторский как по своим методологическим подходам, так и по привлеченному материалу. Книга написана очень живо и ярко, без сомнения, она привлечет не только читателей-профессионалов, но будет также полезна студентам, учителям-словесникам, а также всем интересующимся русской литературой и культурой конца XVIII – начала XIX в.

Кандидат филологических наук,
доцент Алпатова Т.А.

НАШИ АВТОРЫ

Айтасова Сания Ибрагимовна – аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии; e-mail: ajtasova_si@mail.ru

Белова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института, аспирант Мичуринского государственного педагогического института; e-mail: belov-nataliy@yandex.ru

Васильева Юлия Петровна – аспирант кафедры коммуникационных технологий Чувашского педагогического университета им. И. Я. Яковлева; e-mail: villieva@yandex.ru

Горелова Лариса Демьяновна – соискатель кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета; e-mail: ooo_vaz@mail.ru

Девятова Надежда Михайловна – докторант, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Московского городского педагогического университета; e-mail: Deviatovan@mail.ru

Дементьева Марина Константиновна – аспирант, ассистент преподавателя Московского государственного университета печати; e-mail: thebukvica@gmail.com

Евтушенко Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета; e-mail: ovae@list.ru

Жаворонок Инесса Андреевна – соискатель кафедры русской литературы XX-XXI века Тверского государственного университета; e-mail: Ine5342@yandex.ru

Зайидова Анна Вячеславовна – аспирант кафедры русской литературы Дагестанского государственного университета; e-mail: matilda12@rambler.ru

Исаева Наталья Анатолевна – аспирант заочного отделения кафедры теории и практики перевода Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: isaevanat@mail.ru

Лихачев Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Московского городского педагогического университета; e-mail: lihachovSV@rambler.ru

Лекант Павел Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка Московского государственного областного университета, Заслуженный деятель науки РФ; e-mail: masha_lecant@mail.ru

Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел – аспирант кафедры русского языка Воронежского государственного университета; e-mail: mister.lotario@yandex.ru

Назаралиева Фатима Салмановна – соискатель Дагестанского государственного университета; e-mail: Fatima-nensy@mail.ru

Новикова Альбина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории литературы и культуры Уссурийского государственного педагогического института; e-mail: novikalex.49@mail.ru

Попова Людмила Васильевна – аспирант Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; e-mail: lusinda.08@list.ru

Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа); e-mail: gulram.60@mail.ru

Раскова Наталья Викторовна – соискатель кафедры славянской филологии Московского государственного университета; e-mail: elena-m-m @ mail. ru

Савинич Сергей Сергеевич – ассистент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: s-serg@bk.ru

Савостина Дарья Андреевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: dar-savostina@yandex.ru

Симбирцева Наталья Юрьевна – Институт научной информации по общественным наукам РАН; e-mail: simbirtseva.natasha@yandex.ru

Сицына-Кудрявцева Алевтина Николаевна – соискатель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; e-mail: alevtina-sk@yandex.ru

Солдаткина Янина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской литературы и журналистики XX-XXI веков Московского педагогического государственного университета; e-mail: jaseneva@yandex.ru

Тюрморезова Светлана Александровна – аспирант Сургутского государственного педагогического университета; e-mail: tsa.61@mail.ru

Ухова Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; e-mail: larissauchowa@mail.ru

Шихонина Анастасия Дмитриевна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; ассистент, кафедра романистики ИЛиМК Московского государственного областного университета; e-mail: schixonina@yandex.ru

Шлома Елена Сергеевна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: eleshna@yandex.ru

Южакова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; e-mail: yuliyayuzhakova@mail.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов , в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Русская филология»
2011. №2

Над номером работали:

менеджер отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *Л.В. Туркова*
литературный редактор *Т.Е. Шаповалова*
переводчик *И.С. Шаповалов*
компьютерная верстка *А.В. Тетерин*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 261-43-41; (499) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».
Тираж 295 экз. Уч.-изд. л.13,75, усл. п.л. 10,75.
Подписано в печать 15.04.2011. Заказ № 358.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена
на сайте журнала (http://vestnik.mgou.ru), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Турковой Людмиле Валентиновне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru